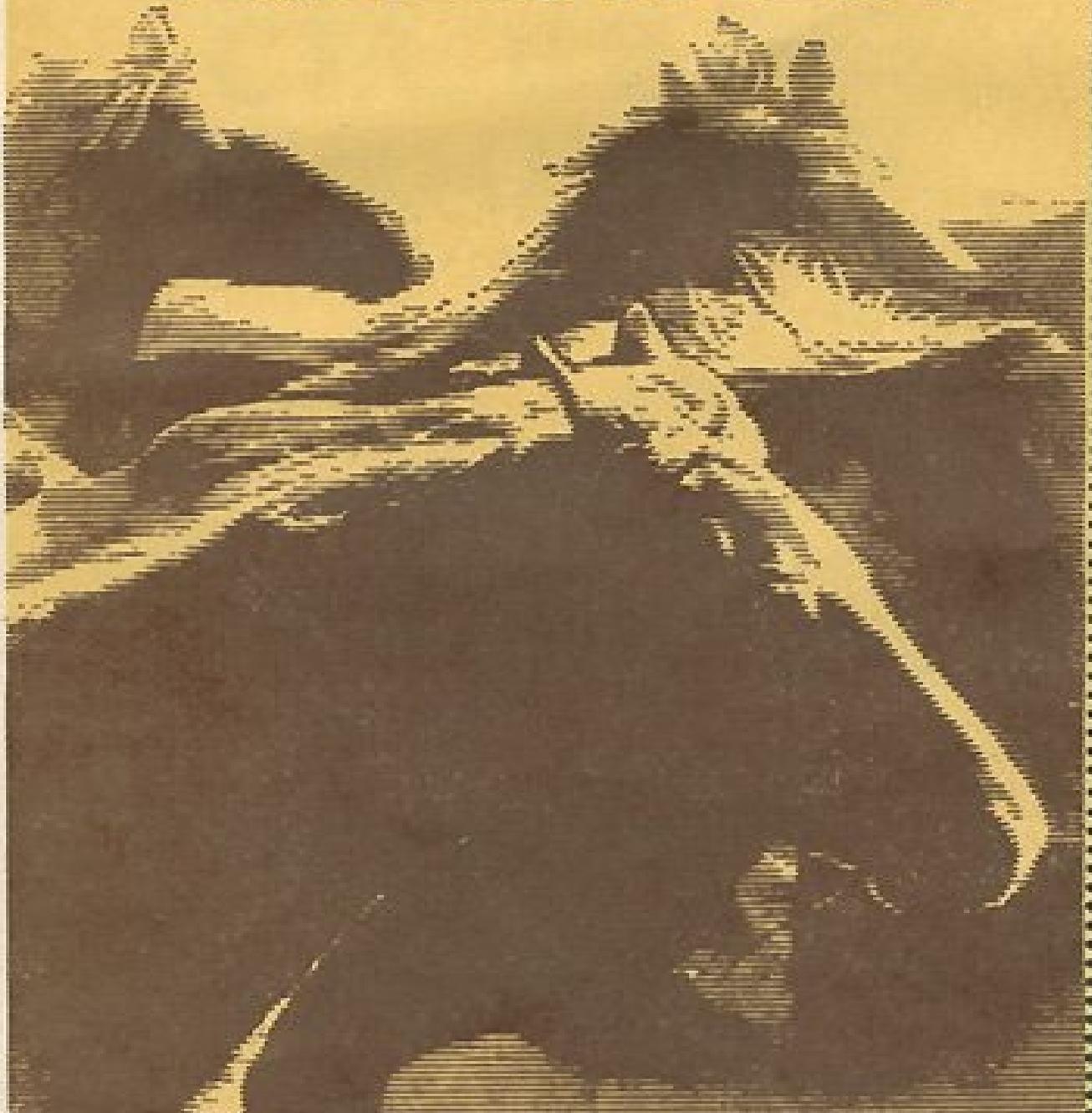

Л. М. БАСКИН

ЭТОЛОГИЯ СТАДНЫХ ЖИВОТНЫХ

ЗНАНИЕ

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
естественнонаучный факультет

Annotation

БАСКИН Леонид Миронович — доктор биологических наук, заведующий лабораторией прикладной этологии наземных позвоночных Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова АН СССР. Автор многих научно-популярных книг.

Книга посвящена новому направлению прикладной этологии: изучению особенностей и закономерностей поведения стадных животных как основы пастушеского дела. Приобретение знаний в этой области науки, несомненно, актуально для работников животноводства, учителей, учащихся сельских школ.

- [Л. М. Баскин](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Неласковая пустыня](#)
 - [В пески за «Ой!»](#)
 - [Весна в белой пустыне](#)
 - [От охотника до пастуха](#)
 - [Архары Бадхыза](#)
 - [Чабаны Алая](#)
 - [Опасное пастбище](#)
 - [Современная «баранта»](#)
 - [Месяц жеребенка](#)
 - [Табун в степи](#)
 - [Пастухи будущего](#)
 - [Литература](#)
-

Л. М. Баскин

Этология стадных животных

Предисловие

Эта книга рассказывает о поведении стадных диких и домашних животных: лошадей, верблюдов, сайгаков, архаров, яков, в ней описана природа туркменских пустынь, Алайских гор, Тургайских степей. Но объединяет повествование единая нить научного поиска. Каковы законы, управляющие поведением животных в стаде, как подчинить массу животных воле человека — вот что волнует автора книги, заставляет его отправляться в новые путешествия.

Леонид Миронович Баскин—доктор биологических наук, видный исследователь поведения копытных животных. В его научных работах описано поведение северных оленей и горных баранов, лосей и благородных оленей, лошадей и верблюдов. Но эта характеристика будет неполной, если не упомянуть о постоянном интересе исследователя к пастушескому ремеслу, к той древней науке пастухов, что тысячелетия передается от отцов к сыновьям, постепенно усложняясь и совершенствуясь.

Пастыба животных стала для Л. М. Баскина не побочным увлечением, а органично влилась в методику его научного поиска. Подтверждение найденным закономерностям поведения он искал и в том, подчиняются ли животные его воле. Многие интересные особенности поведения копытных животных открылись исследователю, когда он изучал методы работы пастухов.

В науке о поведении животных, впрочем, как и во многих других науках, понять, что изучать, в чем проблема,— часто уже залог открытия, решения проблемы. В этой книге читатель познакомится с тем, как отыскивает исследователь эти загадки, как задается вопросами, казалось бы, беспочвенными: «Куда овца бежит? Почему по этой тропинке, а не по другой? Почему в одном случае за ней следует много овец, а в другом — лишь собственный ягненок?»

Прием этот — приглашение читателю следовать за мыслью, за опытом ученого — хорошо известен педагогам. Преподавание науки как исследования широко распространено в наших вузах и школе, в нем суть тех практикумов, которыми наполнены курсы естественных наук. Преподнося факты как данное, не раскрывая историю их поиска, мы рискуем оставить студентов беспомощными, если случится, что жизнь потребует новых истин, новых достижений. И еще одна опасность —

нигилизм, который может возникнуть, если студенты однажды услышат, что известные им теории или часть их опровергнуты. Не зная истории науки, трудного пути познания, студенты не будут подготовлены и к неизбежному появлению новых фактов, новых теорий, а может быть, и к перевороту в идеях всей этой области знания.

Такая возможность существует и в этологии. Пока что мы судим о поведении животных в основном по его внешним проявлениям — движениям животных, их распределению в стаде или в пространстве, предпочтению тех или иных условий. Пока еще нет необходимых стыков этологии с физиологией высшей нервной деятельности, эндокринологией, так что мы лишь предположительно можем говорить о корреляции поведения с внутренним состоянием организма животного, с процессами, происходящими в его нервной системе. Тем более такая предположительность существует, когда речь идет о поведении больших масс животных. Рано или поздно более точные методы исследования, чем наблюдения и киносъемка, внесут коррективы в те закономерности, которые добыты нами с таким трудом. Однако и в будущих знаниях роль достижений современных исследователей будет значительна. И хотелось бы, чтобы читатель этой книги знал, как они были получены.

Еще одна особенность рекомендуемой книги — стиль изложения. Он близок к научно-художественному, и, на мой взгляд, это оправдано. Есть научно-популярные книги, где мысль ученого доносят до читателя формулы, схемы, рисунки, где строгое лаконичное повествование больше всего соответствует предмету. Но этология — наука о поведении животных — сегодня еще не может излагаться лишь строгим научным языком. Иначе мы рискуем потерять в познании поведения многое важное, что еще не поддается ни формализованному описанию, ни языку цифр или схем. Живое человеческое слово остается пока единственным способом полноценного описания многих сторон поведения животного, особенно когда мы говорим о стадном поведении.

Тем более живой, образный язык оправдан в научно-популярном издании. В этой книге читатель не найдет научной терминологии, определений понятий, формулировки законов. Однако он, несомненно, поймет, что связывает животных в стаде и что составляет предмет их конкуренции, как упорядочиваются отношения животных на основе пространственной и этологической структуры, что определяет маршрут движения одного животного, группы, большого стада. Читатель узнает, чему учатся все животные, а что становится достоянием лишь тех, кому суждено со временем оказаться вожаками стада. И все это станет понятным

в ходе исследования, в течение реальной жизни исследователя со всеми ее радостями и невзгодами.

Л. М. Баскин уже известен любознательному читателю своими книгами «Северный олень» [2], «Законы стада» [3], «Сегодня кочевка» [4], «Олени против волков» [5], «Поведение копытных животных» [6]. И я охотно рекомендую новую его книгу «Этология стадных животных».

Академик В. Е. Соколов

Неласковая пустыня

Директор совхоза «Бахарден» А. Язклычев познакомил меня со стариком в халате и огромной туркменской шапке. Мелкие морщинки, начинаясь от глаз, веером расходились по лицу. Казалось, оно всегда светится улыбкой, хотя старик был серьезен.

— Пишик-ага, — представил его Язклычев. — «Ага» знаешь? По-нашему, старый человек. Пишик-ага Дурдыев. Он тебя поведет в пустыню. Лучшего проводника не найти. Пара-шара много?

Я кивнул головой. Что пара-шара — мои пожитки, я догадался без пояснений.

— Ничего, машина пойдет. Заодно муку в бригаду возьмете. Ну, счастливо!

На крылечке конторы я подождал, пока Пишик-ага закончит свои дела и заберет мои вещи из гостиницы. Наконец, подъехала грузовая машина. Я забрался в кузов. Мне хотелось оказать старику уважение. Слегка поторговавшись, Пишик-ага остался сидеть в кабине. Миновав глиняные дома и побеленные заборы Бахардена, мы въехали в пустыню.

Как обычно, километров на десять от поселка пролегли неудобные, безлесные, полуразбитые пески. Сказывается разрушительное влияние человека: вырубка деревьев, неумеренная пастьба скота. Дальше потянулись поросшие саксаулом и акацией барханы, бесконечные подъемы и спуски, короткие, с ветерком пробежки по такырам, ровным как стол, и снова барханы.

Несмотря на начало декабря, было тепло. Я неплохо устроился на мешках с мукой. Мы ехали по бесконечной дороге, лишь изредка однообразие песков нарушали колодцы или цистерна с водой и поилками для овец. Где-то на полпути мы миновали небольшой поселок Кырпыли — несколько десятков глиняных домов — беленькая, с деревцами вокруг, школа, чайхана. И снова потянулась пустыня...

Мысли мои кружились вокруг недавнего разговора с директором

совхоза.

— Зачем гость из Москвы хочет забраться в Каракумы и пасти там овец? — спросил Язклычев.

Я был готов к этому вопросу.

— Затем, что нет лучших знатоков пустынного овцеводства, чем туркменские чабаны. Их труд для каждого биолога — синоним вековой народной мудрости. Их опыт изучают давно и весьма успешно. Но сейчас этология, наука о поведении животных, которой я занимаюсь, продвинулась далеко вперед, и теперь можно объяснить многие, даже очень сложные, приемы чабанов и найти новые пути управления стадами...

Переведя дыхание, я продолжил бы доказательства, но Язклычев перебил меня:

— Ты Деда — знал?

— Много о нем слышал. — Я обрадовался. Если директор совхоза вспомнил Ивана Александровича Мосолова, легендарного «Деда», он не мог не сочувствовать нашему делу.

Балтийский моряк Мосолов, когда кончилась борьба с басмаческими бандами, увлекся чабанской наукой. Его соратница — ныне академик и Герой Социалистического Труда Нина Трофимовна Нечаева рассказывала мне в Ашхабаде, как вместе они работали на первой пустынной станции, вместе начинали в тридцатых годах изучение пустыни, ее пастбищ, маршрутов отар. Когда-то баи делили между собой пустыню и колодцы, определяли пути кочевий. Коллективизация потребовала пересмотреть многое в чабанском деле и овцеводстве в целом, которое всегда было одним из главных богатств и забот Туркмении.

Рассказ Нечаевой [11], описавшие то, что тысячи лет было лишь изустным преданием, не могли не волновать. Хотелось скорее уйти в пустыню, чтобы продолжить изучение опыта туркменских чабанов. Без пастушества и сегодня не обойтись. Пустыни и степи кормят мир мясом.

Присматриваясь к тому, как Язклычев слушал меня, я все больше ощущал сложность характера этого человека. Сквозь решительные, властные черты лица руководителя большого совхоза просвечивали вдумчивость, неторопливость в мыслях, уважение к собеседнику, так знакомые мне по общению с пастухами.

— Трудно быть чабаном. Сам знаешь, никто не хочет спать у костра, — заметил директор.

— Нужно научиться управлять отарой издали, не ходить за ней следом. Тогда многие трудности исчезнут, пастушество станет иным...

— Ну что ж, такая наука нужна. Пошлем в лучшую бригаду...

...Между тем темнело, холодало, по сторонам тянулись все те же барханы, дорога казалась мне затянувшейся, пора было и приехать. Наконец мы добрались до бетонной прямоугольной кошары. Подошел Нурыгды, бригадир, как объяснил мне Пишик-ага, поздоровался со всеми за руку. Мы перетаскали мешки с мукой в кошару, сложили у одной стенки. Машина отправилась обратно, увезя с собой Нурыгды.

Не зная, куда себя деть, я бродил сиротливо у кошары, а Пишик-ага тем временем принес вязанку веток, запалил прямо у стенки кошары костер.

— Ночуем здесь? — спросил я, не понимая, добрались ли мы до стоянки бригады. Не было ни овец, ни дома, ни палатки, вообще ничего, что можно было бы принять за хозяйство бригады. Назначения пустой безжизненной громады кошары я пока не знал.

— Здесь ночуем, — ответил Пишик-ага. — Ты отдыхай, а я пойду к отаре.

Оставшись в одиночестве, я дремал у костра, подложив под бок рюкзак, иногда подбрасывал дров, жалея, что не посмотрел, где их Пишик-ага собрал. Ветки были какими-то странными — снаружи зелеными, внутри коричневыми, словно гнилыми. Попадались и сухие коряги — крученые, дряхлые. Я впервые видел дрова из саксаула.

Горел костер хорошо. Несколько раз я слышал, как приближалась отара — характерный топот овец, редкое бляенье. Потом все стихало. Огонь освещал небольшую площадку вокруг, дальше простиралась непроглядная тьма.

Наконец, уложив отару неподалеку от костра, пришли чабаны: Пишик-ага и Овезли — молодой, лет двадцати, парень. Вместе мы ужинали. Я рассказывал, чем интересуюсь в отаре.

Потом Овезли ушел поближе к отаре. Пишик-ага постелил на песок кошму. Уже засыпая, я почувствовал, как Пишик-ага заботливо укрыл меня шубой.

С утра вместе с Пишик-ага мы отправились в отару. Старик охотно отвечал на мои вопросы и рассказывал сам. Ему сразу же понравилось учить меня туркменским словам.

Вот на снегу встретилась цепочка следов, словно отпечатки детских ножек.

— Кырпы, — объяснил мне Пишик-ага. — Кырпы. — Сломав веточку, он приставил ее торчком к своему боку.

— Дикобраз! — воскликнул я, радуясь, что догадался.

— Илан, — чертил старик палочкой по снегу извилистую линию.

— Змея.

— Когда я родился — вот такой был. — Пишик-ага смешно надул щеки, сузил глаза, потом зашипел. — Как кошка. Отец назвал — Пишик, по-туркменски «кошка». Теперь — Пишик-ага.

У старика и впрямь было округлое лицо. Удивительно, как легко он двигался, сбегал с барханов.

Фигурка Пишик-ага казалась почти мальчишеской. Он носил огромную, кудрявую шапку и ватный халат, туго перепоясанный зеленым платком.

Особенно много я его расспрашивал про овец. Различает ли отдельных животных, как проверяет — не остались ли овцы в песках? Пока мои вопросы были не очень дельными: я плохо знал овец. И ответы Пишик-ага давал не слишком интересные.

— Которых овец знаю, которых нет. Больше не знаю.

Каждые два дня считаем овец в отаре — так и узнаем, все ли дома.

В первый же день я убедился, что в пустыне отара расходится очень широко. Чабаны не препятствовали этому, они шли все время справа, поджимая овец налево. Несмотря на вольную пастьбу, овцы держались довольно близко друг от друга, но зато небольшими группами — голов по двадцать — тридцать. Я обратил также внимание на многочисленные цепочки овец, переходивших с места на место.

Пишик-ага довольно быстро убедился, что моя работа не мешает отаре спокойно пастись. Часа два походил вместе со мной, а потом ушел к кошаре. Нужно было найти верблюдов, на которых бригада перевозила имущество. Мы остались с Овезли вдвоем в пустыне, если, конечно, не считать восемьсот овец и коз.

Я поднимался на поросший кустарником песчаный бугор, на минуту задерживался здесь, чтобы оглядеться вокруг, и спускался в котловинку. Идти по сырому песку было нетрудно. Вверх — вниз, вверх — вниз я переходил по песчаным буграм, поросшим прозрачными деревцами саксаула. По склонам бугров, задерживаясь у кочек с сухими хвостами селина, паслись овцы. Завидев меня, они тревожно оглядывались на соседок, какая-нибудь трогалась первой, и за ней тотчас же выстраивались вереницей другие.

Овцы были спокойнее, позже замечали меня, если паслись в глубине отары. Случалось, я оказывался всего в нескольких шагах. Овца смотрела то на меня, то на соседок, словно не веря своим глазам, не понимая, почему не встревожены остальные. Она то задирала голову, оглядывалась, то

опускала ее до песка, принохивалась. Ее беспокойство, наконец, замечали соседки, мигом тревога распространялась вокруг, овцы шарахались в стороны.

То подходя к отаре со стороны, то тревожа овец из глубины стада, я мерил на глаз дистанцию, с которой они пугались. Снимал кинокамерой, как воспринимают друг от друга сигнал тревоги соседние животные. Уже в Москве, рассматривая кадры киноплёнки, я смог убедиться, что во время пастьбы овцы следят лишь за поведением ближайших двух-трех соседей. Если же отара была встревожена, бегство одной группы овец воспринималось другими даже с двухсот метров.

Снизу, из котловинок я нередко видел на вершине бугра коз. На фоне белесого неба четко выделялись их рожки. Козам словно нравилось красоваться. Пастись они предпочитали, привстав на задних ногах: объедали верхушки кустов саксаула и кандыма. У них с овцами были разные вкусы. Те кормились нижними побегами и не вставали на задние ноги.

Песчаные бугры, вроде бы и не слишком одинаковые, создавали удивительно монотонный пейзаж. В нем не было простора. Глаз терялся в лабиринтах холмов, гребней, котловин. И лишь геодезическая тренога, видневшаяся километрах в пяти к северу, позволяла мне как-то сориентироваться, найти себя в этом узорно-запутанном мире.

И тренога, и Овезли, темную фигуру которого я временами замечал на одном из барханов, всякий раз оказывались совсем не там, где я их ожидал. Я не понимал, ни куда движется отара, ни как ею управляет Овезли. Казалось, овцы разошлись от горизонта до горизонта.

В нашей отаре было 755 овец и 55 коз. В первые дни я пытался запомнить хотя бы некоторых из них и как будто преуспел в этом. Быстрее всего я познакомился с козами. Тут помогали и рога, и пестрота окраски, и разница в размерах. Как было не заметить крупного черного козла с огромными дугообразными рогами.

Вела отару куда менее приметная коза — неряшливая на вид, лохматая, рыжевато-черная с проседью. Она отличалась необыкновенной живостью, то и дело норовила куда-нибудь отлучиться из отары. Чабаны частенько на нее покрикивали, замахивались таяком, однако ценили. Пишик-ага не раз говорил мне про нее: «Команду хорошо понимает. Когда ветер сильный, очень помогает нам».

Завести знакомых овец оказалось труднее. Мне удалось запомнить лишь приметных животных. Несколько овец хромали, у некоторых были обломаны рога или чем-то резко отличалась окраска. Конечно, я быстро

взял их на заметку. Список таких овец постепенно увеличивался. Плохо лишь, что я не мог их различать издали. Между тем это было необходимо. Первые наблюдения показали, что многие овцы держатся в одном и том же месте отары. Были передние и отстающие овцы, правые и левые, те, что пасутся с краю, и те, что предпочитали находиться в гуще отары. Но все это требовалось доказать. Отара то и дело совершала круг, овцы перемешивались. Одни паслись, другие деловито шли мимо них. Мне хотелось понять, что заставляет их менять место пастбы? Кто из животных начинает движение, выбирает его направление? Кто первый пугается, поворачивает вспять, пытается смешаться с гущей отары, когда чабан звонко, тонким голосом кричит «Оуш!»?

Из Москвы я привез с собой небольшой рулон марли. Выкроив достаточные по размеру полотнища, я написал на них черной краской большие номера и попросил Пи-шик-ага поймать овец. Для начала мы решили пометить двух передних, двух средних и двух задних животных. Лентяйку, которая предпочитала пастись далеко позади отары и трогалась вперед не раньше, чем ее подгонял чабан, мне не нужно было и показывать. Я уже успел отметить ее сам. Как видно, эта мудрая овца не гналась за вкусным кормом, не стремилась обогнать других овец в поисках его, а доедала то, что осталось после прохождения отары. Но зато уж здесь она паслась вдоволь и трогалась с места не раньше, чем ее подгонял чабан или уж если отара уходила совсем далеко.

Чтобы поймать нужную нам овцу, Пишик-ага и Овез-ли собрали отару покучнее. Потом Овезли крадущейся походкой стал подбираться к намеченной нами овце. Отара расступалась перед ним веером. В какой-то миг Овезли вдруг ускорил движение, согнулся, рука его двигалась у самого песка, и он внезапно схватил овцу за заднюю ногу. Мы надели на нее номер с цифрой «6» и отпустили в отару. Овца теперь напоминала спортсмена, с той разницей, что номера у нее были на боках. Первый номер достался неизвестной мне овце, про которую Пишик-ага сказал, что она любит ходить спереди. Это была крупная и довольно светлая овечка. Мы поймали ее довольно легко. Уже одетая в номер, она долго не отходила от нас, так что Овезли даже пришлось ее пугнуть.

Пишик-ага раззадорила идея пометить передовых овец. Довольно долго он ходил по отаре, высматривая какую-то одну особо знакомую ему овцу и, наконец, указал ее Овезли. Это была крупная, почти черная овца, поймать ее оказалось нелегко. Она довольно ловко увертывалась от Овезли. Трижды он промахнулся, прежде чем упрямыца, наконец, оказалась у него в руках. Она сильно билась, и нам пришлось ее повалить, чтобы надеть

номер.

Теперь у меня появилось новое занятие. С очередного высокого бархана я в бинокль высматривал номерных овец и отмечал, где они находились: впереди или сзади, с правого или левого фланга. К вечеру я подвел итоги своей работы, и результаты мне не понравились. Практически не про одну из «номерных» овец нельзя было сказать, где это животное предпочитает пастись. Примерно каждые сорок минут отара поворачивалась вокруг своей оси, передние овцы оказывались то сзади, то в центре отары, то снова выходили в авангард.

Тогда я принялся следовать поочередно за каждой из «номерных» овец. Начал с шестой — ленивицы. Понять ее тактику оказалось несложно. Она спокойно паслась до тех пор, пока вокруг нее были овцы. Постепенно отара удалялась, овца все чаще посматривала вперед и в стороны, однако продолжала пастись, пока хотя бы одна овца была неподалеку. Лишь оказавшись в одиночестве, она проходила вперед и начинала пастись как только оказывалась в задней части отары. Примерно так же вела себя овца под № 5. Однако она была более пуглива и не решалась оставаться в одиночестве, отставать от отары. Стоило основной массе овец пройти мимо, как она бросала пастьбу и следовала за ними.

Остановившись в каком-либо месте, овца объедала травинки пустынной осоки, илака, как называл ее Пишик-ага. Ей приходилось поворачиваться то вправо, то влево. Илак рос редко, на квадратном метре я насчитал всего лишь сотню стебельков.

Наблюдая за «пятой» овцой, я подметил интересную особенность. Она догоняла отару по следам одной из идущих впереди овец. Догнав, обходила ее сбоку, делала еще несколько шагов вперед и начинала пастись. Вскоре я заметил, что такой же тактики придерживаются и другие овцы. На песке оставались торные тропинки. Я не поленился пройти поперек пастбища, где только что прошла отара, и подсчитать, сколько же она оставляет следов. Как я и предполагал, на песке оказалось чуть больше сотни тропинок, тогда как мы вели по пустыне больше восьмисот животных.

Особенно интересным оказалось поведение овцы № 2. Наблюдать за ней было нелегко. Раньше овцы не обращали внимания на мою работу, на то, что я упорно шел сзади. Эта же после нескольких минут наблюдений стала тревожно оглядываться, прекратила пастьбу и постаралась избавиться от моего навязчивого преследования. Некоторое время мы бродили из конца в конец отары. Но такие прогулки не входили в мои планы. Мне было важно, чтобы она вела себя естественно. Пришлось оставить ее на время в покое, а потом уже издали продолжать наблюдение.

Овца № 2 действительно предпочитала находиться в авангарде, хотя нередко впереди нее паслись две-три овцы. Больше всего поразила самостоятельность ее поведения. Она переходила с места на место, не обращая внимания на соседей. Наоборот, я заметил, что за ней неуклонно следовали три овцы, можно сказать, ее подружки. По крайней мере, моя «номерная» овца не отгоняла их, позволяла кормиться рядом, не убегала прочь. Впрочем, они обычно паслись на полкорпуса сзади, не мешая ей и не составляя конкуренции.

Когда отара поворачивалась, моя «вторая» овца нередко оказывалась в арьергарде отары. Некоторое время она паслась здесь, но, видимо, теснота ей не нравилась, она прекращала пастьбу и, выбрав направление, шла, уже нигде не задерживаясь, пока не оказывалась снова впереди стада.

За такими работами дни проходили незаметно. Для меня уже привычными стали работа в отаре, ночлеги в песках. Каждый третий день мы поворачивали отару назад, к цистерне, поить овец. Дважды мы никого там не заставали и, напоив животных, вновь уходили в пустыню. Пишик-ага расчетливо использовал пастбища по секторам, так что всякий раз справа от нас оставался уже стравленный участок. Овцы не любят кормиться там, где еще сохранился запах прошедшей недавно отары, ищут чистое место. И эта особенность поведения помогает управлять отарой: не опасаясь ухода овец на уже стравленный участок.

Я затеял суточное дежурство. Каждые четверть часа записывал, какая часть отары пасется, какая переходит на новое место, собравшись в походные колонны. Отдельно отмечал легших на отдых. Кроме того, измерял шагами пройденный овцами путь, ширину использованной полосы пустыни, записывал еще многое другое. Почему-то когда наблюдаешь за животными, все время видишь что-то интересное.

Начинать дежурство всегда легче, чем заканчивать. В первые часы полон энтузиазма, пишешь много лишнего. К вечеру устаешь, уже действуешь строго по программе. Ночью отара пасется лишь один-два часа, так что удается поспать. Зато на следующий день уже ждешь не дождешься конца работы. Как велико искушение все оросить, как сомневаешься: нужны ли твои занятия кому-нибудь?

С полудня чабаны стали подгонять овец энергичнее, вскоре собрали их воедино. Километра три мы прошли ходом. За барханом показалась цистерна и машина-водовозка. Разом отара загомонила, кинулась к машине. С блянем овцы бродили вокруг, видимо, хорошо зная машину.

— Любят ее. Знают, что воду дает, — смеялся Пишик-ага. У машины нас ожидал Нурягды, бригадир, только что вернувшийся из Бахардена.

После его короткого приказания Овезли поймал овцу, повалил, связал ноги. Подошел Нурягды, что-то пошептал — видимо, помолился за ее душу — и перерезал горло. Кинжал у него был такой внушительной длины, что я невольно вспомнил, что в былые времена туркмены слыли отважными разбойниками, немало попортившими кровь окрестным эмирам.

Пока Нурягды обдирал овцу, Пишик-ага с помощью шофера и Овезли напоил отару. Протянув резиновый шланг от машины, шофер наливал воду в бетонные поилки, а Пишик-ага, отталкивая наиболее нетерпеливых овец, следил за порядком. Одновременно могло пить несколько десятков овец, остальных Овезли удерживал в стороне, пропускал на водопой группами.

Глядя на толпящихся овец, я опять подумал: «До чего они похожи». Можно было проследить за одной — как она протискивалась вслед за другими поближе к воде, пугалась взмахов рук Овезли, искала другой путь, но стоило отвести глаза, и я уже не мог вновь найти ту, за которой наблюдал.

В нашем институте работал Дмитрий Викторович Радаков, он изучал поведение океанических рыб, нырял за ними в океан в скафандре или батискафе [13]. Мы дружили с ним, часто беседовали.

Дмитрий Викторович показывал отснятые под водой фильмы, где гигантские стаи рыб кружили в загадочном хороводе. Я вспоминал эти фильмы, сидя на склоне бархана над отарой, она напоминала мне стаю рыб. Вдруг возникавшие «течения» выносили наружу группу животных, возникал выступ, щупальце. Если Овезли успевал напугать овец, они поворачивали вспять. Однако случалось, что «щупальце отрывалось» у основания, и группка бегом устремлялась к воде.

Кто из овец был инициатором этих движений, заметить было невозможно. Радаков, рассматривая свои киноплёнки, убедился, что постоянных вожаков у стаи не было — желание двигаться в одном направлении возникало сразу у нескольких рыбок. У стаи появлялся коллективный вожак. Понять, как это происходит у овец; без кинокамеры я не мог (рис. 1).

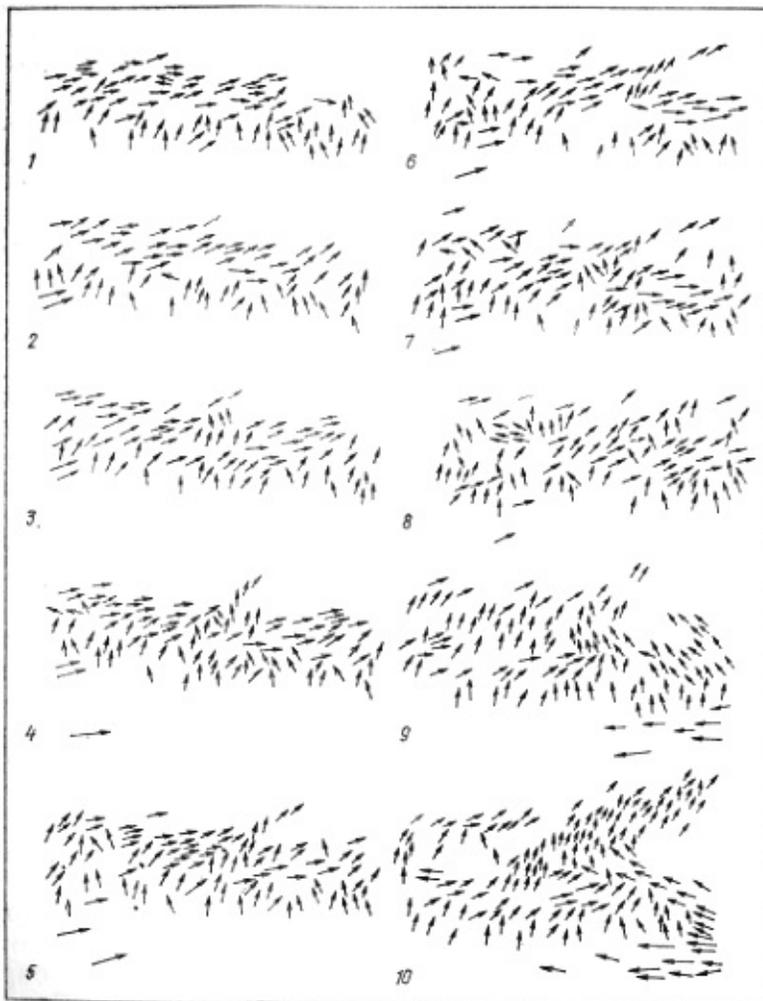

Рис. 1. На рисунке, сделанном с киноснимка, стрелки изображают отдельных овец (наконечники — их головы). Этапы 1—10 соответствуют выявлению группы лидеров в отаре

После водопоя отара легла отдыхать, а мы принялись за тушеную в сале баранину — коурму. Чудная вещь коурма, особенно когда макаешь в нее лепешку, да еще удается подхватить, прижать к лепешке кусочек мяса.

На ночлег остановились неподалеку от цистерны. Здесь было мало корма, барханы разбиты копытами овец. Стоило ветру усилиться, как над барханами начинали куриться тонкие струйки поднятого в воздух песка.

Уже смеркалось. Овезли пас отару поблизости. Нурыгды остался в лагере, а мы с Пишик-ага пошли за дровами. Старик знал где-то неподалеку хороший лесок саксаула. Ветер выдул песок из-под корней деревьев, обнажились длинные сухие узловатые плети. Их нетрудно было выкорчевать из песка.

Осматривая бархан за барханом, мы постепенно собрали две хорошие вязанки хвороста. Я отошел от Пишик-ага немного в сторону, когда

заметил, как по гребню бархана метнулась рыжеватая фигура. Тотчас где-то там в котловине раздался визг. Я бегом кинулся вверх по бархану и увидел с гребня крупного каракала, только что поймавшего зайца. Шум песка, осыпавшегося под моими ногами, испугнул песчаную рысь, она бросила зайца. Когда я подбежал, он был еще живой. Памятуя привычки своих товарищей, я тотчас перерезал ему горло ножом.

Пришел Пишик-ага. Он внимательно осмотрел зайца. Я спросил его:
— Давленину есть будешь?

Мне-то не раз приходилось отбирать у хищников их добычу, и она не казалась мне чем-то неприятным. Пишик-ага, как видно, сомневался; однако то, что я успел перерезать горло, выпустить кровь, видимо, успокаивало его.

Вероятно, очень смешно выглядели мои объяснения, какой зверь поймал зайца. Памятуя рассказы Пишик-ага о происхождении его имени, я повторял: «Пишик, пишик», — показывал руками рост кошки и пятна на ее теле. Случай этот еще долго обсуждался на чабанской стоянке.

Чабаны решили приготовить из зайца плов. Меня обрадовала их затея — можно было узнать секрет настоящего плова. Наблюдая за Пишик-ага, а впоследствии расспрашивая других чабанов, я как будто постиг главную тонкость. Дойти до нее самому невозможно, потому что ни запах, ни вкус готового плова никак не выдают секрета его приготовления.

Плов готовится на растительном масле. Пишик-ага настаивал, что лучше всего он получается на хлопковом масле. Пока рис тушится в кипящем масле, оно теряет свой запах. Разогрев казан на огне, Пишик-ага налил в него хлопкового масла, положил мелко нарезанные кусочки зайчатины и потом с полчаса тушил. Добавив туда три стакана воды, он засыпал по какой-то известной ему мерке рис, и через час плов был готов. Впоследствии я усвоил прием удаления излишка воды. При отсутствии навыка плов легко мог получиться слишком жидким. Казан накрывали газетой, а сверху крышкой. Капли, падавшие с крышки, скапливались на газете, их сливали. Таким методом удавалось уварить плов до нужной густоты.

Следующие два дня мы вели отару довольно быстро. Нурагды был недоволен пастбищами, искал более богатые. Пожалуй, мы зря торопились. Очень скоро расстояние до кошары показалось нам слишком большим.

К вечеру чабаны стали с беспокойством поглядывать на небо. Казалось, погода должна перемениться. Вечером я, как обычно, постелил на песок кошму, оделся потеплее, а Пишик-ага заботливо укрыл меня шубой.

Проснулся я от ощущения тяжести. С усилием отвалил полу дохи, которой укрылся с головой. Все вокруг покрывал толстый слой снега. Тяжелые хлопья продолжали ложиться вокруг. Я с удовольствием нырнул под шубу как в берлогу. Однако сон не шел. Я снова выглянул из-под шубы и понял, почему беспокоюсь. Я остался один. Ни чабанов, ни отары рядом не было. Наскоро обувшись, я бродил вокруг стоянки, пытался что-либо разглядеть вокруг. А снег все падал. Он уже прикрыл следы ушедших чабанов. Кругом была темнота. Я не знал, где искать отару.

В тревоге, то и дело просыпаясь, вылезая из-под шубы, я едва дождался утра. На рассвете из снежной пелены внезапно вынырнул Пишик-ага с верблюдами. Не знаю, как он смог их отыскать. Пишик-ага был сильно встревожен и оттого немногословен. Я помог ему собрать наше небогатое хозяйство, связать вьюки и погрузить их на верблюдов.

Уже рассвело, однако из-за снежной завесы я едва мог разглядеть гребни соседних барханов. Но Пишик-ага уверенно вел верблюдов, то ныряя в котловину, то поднимаясь на гребень. Через час мы догнали отару. Снегу навалило уже выше колен. Овцы глубоко вязли, не хотели идти вперед. Как только чабаны оставляли их в покое, они собирались в плотные кучи головами внутрь и так стояли. Снег быстро укрывал их спины толстым одеялом. Видя, с каким трудом чабаны направляют отару вперед, я спросил Пишик-ага, почему нельзя подождать. Может быть, лучше, если отара постоит. Глядишь и разъяснит. Пишик-ага было не до обсуждений. Он только тихо сказал, глядя мне прямо в глаза:

— Наверное, все бараны помирай.

Только после его слов я осознал всю меру опасности, грозившую отаре. Забегая вперед, скажу, что и по сей день неясно, почему пустынные овцы в таких количествах гибнут во время сильных снегопадов. Они собираются в кучки и так стоят двое-трое суток, пока все не начинают ложиться, падать, погибать. Может быть, они устают, может, слабеют без корма, без воды. Трудно сказать.

Дав отаре передышку, чабаны снова направили ее вперед. Моя «вторая» овца теперь была героиней. Главным образом она служила чабанам вожакom. Они направляли вслед за ней других овец. Даже та коза, что обычно вела отару, теперь то и дело хитрила, старалась спрятаться в глубь отары, не идти первой. У нее были слишком короткие ноги. С какой-то внутренней гордостью я смотрел на «вторую» овцу. Да и чабаны не очень торопили ее. Конечно, мы все четверо по очереди шли впереди отары. Пишик-ага вел верблюдов, чтобы как-то наметить, намять дорогу в снегу. Те восемь километров, которые накануне отара прошла с легкостью,

теперь показались нам немыслимо длинными.

К вечеру мы прошли едва полпути. Нурыгды через Пишик-ага предложил мне вместе со стариком и верблюдами отправиться к кошаре и устроиться на ночлег. Сам Нурыгды с Овезли собирались остаться у отары, если удастся подождать ее поближе к кошаре, а нет — ждать утра. Овцы вялые, безучастные стояли, плотно прижавшись друг к другу, опустив голову. А снег все продолжал идти.

Я послушался чабанов, и мы вместе с Пишик-ага отправились к кошаре. Не было смысла упрямитесь. Я не знал, чем могу помочь. Чабаны надеялись, что возле кошары окажется машина, удастся известить совхозное начальство о беде, попросить помощи. Впрочем, они понимали, что и без того весь район, да и не только район, уже поднят на ноги. Конечно, уже все знали о беде с Каракумах, думали, как помочь.

Пишик-ага взобрался на верблюда, а я шел позади. Идти по следам было не так уж тяжело, и мы без приключений часа через два добрались до места. У кошары стояла водовозка. Использовать машину мы, конечно, не могли. Ее шофер совсем молодой парень без конца повторял, как он был напуган, когда снег стал все больше заметать дорогу. Дорога в поселок ему была отрезана, и он стал пробиваться обратно, к нам.

Втроем мы скоротали ночь и на рассвете вернулись к отаре. Пишик-ага ехал на переднем верблюде, а мы с шофером на заднем. Даже верблюдам было нелегко вышагивать по рыхлому снегу. Пустыня преобразилась. Конечно, я совсем не ориентировался, целиком доверяясь чутью Пишик-ага, знанию его этих мест.

Отару мы встретили в пути. Чабаны упорно вели ее к кошаре. Нам, в общем-то, оставалось совсем немного. Как и накануне, мы мяли впереди отары дорогу, стараясь облегчить овцам путь. К вечеру все чаще позади отары оставались лежать обессиленные животные. Уже в полной темноте мы загнали овец в кошару и, не ложась спать, отправились обратно. Снегопад не прекращался, но дорога, пробитая отарой, была хорошо заметна. К тому же посветлело, снежные хлопья как будто поредели. Мы грузили по четыре овцы на верблюда и отвозили их к кошаре. Наконец, к утру и эта работа была закончена. Постелив кошмы в кошаре рядом с овцами, накрывшись шубами, мы заснули.

Еще два дня мы провели в снежном плену. Хотя снегопад прекратился, пасти овец было бесполезно. Труднодоступный корм не окупил бы их усилий.

Как ни мало я знал туркменских слов, все же я понимал, что чабаны без конца обсуждают, что делать, сердятся на свое начальство, не

доставившее вовремя в кошару запас корма. За два дня ожидания некоторых овец пришлось прирезать. Они не выжили бы. Понятно, что недостатка в коурме, мясе, мы не испытывали. Труднее было приносить дрова. Приходилось ездить за ними на верблюде. Я подумывал, что здесь бы не помешали лыжи.

Между тем наступила ясная погода, а с ней и сильные морозы. Вспоминая эту зиму, я думаю, что нигде — ни на Камчатке, ни на Таймыре — так сильно не мерз, как в Каракумах, а чабаны переносили морозы на удивление легко, хотя их шубы, шапки, рукавицы из овчины были не такими уж теплыми. Теперь вполне уместными оказались мои чулки и кухлянка из оленьего меха, пошитые еще во время работы на Камчатке.

Наконец, загудели долгожданные моторы. С большим трудом проминая снег, к кошаре приближался «Кировец» с тележкой, а за ним еще две машины. Они были нагружены перемолотой верблюжьей колючкой — замечательным кормом, любимым и верблюдами, и овцами, очень питательным.

Постепенно жизнь в пустыне налаживалась. Уже начали подсчитывать убытки. Проезжавшие мимо нас люди рассказывали о том, как пережили снегопад другие бригады. Мне запомнился рассказ о трагической судьбе отары, пасшейся вдалеке от торных дорог. У этой бригады еще не было своего дома — кошары. Чабаны три дня находились неотлучно возле овец, а потом пошли к ближайшему поселку. Когда трактора сумели пробиться к отаре, они нашли овец, лежащих под толстым слоем снега. В той отаре ни одно животное не уцелело.

На соседнем с нами Культакыре жила семья Агалиевых: отец, мать и четыре сына. Они пасли стадо совхозных верблюдов и отару овец. На Культакыре стоял большой глиняный дом и несколько сараев. Когда начался снегопад, Агали-ага загнал овец прямо в дом и в сарай. Он не пожалел ни ковров, ни кошмы. Говорят, что, когда отара покинула дом, на полу слой овечьего помета был толщиной в штык лопаты. По общему мнению, наша бригада отделалась довольно легко. Несколько погибших тогда и позже овец да вынужденно забитые животные — вот дань, которую нам пришлось уплатить природе.

Немного покормив овец, дав им поднакопить силы, мы снова начали пастьбу. Конечно, теперь отара не могла уходить далеко от дома. Я замечал, что овцы почти не тебеневали, предпочитали бродить по снегу от деревца к деревцу, объедая доступные им побеги.

И вот мы день за днем уходим вдвоем с Овезли в пески. Не слишком морозно, но на ветру коченеешь, плохо гнутся пальцы, все внутри

сжимается в комок. Засунув руки в карманах, ссутулившись, мы медленно бредем за отарой.

Иногда Свезли бросает спичку в куст селина. Не с первой, так со второй спички куст вспыхивает, и мы минуту-другую греемся в белом дыму.

В середине дня мы присаживаемся перекусить. Овезли достает лепешки, коурму, а я рыбные консервы, колбасу, печенье. Овезли очень любит мою еду, она ему мало знакома, а я, в свою очередь, с удовольствием ем баранину и курдючный жир.

Едим мы почти молча. Пишик-ага вечером охотно смеется, когда я рассказываю ему, как тихо мы с Овезли живем днем. Что поделаешь, когда не знаешь языка товарища.

Из чабанов лишь Пишик-ага говорит по-русски. Вечерами, пока сидим у костра, чабаны беседуют между собой, потом с каким-нибудь вопросом обращаются через Пишик-ага ко мне и, наконец, мы беседуем с Пишик-ага вдвоем. Временами старик передает товарищам что-нибудь интересное из наших разговоров...

Незнание языка мешало мне овладеть техникой пастьбы. Я мог полагаться только на собственные наблюдения, навыки чабана осваивал слишком медленно.

Впрочем, отара уже не была для меня беспорядочным скопищем. Я знал, где у нее «голова» и «хвост», где правая сторона и левая. Теперь у меня всюду были знакомые овцы. Я умел пересечь отару, не нарушив ее спокойствия и направления движения, умел вернуть далеко отбившихся овец. Тех, что только лишь собрались отклоняться в сторону, поправить было проще. Стоило свистнуть, прикрикнуть, как они поворачивали вспять, предпочитали спрятаться в гуще отары.

Овезли в таких случаях кричал: «Оуш», т. е. «тише, тихий ход». Иногда я часами ходил за ним по пятам. Чаще мы находились справа от отары. Неожиданно я узнал от Пишик-ага, что в этом есть глубокий смысл. Каждого молодого чабана прежде всего учат: «Ходи справа от отары». К этому привыкают и овцы: человек — и угроза, и защита в одном лице — всегда справа (рис. 2).

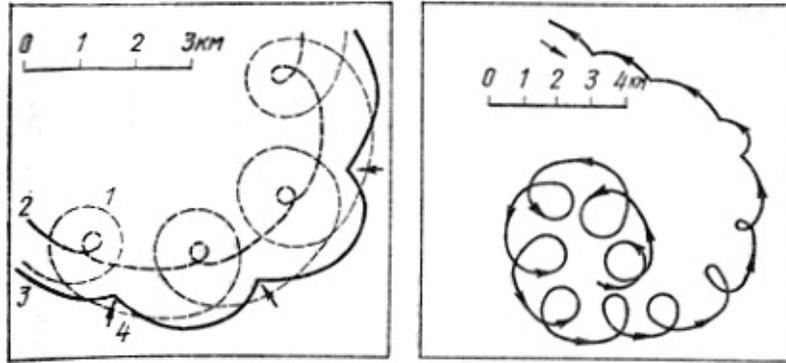

Рис. 2. На схеме показаны пути движения человека и отары овец при использовании приема «агдараш». Правый фланг отары (1) поворачивается по большим кругам, тогда как левый фланг (2) движется по более прямой траектории. Чабан идет справа от отары (3), в необходимых случаях (4), подавая сигнал «агдараш». Привычка пастись по кругу сохраняется у овец, приученных к приему агдараш и в отсутствие человека (правый рисунок)

Пишик-ага объяснил мне и замечательный прием «аг-дараш». Дождавшись, пока овцы широко разойдутся по пустыне, чабан кричит «агдараш», и тотчас овцы, не прекращая пастьбы, начинают поворот влево. Ведь они привыкли, что человек всегда справа. Если не послушаешься, он будет сердиться, кричать, бросит палкой, все равно заставит повернуть. Оттого более умные овцы и козы (у них ноги короче, они медленнее ходят) предпочитают пастись на левом фланге, подальше от человека, двигаться по малому кругу. Здесь, в левой части отары, как бы центр тяжести отары, вокруг которого вращаются по большому кругу молодняк, овцы без ягнят, более подвижные животные, не любящие тесноты.

Отара привыкает крутиться влево, и продолжает поворачиваться, даже если оставить ее на несколько часов без внимания. Только когда хотят распустить овец пошире— заходят слева, навстречу вращению, как бы разворачивают клубок.

Вечером у костра, обсуждая с Пишик-ага методы управления стадами, я услышал от него замечательное суждение — зачем вообще пасут овец,

— Ты думаешь, мы не думали над этим или наши отцы этого не знали? Овца и коза дома не знают, домой не приходят. И лошадь возвращается, и верблюд, а овца и коза умрут в пустыне без воды, а домой дороги не найдут. Поэтому мы их пасем: в пески водим, кормим, обратно гоним, поим.

Подумав, я напомнил Пишик-ага, что овец, живущих в поселках, утром выгоняют на выпас, а вечером они нередко сами возвращаются домой. И другой пример: диких баранов, предков наших домашних, никто не пасет, а они сами находят и убежище, и корм, и воду.

Пишик-ага не стал спорить, но этот разговор мне запомнился. Мысль изучить поведение диких баранов, сравнить их с домашними показалась очень соблазнительной и разумной.

Однажды утром, когда мы только собирались выгнать отару на пастьбу, к кошаре прискакал красавец парень на гнедом невысоком коньке. Добродушно улыбаясь, он протянул мне руку, поздоровался с Пишик-ага и Овезли и начал что-то быстро говорить по-туркменски. Я тем временем осматривал коня, и, заметив мое любопытство, парень сказал:

— Что, нравится? Настоящий наш туркменский конь. Очень быстро бегаёт.

— Он волка гонял, — сказал мне Пишик-ага.

— Сегодня ночью к нам волк пришел, — пояснил мне парень. — Две овцы зарезал, я след брал, гнался за ним. Совсем рядом от вас прошел. Сейчас дальше поеду.

Обратно он вернулся лишь к вечеру. Мы напоили его чаем, я подождал, пока он рассказал все новости моим товарищам, а потом попросил повторить рассказ и для меня.

— На Кумтакыре убили, — сказал мне Бавали. Так звали парня. — Еще Баймамед приехал и мне помогал. Знаешь Баймамед? — спросил он.

Баймамед я не знал.

— Чем убили? У тебя же ружья нет, — спросил я.

— Плеткой заporол, — ответил Бавали. — А Баймамед палкой бил.

— Где же волк?

— Там остался на Кумтакыре. Баймамед шкуру будет снимать, в совхоз отправит. Премию получим.

Я расспросил Бавали о жизни на Культакыре, о верблюдах, которых он пас.

Бавали уехал, а я стал мечтать о Культакыре. Я немного устал от овец, нужен был перерыв, чтобы с новым запасом идей прийти в отару. Между тем до марта, когда рождаются в Каракумах ягнята, оставалось еще полтора месяца. Тем временем неподалеку в стаде верблюдов кипели свадебные страсти, а в феврале уже ждали появления верблюжат.

Я перебрался на Культакыр.

В пески за «Ой!»

Вдруг я понял, что верблюд наблюдает за мной. Он стоял ко мне спиной, но длинная шея позволяла ему смотреть назад, через горб, лишь чуть-чуть повернув для этого голову. Такая неожиданная способность неприятно поразила меня. Желание сфотографировать возбужденного самца-верблюда у меня пропало: пятясь, я озирался по сторонам, подыскивая подходящую дубинку.

В первый же день моего приезда Агали-ага, задумчиво глядя мне в глаза, говорил:

— Ты ерке не бойся. Ерке смирный. Раньше у нас был другой ерке, тот часто убивал людей. Этот еще никого не убил.

Ни в тоне, ни в выражении лица старого чабана не было ничего насмешливого или испытующего. В первый день моей работы в бригаде верблюдоводов только Агали-ага ухаживал за гостем, беседовал, насколько позволяло знание языка. Сыновья его — Карыбаба и Ораз — присматривались и в контакт не вступали, может быть, стеснялись, хотя глаза у них светились интересом к приезжему из Москвы. Живостью, быстротой движений, ярким загаром лица, наконец, ростом и мощностью они сильно отличались от степенного, сухощавого невысокого Агали-ага. Цвет лица, усов, небольшой бороды, рук старика был блеклым, палевым, словно под цвет пустыни, и я подумал тогда, что и сыновья, вероятно, со временем приобретут во всем своем облике такие же черты людей пустыни.

К вечеру, видно, привыкнув ко мне и желая как-то удружить, Карыбаба подарил мне крепкую палку-посох из абрикосового дерева.

— Будешь обороняться от ерке, — пошутил он. По-туркменски нет слова, равноценного нашему «самец». Сначала, объясняясь со мной, чабаны говорили о верблюде-мужчине, но скоро я усвоил туркменское слово «ерке». Верблюдиц чабаны называли «ой». Удивительно, что такие крупные звери не имеют у чабанов собственных имен, как принято в России для лошадей. Верблюды живут долго — до 20 лет, каждое животное

известно «в лицо» даже ребенку, но им так и суждено умереть безымянными.

Вероятно, отношение самца-верблюда к незнакомым людям чем-то напоминает его отношение к соперникам. Чабаны говорили мне, что верблюд легко может заменить собаку, отгоняя от пастушеского стана любого прохожего. Живя на одном месте и привыкнув к нему, верблюд не склонен допускать сюда кого-либо чужого.

Я видел схватки двух самцов. Гиганты с ходу сталкивались плечами, поросшими густой мохнатой шерстью (это своеобразный щит). Если один из верблюдов, признав превосходство соперника, не обращался в бегство, схватка вступала в новую фазу. Враги старались схватить друг друга зубами за ногу и резким рывком повалить, чтобы затем топтать поверженного. Верблюды встают, и ложатся с трудом, долго качаясь вперед-назад, пока им удастся сложить ноги, словно складной метр. Так что у упавшего наземь мало шансов еще раз подняться. Впрочем, при людях схватки верблюдов редко кончаются плачевно. Тем более не каждый год убивают верблюды людей. Однако о необходимости быть осторожным с незнакомыми верблюдами мне повторяли не раз.

В безмолвной зимней пустыне, когда кругом тебя одни верблюды, быстро начинаешь угадывать их стремления, отношения к соседям, к саксаульным сойкам и сорокам, собирающим что-то на верблюжьих спинах, и даже к самому себе. Сначала верблюдицы часто подходили ко мне и тянулись носом, словно, обнюхав, могли понять намерения человека. Потом этот интерес угас, и только ерке время от времени подходил ко мне, будто зачислил в стадо и проверял, не потерялся ли я. Дня ерке узнавал меня уже издалека и не приближался, избавляя от старых ощущений.

Несколько раз я пытался поймать подошедшую ко мне верблюдицу. Если это удавалось, она кричала тонким испуганным голосом, выгибала шею, испуганно задирая голову, но никогда ни одна из них не пыталась в меня... плюнуть. Я спрашивал о такой особенности и у чабанов, но они отнеслись к моему рассказу с неверием. Никто из них никогда не видел, чтобы верблюды плевались. Оставалось только предположить, что в зоопарках верблюдов этому учат люди...

За месяц работы со стадом верблюдов я как будто достаточно привык к ним, и все же нет-нет да и наталкивался на что-нибудь новенькое. Каждое утро с биноклем и записной книжкой, запасшись фляжкой с водой и горстью сухешек, я уходил от пастушеского стана в пески вслед за вереницей верблюдов. Целый день они паслись, а я вел наблюдения.

Стадо, с которым я день за днем бродил по пустыне, было невелико —

примерно пятьдесят самок и один ерке. Вечером мы возвращались домой, где верблюдиц ждали верблюжата, а меня — гостеприимная чабанская семья.

Признаться, поначалу чабаны отнеслись к моим занятиям с известной долей недоверия. Мой интерес к тому, как верблюды реагируют на поведение людей, друг друга, как ориентируются в пустыне и тому подобное, казался им не слишком важным и уж по крайней мере не стоившим того, чтобы ради этого ехать из Москвы в Туркмению. Но уже через день отношение изменилось. Чабаны поняли, как тесно связано поведение животных с их ежедневной работой. И сам почтенный Агали-ага и его сыновья наперебой стремились поделиться со мной своими наблюдениями. Как-то Агали-ага объяснил мне, почему не сразу понял цель моих занятий: раньше никто из приезжих не интересовался чабанской наукой, она оставалась делом самих верблюдоводов, передаваясь из поколения в поколение. Имелись в ней и свои профессора, и свои проблемы.

Каждый вечер мы вели длинные беседы. Я задавал Агали-ага бесчисленные вопросы, рассказывал о собранных наблюдениях, делился соображениями, почему верблюды ведут себя так или иначе. Агали-ага знал не все русские слова, временами переспрашивал сыновей, они переводили ему. Карыбаба (отец и брат звали его уменьшительно Бавали) вернулся из армии. Мне очень нравился этот пастух — высокий, красивый, смелый, веселый. Не знаю, какие еще найти хорошие слова, чтобы показать, какой славный это был парень. Он любил ходить со мной по пустыне, да и мне это было приятно и полезно. Я расспрашивал его о верблюдах, а он по возможности отвечал. Я понимал, что познания его не слишком обширны и, стараясь не обижать товарища, вечером в присутствии Агали-ага вновь повторял свои вопросы, надеясь услышать еще что-нибудь ценное. Мне кажется, что пастухам нравилось, что я записываю их рассказы.

Утром я просыпаюсь, когда Агали-ага растапливает железную печурку. Слышу, как он ломает заранее припасенные сухие стволы саксаула. Печурка быстро раскаливается, и тепло от нее постепенно распространяется по комнате. Я слышу, как хозяин наполняет чайник водой, ставит его на печку. Хочется еще подремать, и вежливый Агали-ага говорит мне: «Спи еще. Еще рано». Рядом со мной выбирается из-под ватного одеяла Бавали. Выхожу из дома. Вокруг еще сумеречная пустыня. Только-только занимается заря над барханами. Карыбаба сливает мне из кумгана холодную воду. Умываемся. Заходим в дом. Хозяин уже успевает

собрать наши постели, скатать их в тугие валики, сложить в конце комнаты. Мы располагаемся на кошмах. Перед каждым пиала и чайник с зеленым чаем. Каждый раз Агали-ага спрашивает: «Кок или кара?» Чабаны предпочитают зеленый чай, и я тоже говорю: «Кок». Утром почти не едим. Печенье, кусочки чурека, сахар, конфеты. Впрочем, если я вскрываю банку сгущенного молока или варенья, товарищи охотно присоединяются ко мне, мажут ножами на хлеб, поддевают варенье печеньем.

Завтрак всегда течет неторопливо, впрочем, как и все, что происходит на Культакыре. Здесь никто не ленился пораньше встать, взяться за дело, а время на все домашние работы известно заранее, и потому все происходит так спокойно, словно никого не ждет работа. Завтрак всегда проходит в молчании. Агали-ага вдруг скажет сыну несколько слов, что надо бы сегодня сделать сверх обычного, или спросит о моих планах. Но и они уже стали привычными. Каждый день поход вслед за верблюдами в пустыню.

Начинается дойка. На Куль-такыре устроены два небольших загона: для взрослых верблюдиц и для годовалых верблюжат. Агали-ага поочередно подводит верблюжат к матерям, дает им немного пососать. Как только верблюдица обнюхает своего малыша, убедится, что это он, жена Агали-ага пристраивается рядом с верблюжонком, отталкивает его морду от вымени, начинает доить. Без верблюжонка верблюдицы молока не отдают.

Помочь во время дойки я не могу. Однако и сидеть в теплом доме как-то неудобно. Я слоняюсь по такыру. Присматриваюсь к верблюдицам, к верблюжатам, описываю их внешность, учусь их распознавать. Впрочем, в пустыне верблюды расходятся очень широко, на два-три километра окрест. Приходится наблюдать за ними в бинокль, так что мелкие детали внешности для опознавания все равно не пригодны. Сами верблюдицы, по словам Агали-ага, различают друг друга по форме горбов, по челке на лбу. По крайней мере во время стрижки верблюдов всегда оставляют нетронутыми челку и длинные волосы на верхушке горба.

В восемь утра верблюдов отпускают на выпас. К этому времени я уже полностью собран. Со мною рюкзак, бинокль, фотоаппарат, немного еды, на поясе нож. Я готов к дальнему переходу, при необходимости могу и переночевать в пустыне. Агали-ага выпускает верблюдиц из загона, потом отправляется за ерке, который всю ночь провел прикованный за ногу к железному штырю, глубоко забитому в землю.

Привычно соскучившийся за ночь по своим подружкам ерке рысью устремился к ним и вдруг буквально остолбенел. Он увидел верблюдиц с полотнищами на боках, которые мы повесили, чтобы распознавать

Сегодня ерке навещает меня сравнительно редко. Все его внимание занимает новенькая верблюдица. То и дело она пытается уйти из стада, вероятно, еще не забыла другие места, других товарищей. Стремление к расселению, что свойственно молодым верблюдам, толкнуло ее в странствие. Пастухи говорят, что она останется там, где в первый раз родит верблюжонка. Кстати сказать, поэтому они покупают на базаре только молодых верблюдиц. Со старыми, уже принесшими когда-то верблюжат, слишком много хлопот, их приходится все время возвращать домой. По клейму на плече пастухи узнают, кто их хозяин.

Приход чужого верблюда в стадо вообще не редкость в Туркмении. Десять — двадцать процентов всех верблюдов данного хозяйства обычно находится «в бегах», кочуя по пескам за сотни километров от места их приписки. Это не порождает никаких недоразумений. Пастухам известны тавро даже очень далеких совхозов, и они никогда не пытаются насильно задержать чужого верблюда. В то же время неписанный закон туркмен гласит, что нужно напоить любого верблюда, пришедшего к колодцу. Ведь без помощи человека верблюд не способен достать себе воду и неминуемо погибнет. Если животное не уходит, а надолго остается в стаде, пастухи по возможности оповещают об этом хозяев.

С появлением на боках верблюдиц полотниц я довольно быстро разобрался в особенностях поведения верблюдов в передней и задней части стада. Как выяснилось, треть верблюдов предпочитала не уходить особенно далеко, возмещая это старательной и неразборчивой пастьбой. Зато остальные две трети явно не любили тесной компании и всегда старались вырваться вперед, так что стадо растягивалось длинной вереницей, а то и делилось на несколько больших групп. Однако очень скоро передние верблюды начинали забираться влево и через час, описав полный круг, оказывались среди своих менее торопливых товарищей. За день передняя часть стада описывала пять, иногда шесть таких кругов. К сожалению, мне так и не удалось понять, что заставляет верблюдов крутиться влево, а не вправо. Чабаны пытались это объяснить тем, что, мол, они так научили верблюдов. Но что-то ни разу за полгода я не видел, чтобы они пасли своих подопечных так, как пасут овец, — целый день, не покидая ни на час.

К концу дня верблюды поворачивают домой к Кульгакыру, лента, еще недавно растянувшаяся по пескам на три километра, начинает сжиматься, верблюды выстраиваются цепочкой, походной колонной идут домой (рис. 4). Ерке, как заботливый пастух, подгоняет отстающих верблюдов, а особенно непослушных вдруг атакует, пригнув голову к земле, вытянув шею, как бы грозит укусить, тотчас заставляя верблюдиц спрятаться в

центре стада. Уже на подходе к Культакыру нас встречают верблюжата. Они окружают матерей, следуют за ними, пытаются сосать на ходу. В первые же дни работы с верблюдами я заинтересовался, каким образом пастухам удается возвращать верблюдов, не следуя постоянно за стадом.

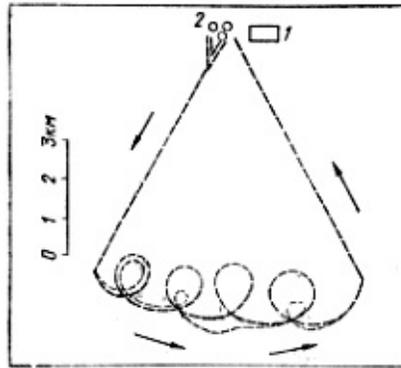

Рис. 4. Путь движения группы верблюдов во время пастыбы в течение дня: 1 — загон; 2 — колодцы

Сразу после дойки пастухи отводили верблюжат в маленький кораль и закрывали там. Потом я со стадом уходил в пустыню и не знал, что случилось с верблюжатами днем. Однажды я задержался дома и увидел, как через полчаса после ухода взрослых верблюдов пастухи выпустили из маленького коралья верблюжат и направили в пустыню, в сторону, противоположную той, куда ушло взрослое стадо. Оседлав рокочущий мотоцикл, Карыбаба уехал в пески, отгоняя верблюжат подальше, туда, где было больше корма. Я последовал за верблюжатами.

Некоторое время все шло так же, как у взрослых. Часам к четырем верблюжата повернули домой, к такыру. Они жалобно стонали, явно зовя матерей, однако, достигнув стоянки бригады, идти навстречу взрослому стаду не пытались. Верблюдицы на этот раз задержались, и Карыбаба поехал на мотоцикле поторопить их.

Как и у большинства копытных животных, верблюдица встречается со своим малышом там, где в последний раз кормила его. Правда, вспоминают они про своих верблюжат только тогда, когда в вымени накопится молоко, часа в четыре-пять дня, когда и малыши проголодались, торопятся домой, где расстались с матерями. Вот и не приходится пастухам искать верблюдиц в пустыне.

Чтобы проверить это, я попросил Агали-ага отпустить одного или двух верблюжат с их матерями. Немного поколебавшись и переговорив с сыновьями, он согласился. Я понимал, что доставляю пастухам хлопоты. Ведь верблюдицы, по всей вероятности, не вернулись бы на Куль-такыр. В

этом для них не было необходимости. Но мы дружили с Карыбаба, и он был согласен поискать их в песках на мотоцикле, да и обещал посмотреть, где они останутся.

Все случилось, как мы задумали. Верблюдицы с верблюжатами, когда все стадо отправилось домой, предпочли отколоться от него и остаться в пустыне. Впрочем, это не понравилось ерке. Он неотступно следовал за упрямыми, подгонял их и оставил в покое лишь в километрах трех от дома. По-видимому, на его взгляд это было достаточно близко.

Я не раз замечал, что ерке, поднявшись на самый высокий бархан, осматривается вокруг. Я тоже смотрел окрест в бинокль. Обычно мы одновременно замечали отбившуюся от стада верблюдицу. Ерке отправлялся вернуть ее в стадо, однако его бдительность распространялась примерно на три километра вокруг. Те верблюды, что ушли дальше, оставались им незамеченными. Я старался подкрепить свои наблюдения всеми возможными для меня способами. В этом случае для меня подтверждением догадки послужил тот факт, что два стада верблюдов могут сблизиться не ближе чем на три километра. В противном случае самцы находили друг друга, начинали драться. Обычно же стада верблюдов паслись на еще большем расстоянии.

Именно тогда в пустыне, когда я бродил за верблюдами, у меня возникла идея классифицировать дистанции, на которых животные реагируют друг на друга. На самом большом расстоянии — три километра — верблюды лишь могли отличить, что они видят на горизонте: человека, верблюда или куст. Иной размер, сто — пятьдесят метров, имела дистанция, с которой животные следили за поведением соседей, особенно за направлением их движения. С этого расстояния они реагировали на угрожающие жесты и крики пастухов. И наконец, совсем маленькая дистанция, размером два-три корпуса животного, характеризовала их поведение, когда ерке ухаживал за верблюдицами, когда малыш искал мать, когда верблюды паслись в пустыне и отходили друг от друга настолько, чтобы не мешать друг другу.

Мы вместе с Бавали отправились на поиски верблюдов, которые давно уже не приходили на Культакыр. Приближалась пора отелов верблюдов, и Агали-ага велел сыновьям разыскать всех верблюдиц и пригнать их ближе к дому. С этого дня мы с Бавали иногда на его мотоцикле, иногда он на мотоцикле, а я верхом на лошади, а нередко и пешком скитались по пустыне в поисках верблюдиц.

Из той сотни верблюдиц, что находились под надзором Агали-ага и его сыновей, около половины составляли те дойные верблюдицы и молодняк,

что под предводительством грозного ерке совершали единым стадом ежедневный круг по пескам. Годовалые верблюжата паслись неподалеку от Культакыра, возвращались домой одновременно с матерями. Еще два десятка верблюдиц должны были вот-вот отделиться. Их-то и нужно было найти.

Доведись мне решать эту задачу самому, навряд ли я добился бы успеха. За короткий период наблюдений я не мог узнать все места пастьбы верблюдов, направления, в которых они обычно уходят, хотя расспрашивал Агали-ага, отмечал на карте пустыни участки, где паслись верблюды в разные сезоны, пытался связать это с развитием растительности, лужами, которые остаются после редких в пустыне дождей. Постепенно складывалась достаточно определенная картина использования верблюдами пространства пустыни.

На то, чтобы разыскать большую часть верблюдов и пригнать их домой, ушла примерно неделя. Несколько верблюдов мы так и не смогли найти. Агали-ага велел прекратить поиски. Он рассчитывал узнать об их судьбе от соседей-чабанов. Клеймо Агали-ага знала вся округа. Конечно, пропавшие верблюды не могли остаться незамеченными. Ведь каждые три-четыре дня они волей-неволей должны были идти к водопою, попросить у людей воды. В Каракумах нет открытых колодцев, где верблюды могли бы напиться самостоятельно. Даже джейраны приходят к колодцам, из которых поят овец, слизывая здесь остатки воды.

Верблюдица приносит верблюжат раз в два года — год кормит новорожденного, год носит следующего. Верблюжата рождаются обычно в марте, когда после весенних дождей зеленеет под припекающим солнцем пустыня. Теперь я все свое время проводил с будущими мамашами, стараясь не пропустить момента появления на свет верблюжонка, чтобы узнать жизнь верблюда с самого начала. Приходилось бродить по пустыне в одиночестве.

Задача пронаблюдать за развитием верблюжат оказалась для меня совсем нелегкой. За час-два до отела верблюдица отрывается от соседок и торопливо уходит в пески. Одно время я надеялся, что одну из верблюдиц, явно приготовившуюся к отелу, можно будет привести к дому и привязать. Однако Агали-ага не одобрил эту затею.

— Уже так пробовали, — пояснил он. — Верблюдица терпит, не пускает маленького, пока не оторвется или столб не вырвет, не уйдет в тихое место.

Агали-ага обо всем говорил тихо и спокойно, не возражал мне, а просто рассказывал о том, что хорошо знал. Из всех чабанов, с которыми

приходилось сталкиваться, он один часто говорил: «Не знаю» — никогда не пытался, как другие, все объяснить, на все ответить. Но уж о чем говорил, то знал крепко.

Моих пеших усилий уже не хватало, чтобы поспевать за верблюдами: вместо обычных двадцати теперь приходилось проходить все 40 километров, так что не снабжай меня чабаны то конем, то мотоциклом, не увидел бы я, как начинает жизнь новый верблюд. В один из дней я забрел особенно далеко от дома. На этот раз шел пешком, рассчитывая переночевать, а на другой день вернуться. Место для ночлега выбрал на вершине песчаного бугра, откуда открывался хороший обзор. Впрочем, ощущения простора я не испытывал. Взгляд блуждал по грядам барханов. Пустыня представлялась мне запутанным миром со своей сложной неведомой мне жизнью. Здесь было слишком много деталей и, смотря в бинокль, я то и дело терял ориентировку, начинала немного кружиться голова. Я должен был прерваться, посмотреть на костер, на свои вещи, немного прийти в себя.

Снег еще немного сохранился во многих ложбинах. Оттого пустыня казалась особенно холодной и неприветливой. И даже костер не давал мне ощущения покоя. Он не так грел, и дым его был горьковатым, совсем не тот, что в родном моем Подмосковье.

Осматривая пустыню, я неожиданно заметил верблюда. В пустыне так часто бывает. Вязь ложбин, бугров, гребней очень сложна и в то же время однообразна, не знаешь, что уже осмотрел, невольно пропускаешь большие участки. Верблюд вел себя беспокойно. Время от времени он гонялся за кем-то. Я никак не мог понять, что там происходит. До верблюда было неблизко, и я решил сначала напиться чаю. До сумерек еще оставалось часа четыре, так что времени хватало.

Вблизи я понял, что рядом с верблюдицей бродила лиса. И это сразу насторожило. Что могло привлечь сюда маленькую пустынную лисичку? Она не хотела уходить, даже когда я оказался совсем рядом. Верблюдица забеспокоилась, спустилась вниз по склону бархана. Последовав за ней, я увидел верблюжонка. Он неподвижно лежал на песке.

Я уже знал, что верблюжата рождаются очень слабыми. И все же первое очное знакомство меня поразило. Час тянулся за часом, а малыш едва мог поднять голову от песка. Верблюдица беспокойно принюхивалась к нему, тихонько звала, однако не вылизывала. Было уже темно, когда верблюжонок стал делать попытку подняться на ноги. Я превозмог желание помочь ему. Необходимо, чтобы все шло своим чередом, так, как это бывает в природе. Ведь провести такие наблюдения за дикими верблюдами пока

невозможно. Диких верблюдов остались считанные единицы, в зоопарках их нет совсем. Где уж тут надеяться понаблюдать за новорожденным.

Как я и ожидал, для верблюжонка главным препятствием оказались его собственные ноги. Они были слишком длинны, он путался в них, спотыкался, падал, ноги его заплетались. Мне пришлось запастись терпением и вести отсчет не по секундам, а по часам, когда я отмечал в своем журнале попытки верблюжонка поднять голову, выкинуть вперед переднюю ногу, оттолкнуться задними и, наконец, после многих неудач в первый раз в жизни встать на считанные секунды.

Верблюжонок начинал жить не торопясь, но был настойчив. Научившись ходить, стал тянуться к матери, трогал ее губами, то тут, то там сосал шерсть. Длинный материнский хвост надолго ввел его в заблуждение, и он недоуменно стоял возле него, качаясь на тонких ногах и пробуя сосать. Наконец, счастливая случайность помогла ему найти сосок. Тут он проявил большую сообразительность: то чуть отодвигался от вымени, то спешил вернуться к нему, запомнив этот путь, стал удлинять его и вскоре уверенно перебирался от передних ног матери к вымени.

Уже темнело, и на мое счастье верблюжонок, устав и насытившись, лег отдыхать. Тогда и я смог заняться ночлегом: разложил подстилку на песке, запалил костер, вскипятил во фляжке чай. Верблюдица паслась неподалеку, часто возвращалась к своему малышу, прислушиваясь, подозрительно смотрела в мою сторону. Пустыня, как всегда под вечер, наполнилась жизнью и звуками. Прошел, распустив полосатый хвост, барханный кот: видно, собрался на охоту за песчанками. Пролетела стая дроф, подвывал сычик.

Наутро я продолжал свои наблюдения. Верблюжонок почти не окреп, все так же качался на ногах, однако найти вымя матери, поесть для него уже было не проблемой. На очереди были новые задачи. Оказалось, в мире есть кусты, деревья, склоны и даже обрывы. Верблюжонок ходил, как лунатик: вот наткнулся на куст и силился через него прорваться — не смог и, тихо пискнув, в изнеможении лег отдыхать. Через полчаса злополучный куст удалось обойти и, удачно скатившись кубарем с обрыва, добраться до матери. Она теперь уже была не столь терпелива — объела вокруг всю траву и отходила все дальше. Верблюжонок следовал за ней, на ходу постигая премудрости жизни. О больших кустах он уже имел определенное понятие, но замечать маленькие еще не научился. Для этого нужно было смотреть себе под ноги. А это и на третий день было непростой задачей.

Между тем мне предстояло известить о новорожденном пастухов. Я уже знал, что верблюдица останется с малышом еще день-два, однако

жажда в конце концов погонит ее к водопою. Случись рядом стадо, верблюжонок остался бы на попечении соседей. Они не допустили бы к нему ни волка, ни рысь.

Хорошенько приметив место, я поспешил с доброй вестью на Культакыр. Рассчитывал, что смогу привести пастухов по своим следам. Шел сначала по компасу, а оказавшись в знакомых местах — хоженными тропинками. Порядком устал, к тому же мучила жажда. В тот день сильно потеплело, и моя ватная одежда оказалась лишним грузом. Еле добрался до Культакыра, до колодца. Здесь напился, умылся, отсиделся на колоде, из которой поили верблюдов.

Возле нашего домика стояла машина. Видно, приехали гости. Я вошел в комнату и чуть оробел от многолюдья. Здесь собрались чабаны соседних бригад — в большинстве уже хорошие мои знакомые. А в центре комнаты, поджав по-турецки ноги, пел и играл на дутаре пожилой человек. Едва он кончил одну из песен, люди задвигались, освобождая место для меня. Я пробрался в угол, тоже стал слушать певца.

Национальную музыку часто передавали по радио, я видел и слышал певцов по телевизору, но совсем иное впечатление производил «бахши» здесь, в глубине Каракумов. И высокий голос, и звонкий звук дутара были сродни звукам пустыни. Я слышал их непрерывно, с тех пор как начал работать в песках, и певец усилил и подтвердил мои ощущения. Временами, взяв высокую протяжную ноту, голос его словно рвался, звуки повторялись и гасли, когда не хватало дыхания. И это напоминало мне порывы ветра над барханами. Впрочем, я не понимал слов и воспринимал лишь музыку, манеру исполнения.

— О чем он сейчас поет? — спросил я Бавали.

— О девушке. Говорит, глаза твои как огонь, косы как змеи, как аркан на мою шею. Это были стихи несравненного Кеминэ.

Ой-ой, как на тигриный шаг твой легкий шаг похож.

Взгляд черных-черных глаз твоих на пламя так похож!

Аркан тугой, аркан тугой на шею мне плетешь.

Не косы черные плетешь, а войско змей ведешь.

У каждой пряди свой огонь; меня язвят косы.

На рассвете я проснулся сам, не дожидаясь, пока разбудят. Беспокоило, как там в пустыне малыш. С вечера договорились с Бавали, что ходим за верблюжонком и его матерью.

В домике уже не спали. Чабаны с дальних стоянок, бахши расположились вокруг скатерти с угощением: печеньем, конфетами, урюком, миндалем. Агали-ага суетился у железной печурки: заваривал в

фарфоровых чайниках чай, споласкивал пиалы, передавал то одно, то другое гостям. По кругу ходили две огромные пиалы с густым, прохладным чалом. По мне, так вкуснее питья не бывает.

Мы взяли с собой оседланного верблюда, рассчитывали увести малыша в чересседельном мешке. Поймали его и затолкали в мешок легко. Однако стоило отойти сотню метров, как верблюдица отстала и вернулась назад. В страшном беспокойстве она бегала там, где недавно кормила малыша, жалобно кричала. Пришлось вернуться и нам. Голова верблюжонка свешивалась из мешка, испуганный, он тоже без конца «авкал». И все же мать тотчас теряла его из виду, стоило тронуться в путь. Пришлось вынуть верблюжонка, показать его матери, подманить. Тут выяснилось, что она не различала его, даже если я держал верблюжонка на вытянутых руках. Требовалось, чтобы он стоял на песке, а не был где-то в воздухе.

Наконец, мы придумали способ, как увести неразумную мать с собой. Малыша опять положили в мешок, голова его была наружу, а рядом, голова к голове, привязали верблюдицу.

Шли по пустыне, вели верблюдов, радовало, что принес бригаде хоть малую пользу. И уже в который раз я поймал себя на мысли, что спешу на Культакыр, как к родному дому.

Весна в белой пустыне

Когда мы вышли из газика и пожали старшему чабану руку, зоотехник начал разговор так:

— Секретарь комитета партии товарищ Аннакулиев сказал, заместитель министра сказал, начальник Управления сказал, директор совхоза сказал, главный зоотехник сказал, я тебе говорю: «Вот товарищ из Москвы будет у тебя работать...» — Дальше он перешел на туркменский, поясняя, чем я буду заниматься. Перечень людей, у которых я побывал, прежде чем оказался в совхозе имени 26 бакинских комиссаров, по-видимому, обосновывал законность моего пребывания в бригаде, а может быть, и служил мне моральной поддержкой.

За спиной старшего чабана Манты Мамедова я видел уходящую вдаль отару. Черные цепочки овец стремились по белой равнине к встававшей на горизонте ослепительно белой стене.

Овцы шли, пряча головы от солнца в тень друг друга. Мне еще была незнакома эта черта их поведения, не приходилось работать в пустыне летом. Неудовлетворенное желание изучить жизнь отары в жару, накопленное за долгие месяцы «московской» жизни, делало меня нетерпеливым, хотелось поскорее закончить церемонию знакомства и приступить к делу.

Мир вокруг был гол и неуютен. Мне предстояло сейчас войти в него, а Манты — стать моим товарищем, учителем и опекуном. Связующей цепочкой между Москвой и этой жизнью было письмо моего руководителя, профессора Боголюбского. Один из секретарей Центрального Комитета Компартии Туркменистана в прошлом занимался научными исследованиями, и мой профессор дал мне рекомендательное письмо. Быть может, столь высокой протекции и не требовалось, хватило бы официального письма института в управление сельского хозяйства, объяснявшего, почему мне необходимо добраться до лучшей чабанской бригады и там пасти овец.

Землю сплошь, словно штукатурка, покрывала рыхлая корка гипса. Самодельные кожаные обутики Манты и мои кеды отпечатывали на ней следы, пока мы догоняли отару. Поравнявшись с ее авангардом, остановились отдохнуть, сели, где пришлось, и мои брюки, так же как у Манты, стали белыми от гипсовой пыли. Она покрывала все, словно мы находились во дворе цементного завода. Потом я привык к этому, перестал замечать белый цвет пустыни, всего, что нас окружало. Но среди впечатлений первого дня это было самым сильным.

Пока отдыхали, Манты спросил, один ли я буду работать с ним. Я объяснил, что через две недели придет экспедиционная машина, приедут мои помощники. В свою очередь, я спросил чабана о его напарнике. Манты махнул рукой по направлению к белой стене. Там, по-видимому, ожидал нас второй чабан — Мурад.

Я приехал в отару, когда ягнение овец уже подходило к концу, закончилась заготовка шкур. Теперь нарождавшимся ягнятам предстояла долгая жизнь. Конечно, тем, кому повезло с хорошей матерью. Некоторые овцы, привыкнув к жизни в тесноте отары, объегнившись, боялись остаться в одиночестве, уходили вслед за соседками, бросив малыша на произвол судьбы.

Отара все шире разбредалась по пустыне, и Манты поспешил пройти по правому краю, заставляя овец сделать круг влево. А я заинтересовался судьбой недавно народившегося ягненка. Овца, возбужденно мэкая, то убегала вслед за уходившей отарой, то возвращалась, звала ягненка за собой. Встав впереди дочки, она вела ее, искоса следя и заложив уши назад: видно, прислушивалась к каждому звуку малышки.

Видимо, я слишком приблизился, и овца, бросив ягненка, убежала. Пришлось взять малыша за передние ноги и нести следом. Брать под живот или за задние ноги нельзя — их в первую очередь обнюхивает мать, чужой запах может ее отпугнуть. Подошел Манты и помог найти неудачливую мамашу. Она крутилась вокруг меня, но не узнавала ягненка, пока он был поднят над землей. Случайно наткнулась, обнюхала, лизнула, и тотчас опять потеряла из виду, бродила вокруг, тревожно крича. Стоило опустить ягненка на белую землю — узнала, примчалась, приняла, стала кормить. Через полчаса, когда пришлось снова нести малыша, овца неоднократно возвращалась на прежнее место, но идти вслед за плывущим по воздуху ягненком не могла, не видела его. Впоследствии я много занимался вопросом, как распознает овца своего малыша. Для нее главным был его запах. А внешность ягнят овцы знали очень приблизительно. Они могли принять за ягненка и брошенную на землю шубу, и собаку, подбежать к

ним, обнюхать, так же как обнюхивали подряд всех встречных ягнят, пока не находили своего.

Ближе к вечеру мы оказались у белой стены, замыкавшей котловину с блюдцем озера. Незадолго до моего приезда прошли дожди, наполнившие впадину. У озера расположился Мурад. Уже вскипятил в кумгане чай, пустил пастись стреноженных верблюдов. Шубы, котел, всякие вещи валялись у огня. Здесь я заметил и мои сумы, доставленные зоотехником прямо на стоянку чабанов.

Я заинтересовался очагом, который соорудил Мурад. Он вырыл продолговатую ямку и накрыл ее сверху двумя обломками рессор, служившими подставками для кастрюль. Топил он сухим навозом и прутиками солянок. И не подумал бы, что такой материал годится для огня.

У озера чабаны держали что-то вроде овечьих яслей. Здесь паслись те матери, что недавно обьягнились и не могли с еще слабыми малышами следовать за отарой. Вот к озерку нахлынула масса овец и коз. Мгновенно семейные пары перемешались, и ягнята, потеряв матерей, подняли крик. У нас было почти восемьсот овец и двести коз, не считая ягнят и козлят. Часть животных забралась в воду, другие пить не стали. Видно, обилие зеленой травы снимало жажду.

Постепенно матери нашли своих ягнят. Вокруг повторялись одни и те же сцены. Встретившись нос к носу, пары на мгновение застывали, а потом, видно, узнав друг друга «в лицо», сближались, овца обнюхивала малыша, а он торопился найти вымя. Многие ягнята были сыты и трогали соски лишь для «проформы», так положено в овечьем этикете опознавания. Вскоре отара легла на отдых. Чабаны принялись за московские конфеты и цейлонский чай, а я подготовил к работе магнитофон, потом лег на шубу и смотрел в белое небо, радовался тишине.

Часа через два, когда первые проголодавшиеся овцы поднялись, и выйдя на край еще лежавшей отары, начали пастись, я проиграл на магнитофоне записанные еще раньше крики ягнят. Что за шум, какую тревогу вызвал мой опыт! Матери тотчас повскакали с мест, осматривались, обнюхивали своих малышей. Не все нашли их рядом, и тогда началась суматоха. Громко «авкали» ягнята. Стоило одному начать сосать, как к его матери с другого бока пристраивался чужак, сзади к вымени просовывался третий, пока беспокойная овца, перешагнув через слишком назойливых сосунов, не отбегала в сторону.

Манты с Мурадом затеяли селтимек — сортировку. Собрав в стороне десяток пар «овца — малыш», они стали присоединять к ним тех матерей, что уже нашли своих ягнят. Вскоре эта группа выросла, овцы в ней вели

себя спокойно, тихо паслись. А в оставшейся части отары царили неразбериха и крик: многие овцы хотели бы перебежать в спокойную половину, но Манты преграждал им путь таяком, ждал, пока найдут своего малыша.

В конце концов, только десяток овец не смогли найти своих ягнят. Двух-трех Манты и Мурад поманили и, посоветовавшись, определили их ягнят, заново познакомили эти пары и отправили их пастись. Но некоторые овцы наотрез отказались принять малышей. Чабанов это огорчило — предстояли лишние хлопоты, а мне обещало дополнительные наблюдения.

Двух овец поймали и удерживали, пока ягнята их сосали. Потом отпустили в отару. Еще одна овца неистово сопротивлялась, пришлось ее повалить, чтобы малыш, по предположению чабанов — ее сын, мог поесть. Бедняга все время терял сосок — видно, не привык сосать лежащую мать, приходилось направлять его голову руками.

Вдруг из основной отары, уже разошедшейся по краю озерка, прибежал довольно крупный ягненок, с ходу ринулся к поваленной нами овце.

— Какой умный, не забыл, — смеялся Мурад — Когда без мамы был, все время его так кормили — повалим овцу и даем сосать.

Я вызвался подежурить в «детском саду», и Манты, пожевав губами, решил тоже остаться у озерка. Мне кажется, Манты и не понимал цели моего приезда, и не доверял мне, опасался за своих овец. Как и другие чабаны, он знал примерный круг вопросов, обычно волнующих научных работников, — изучение пастбищ, породных свойств овец, их болезней. Поведением овец, методами работы чабанов до меня здесь не занимались.

Мурад отправился пасти отару. Перед этим мы поймали пять овец и, связав ноги, положили рядком. Предстояло напомнить им родительские обязанности. Для того чтобы поймать их, пришлось вновь собрать отару у озерка. Только в гуще животных можно было близко подойти к нужной овце так, чтобы одним рывком поймать и схватить за заднюю ногу.

Я стал помогать Манты приучать овец к их ягнятам. Мы ослабили веревки так, чтобы матери встали на ноги, делали маленькие шажки, однако ни ударить, ни удрать от ягнят не могли. Ягнята вели себя очень активно. Не обращая внимания на беспокойство своей матери, они вновь и вновь просовывали мордочку к вымени, сильно толкали мать в живот, массируя вымя, требуя, таким образом, молока.

На другой день мы развязали овец, и они увели за собой ягнят, тревожно оглядываясь, не отстают ли те. Материнская привязанность восстановилась.

Хотя ягнят теперь рождалось немного — два-три в день, мне вполне хватало работы. Надо было подкараулить момент ягнения, чтобы наблюдать за малышом с первых секунд его жизни. Чабаны помогали мне, подсказывали, какая из овец готовится к родам. Заметив мое особое внимание, будущие матери пробовали уйти подальше, остаться в одиночестве. Мне приходилось быть осторожным, наблюдать в бинокль. Но когда наступали предродовые схватки, овца делалась более безразличной. С появлением малыша на свет ей вовсе становилось не до меня. Можно было спокойно сидеть в сторонке, наблюдать, фотографировать.

С момента рождения ягненка овца непрерывно час-полтора бляла. Она словно вдалбливала в его память свой голос. А ягненок отвечал редко, когда мать случайно толкала его ногой или беспокоила носом.

Ягнята на диво быстро крепили, вставали на ноги, начинали ходить вокруг матери, искать вымя. Как видно, они с рождения были голодны, пробовали сосать травинки, шерсть матери. Мне казалось особой загадкой, как малыш без чьей-либо помощи находит вымя матери. Он представлялся маленькой живой машинкой, наделенной несколькими врожденными навыками. Он сосет все, что ни оказывалось у рта, впрочем, быстро запоминая, что камни, травинки сосать бесполезно. Да они и не очень привлекали его — холодные, неподвижные. То ли дело мои руки, лицо. Ягненок с большой живостью тыкался в мою щеку, когда я наклонялся. Другой навык, о котором я уже знал со слов других исследователей, это поднимание головы при затемнении сверху. И наконец, ягненок все время стремился к матери — большой и теплой, все время находившейся рядом. Он, конечно, не мог еще отличить мать от другой овцы или даже человека, охотно бежал к любому, кто оказывался поблизости.

Каждый день мне удавалось проследить за первыми часами жизни одного-двух ягнят. Вскоре я уже знал доподлинно все их приемы и уловки. Как выяснилось, трех врожденных навыков вполне хватало для того, чтобы научиться быстро отыскивать сосок. От малыша требовались лишь настойчивость и память. Оказавшись однажды под матерью, он поднимал голову вверх, тыкался в густую шерсть матери, сосал ее. Горячее, почти без шерсти вымя привлекало ягненка, он двигал мордочкой с удвоенной энергией, хватая губами кожу на вымени, пока, наконец, сосок не оказывался у голодного малыша во рту. Ноги еще плохо держали его, и, случалось, покачнувшись, ягненок выпускал сосок, однако тут же находил его вновь. Он сосал минуты две и сильно уставал, видно было, как дрожали его ножки. Потеряв сосок, он теперь находил его все быстрее, потому что

помнил, как двигать мордочкой от груди матери к животу.

После десятиминутного отдыха ягненок вставал, подходил к матери и, оказавшись у нее под грудью, уверенно продвигался к брюху, быстро отыскивал сосок. Еще позже он запоминал дорожку от шеи матери мимо груди к ее животу. Его немного подводила жадность. Он слишком торопился, потому никак не мог запомнить, что не следует засовывать голову глубоко в пах матери. Вымя ее, полное молока, набухло, оттопырилось в сторону, и сосок надо было искать, забравшись не слишком далеко под мать.

Учеба ягнят шла одним и тем же порядком, и я так изучил его, что сразу вмешался, когда один ягненок что-то слишком часто переходил от живота матери к ее шее и обратно. Как видно, он не получал молока, и поэтому вымя матери не становилось для него желанной целью. Несложный механизм научения давал осечку. Я поймал овцу, повалил ее, нажал на соски. Вместо молока выступила кровь. Я позвал Манты. Вместе мы, насколько могли, выдоили окаменевшее вымя. Заботу о ягненке пришлось взять на себя. Поймали ближайшую овцу, повалили и накормили голодного малыша. Так у меня появился подопечный. Я быстро убедился в правоте чабанов, рассказывавших, что таких ягнят не так уж сложно сохранить. Каждые три-четыре часа я находил ягненка, помеченного ошейником из белой ленточки, ловил ближайшую овцу и давал ему подкрепиться. На третий или четвертый день мы вернули ягненка к его матери, она легко приняла его. Вообще была на редкость заботлива, вновь и вновь вылизывала жирную, свисавшую гузку ягненка, из которой лихо изогнутым крючком высовывался недлинный хвостик. У ягнят каракульских овец очень смешные гузки, они слегка трясутся, когда ягненок бежит. У моего ягненка была еще на редкость красивая серая каракулевая шкурка. Туго завитые воланы волос причудливым рисунком покрывали его тельце.

Между тем в отаре стали появляться брошенные матерями ягнята. Мурад, как обычно, улыбаясь, говорил мне удивленно: «Еще етимек (сирота) есть». Однако матери брошенных ягнят вовсе не потеряли материнского влечения. В тревоге они бегали взад-вперед, обнюхивая всех малышей подряд. Поймав такую овцу, мы убеждались, что вымя ее полно молока. Но почему-то она не узнавала своего малыша. Вновь и вновь она возвращалась к нему, видно, голос и облик его были ей знакомы. Но, обнюхав, овца резко пятилась, била ягненка лбом, убегала.

Мурад, запыхавшийся после погони за очередной неразумной мамашей, вытирая пот со лба ладонью, объяснял мне: «Видишь, пахнет

плохо, плохо пахнет, поэтому бросил». Дни стояли не по-весеннему жаркие, и всякие лишние заботы отнюдь не радовали нас. Как я убедился, и чабаны нелегко приспособлялись к неурочной жаре. Однако они не одобрили, когда я вздумал ходить в трусах, загорать. Мурад не снимал старенького костюма, когда-то черного, но теперь ставшего то ли серым, то ли рыжим. Манты же предпочитал настоящий чабанский наряд: черную огромную папаху, халат, домодельные брюки — огромные в сидении и собранные складочками на щиколотках, кожаные бутки.

Как я уже знал, никто из чабанов не ходил за отарой с детства. Мурад пришел в пустыню после армии и работы на стройке, Манты пятнадцать лет проработал под землей шахтером. Оба вернулись в свое родное село и не собирались бросать новую профессию, тем более уже добились успеха, были в совхозе на лучшем счету. Недаром московскую «экспедицию» направили именно к ним. Но характеры моих товарищей были совсем непохожи. Мурад и в одежде, и в разговоре не важничал, много смеялся. А Манты все помалкивал, необдуманных слов не говорил, размышляя, любил пощипать пальцами редкие усы, росшие лишь в уголках рта. И наряд Манты был подчеркнуто традиционным, словно он всю жизнь работал чабаном.

Мне жилось у Манты неплохо. Кочевой, бездомный быт уже вошел в привычку. Тем более что наше озерко еще хранило воду, и я мог иногда, набрав в кумган воды, умыться. Кого-нибудь, вероятно, смутила бы вода, которую мы пили и которой умывались. Размером наше озерко было невелико, камень запросто можно было перебросить, если хотел пугнуть овец, ушедших на другой берег. В самом глубоком месте вода едва доходила до пояса, так что отара во время водопоя забиралась в озеро, почти закрывая коричневое зеркало. Конечно, овцы не понимали, чего не следует в воде делать. А мы черпали эту воду в кумганы и котелки, использовали для чая, варили суп. Правда, чабаны никогда не пили сырой воды.

Чтобы уменьшить жажду, Манты и Мурад подливали в холодную кипяченую воду кислое козье молоко. Оно хранилось в кожаном бурдюке, и, если он пустел, мы тут же ловили козу и доили. Технология была проста и эффективна: поймать козу, встать на колени позади нее, надев поглубже на лоб шапку, упереться головой в ее зад и доить, направляя струйки молока в зажатый между колен котелок. При некотором навыке помощи товарища не требовалось.

Коз в отаре хватало, так что недостатка молока мы не испытывали. Однако мне все время казалось, что Манты экономил кислое молоко, когда

подливали его в воду. Конечно, это было глупое подозрение. Искало выход раздражение, которое копилось во мне из-за жары. Я плохо переносил ее, не умел быть таким же терпеливым, как товарищи. Тридцать восемь градусов для Туркмении не предел, но для москвича и такая жара была чувствительной. И я был несправедлив к Манты. Он все делал тихо, экономно: так работал, так ел, так пил.

Обычно днем, в самую жару, отара отстаивалась, собравшись в плотную массу. Овцы прятали в тень друг друга головы. Их испарения, моча делали воздух над отарой чуточку более влажным и прохладным. Вместе им легче было переносить жару.

Мы устраивались рядом с отарой. Беспечный Мурад ложился, прикрыв голову пиджаком. А Манты носил с собой кусок белой материи. Он прилаживал его на таяке подобно зонту. Манты добросердечно делился со мной тенью, мы прятали в нее свои головы и плечи. Не будь меня, Манты поместился бы под тентом во весь рост, а может быть, пригласил бы Мурада.

Оба моих товарища спали, а я мучился, крутился с боку на бок, садился, бездумно глядел на унылую панораму пустыни. Лишь белые обрывы вставали там и здесь на горизонте. Когда-то это были берега озера или мелководного моря. Теперь после дождей заполнялись лишь самые глубокие впадины. Я достал бурдюк и налил себе кружку кислого молока. Манты всегда разбавлял его вдвое водой. Думая, что он жадничает, я воровато выпил кружку неразведенного кислого молока, потом еще одну, но уже с водой. Уже через час я раскаялся. Меня жгло изнутри. Новые кружки воды не помогали. Теперь донимали и жара, и тошнота.

Когда отара встала, и обнаружилась еще одна овца, отказавшаяся от малыша, у меня не было ни сил, ни интереса помогать им. Безучастно следил я за хлопотами чабанов, мечтая лишь о том, когда придет ночь.

На другой день чабаны перенесли стоянку от озера, где пастбище стало скудным, в холмы. Я помог Мураду собрать пожитки, навьючить их на верблюдов, после чего вернулся в отару. Из-за многочисленных сирот дел теперь было невпроворот. Только успевай валить овец да кормить ягнят, уже наловчившихся сосать лежащих маток. В свободное время я продолжал наблюдения за тем, как опознают друг друга матери и их ягнята. Хотя с помощью чабанов я уже пометил какое-то количество овец — привязал на рог ленточку, капнул краски на загривок, — все же большую их часть я не различал и, следовательно, не был уверен, относятся наблюдения к одним и тем же или разным животным. Манты не мог ходить со мной вместе. Кому-то ведь надо было управлять отарой: следить, чтобы овцы шли избранным

на сегодня маршрутом, не разбредались слишком широко по пастбищу, не толпились на одном месте, но не торопились вперед. Манты попросил меня последить, нет ли в отаре овцы, которая согласна кормить чужих ягнят.

Уже после дневного отдыха, когда отара вернулась от водопоя к холмам и разошлась на выпас, я заметил оживленную толкотню ягнят возле одной овцы. Оттесняя друг друга, они старались пососать, неистово тычась мордочками в живот овцы, а она терпеливо стояла, лишь временами, когда ее уж слишком беспокоили, поворачивала голову и обнюхивала одного из маленьких старателей. Как только поблизости оказался Манты, я показал ему добросердечную мамашу. Мой старший товарищ понаблюдал-понаблюдал и вдруг запустил в нее палкой. Таяк не долетел, а то мог бы и покалечить овцу или окружавших ее ягнят.

— Ты что? — вырвалось у меня. — Чем она провинилась?

— Слишком добрая, оттого и етимек у нас много, — отвечал Манты. — Свой запах дает, потом матери не принимают.

Мы попытались поймать овцу, но неудачно. Надо было ждать вечера, пока отара соберется плотной массой. Тогда бы овца не убегала от нас, а старалась бы затеряться в гуще соседок. Тут бы ее и схватили.

Уже стемнело, а новая стоянка никак нам не попадалась. Овцы были сыты, хотели лечь, приходилось их подгонять. Наконец Мурад догадался зажечь костер. Мы увидели огонь чуть в стороне от того места, где бродили. И тотчас овцы хором закричали, заблеяли.

— Чего они? — спросил я у Манты.

— Сердятся, говорят: «Почему раньше огонь не показывал, мы бы напрасно не ходили».

Объяснение хоть и вызвало улыбку, но, вероятно, было верным. Отара привыкла к огню на ночных стоянках. Прежде чем уложить овец, Манты разок прогнал отару вокруг холма, на котором Мурад варил ужин. День был тяжелый, все устали — и люди, и собаки, и животные. Через полчаса мы уже спали. Манты лег рядом с отарой, завернулся в шубу. Перед этим позвал серко: «Хэч, хэч, хэч», — дал ему кусок лепешки, потом привязал козла за веревку к своей руке.

— Ночью дернет и разбудит, когда отара пойдет кормиться, — пояснил Манты. Он уже привык, что я всем интересовался, часто объяснял, не дожидаясь вопроса. — Один раз крепко заснул, серко меня рогами ударил: «Вставай, — говорил, — хватит спать».

Я слышал, как около часу ночи отара пошла на выпас. Хотел пойти с ней, но не хватило силы воли, остался лежать, только следил по часам, долго ли Манты кормит. Через сорок минут все улеглись на свои места.

Утром я проверил по следам на белой пыли, где ходила отара ночью. Следы овец не заходили за край той вечерней тропы, что проложил вечером Манты вокруг холма. Когда спросил его, он объяснил, что овцы ночью пугливы, боятся идти на чистое место, где нет их следов, нет овечьего духа. Еще одна задачка появилась в моей «записнущке»: надо было проверить следующей ночью, прав ли чабан?

Мы начинали утреннюю пастьбу в четыре. Перед этим поймали ту неразборчивую овечку. Рядом крутился ее ягненок — большой уже, крепкий барашек. Волосы на его шкурке, когда-то лихо закрученные в завитки, теперь отросли и лишь кончики их еще вились колечками. Из таких барашков чабаны шьют свои знаменитые шапки — огромные, высокие, сплошь в косичках с закрученными концами. Особенно красиво такие шапки смотрятся у костра, когда завитки отсвечивают огнем, качаются при каждом движении головы.

Чабаны на этот раз были в раздумье. Несколько тумачков, которыми наградил овцу Манты, ничего, конечно, не решали. Разве глупое животное понимало, за что его потчуют? Я предложил проследить за ней, отогнать чужих ягнят. Но быстро раскаялся. Разве угонишься по жаре за овцой, когда, боясь назойливого преследования, она принялась водить из конца в конец отары. И к обеду судьба ее ягненка была решена. Коурма и шкурка на шапку — таким стало его будущее. А мать три дня горевала. Все бегала по отаре, жалобно звала, искала сына. Она помнила, что Мурад унес ягненка, подолгу ходила за ним. Теперь чужие ягнята были ей не в радость. Она недолго терпела их рядом, отгоняла. Потом в вымени у нее пропало молоко, с ним ушло и побуждение матери.

* * *

В Красноводске на площади перед гостиницей впервые собрался наш отряд. Мы стояли рядом с экспедиционной машиной — отныне нашим домом, — смотрели друг на друга, то ли оценивая, кто на что способен, то ли стесняясь, не знали, о чем говорить. До того никто из нас не провел друг с другом больше полдня. Нам предстоял трудный маршрут через Устюрт в Нукус, а потом и дальше на север, в Казахстан. В нашу задачу входила рекогносцировочная оценка пастбищ и численность использующих эти пастбища диких и домашних животных. Ботаник Галочка, я — зоолог, два студента, Саша и Володя, и шофер Слава — отряд вполне типичный для «академических».

По знакомой дороге мы приехали во владения Манты. Мы заметили отару в бинокль, и Слава подкатил прямо к ней. Я представил Манты и Мураду новых товарищей. Отара быстро шла вперед, и долгие разговоры были не ко времени. Все с ходу включились в работу. Славу отправили на стоянку чабанов.

С прибытием помощников можно было внести разнообразие в исследование. Галочка начала обследование пастбищ. На долю Володи выпало изучение пастбы овец. Сколько пасется, сколько идет, сколько делает щипков в минуту, в час, в день? Более нудной работы не придумаешь, но Володя у нас — верх аккуратности и упорства. Даже овцы перестали обращать внимание на него, привыкли, что фигура Володи постоянно маячит в глубине отары.

Саша ведет наблюдения за перестроениями отары. Несколько дней я рассказывал ему, что уже удалось выяснить: каково поведение меченых овец, как узнать, где голова, где хвост отары, где правый фланг отары, где левый. С холма мы вместе наблюдали, как чабаны распускают овец с места отдыха на выпас. Манты хочет направить отару к водопою, но овцы упрямо поворачивают навстречу ветру. Сегодня достаточно жарко — тридцать девять градусов в тени, и даже слабый ветер приятен, к тому же он относит белую пыль, взбиваемую ногами овец.

Отара ушла за горизонт. Манты ускорил движение, направляя овец на водопой. Когда мы догнали стадо, овцы собрались в колонны, ветер тянет от каждой из них в сторону серое крыло пыли. Овцы идут, спрятав головы в тень друг друга. Несколько ягнят пристроились даже за овчарками. Сегодня мы идем на новое место, и овцы еще не знают, где водопой, все время подворачивают на ветер, приходится их поправлять. В середине отары маячит фигура Володи. Сейчас для него минуты отдыха. Он засек по часам начало перехода, следующая запись будет сделана лишь у воды.

Пошел спуск вниз. Уже видно блюдце воды в котловине. Чья-то отара только что покинула водопой, пылит в стороне, уходя на выпас. Манты звонко кричит: «Кру-у, кру-у», — и овцы тотчас отвечают ему бляньем, пускаются к воде бегом. Мы бежим следом, стараемся не отстать, чтобы пустить отару в воду в относительном порядке. Более или менее это удается. Отара заполняет все неглубокое озерко. Овцы не только пьют, они еще стараются побродить по воде, остыть от полдневного зноя.

На водопой мы можем потратить лишь час. Еще одна отара ждет своей очереди. Мы уводим овец на холмы, там становимся лагерем. Мурад уходит за верблюдами и имуществом. Подъезжает Слава. Теперь на стоянке бригады людно и шумно. Гудит Славина чудо-пчелка из паяльной лампы и

системы трубок. Всего у нас вдоволь, а если нужно — недолго и съездить в поселок.

Манты увел отару на вечерний выпас, и я пошел с ним, стал заполнять таблицу с измерениями расстояний, на которых овцы, встревоженные моим приближением, поднимали голову, а если я продолжал наступление, убегали. Конечно, многое тут зависело от случая, особенно реакция настороженности. Одна овца слишком увлеклась пастьбой, другая повернулась ко мне задом, третья, наоборот, заметила мой подход чуть не за сто метров: так совпало, что она в этот момент озиралась по сторонам. Зато расстояние бегства повторялось с очень небольшими колебаниями: тридцать, тридцать, тридцать три, тридцать... метров. Я обратил внимание, что стоило мне затесаться в глубь скопления овец, как дистанции испуга резко падали. В гуще собратьев животные были менее осторожны. Вещь, в общем, характерная для всех копытных. То же самое мне приходилось видеть и в табуне северных оленей, и в стаде яков, и в группе верблюдов.

Когда сгустились сумерки, овцы стали заметно пугливее. Отара сомкнулась плотнее. Несколько раз мое появление вызывало панику: полстада бросалось бежать прочь, а остановившись, овцы громко блеяли, то ли возмущались, то ли давали выход испугу. Пришлось перестать их пугать. Не хотелось дожидаться, пока Манты вступится за подопечных.

Утром Манты объявил о перекочевке к другому водопою. Это было уже привычно — каждые несколько дней смена пастбищ. Из-за необходимости ежедневно поить овец, нельзя было угнать отару подальше от очередного водоема. Мы крутились в ближайших его окрестностях, так что запасы корма быстро убывали. Закладывая площадки до и после прохода отары, мы убеждались, что овцы съедали за один раз половину имевшегося здесь корма. И это в пустыне, где кусты солянок росли в метре друг от друга, а ростки пустынной осоки пробивали гипсовую корку не чаще, чем растопыренные пальцы.

Говорят, что копытные любят длинную дорогу. Мы же паслись накоротке, ежедневно возвращались к воде. Поэтому многое в работе чабанов отличалось от того, что я наблюдал зимой в песках Каракумов под Бахарденом. Там мы поили овец раз в три-четыре дня, уходили от водопою на десять — пятнадцать километров. А здесь крутились на одном месте, в отаре нелегко было найти передних и задних. Козы из-за коротких ног и привычки привередничать, выбирая корм, обычно оказываются в хвосте пасущейся отары. Они любят первыми занять свежее пастбище, а потом задерживаются здесь надолго. А в отаре Манты козы чаще были впереди. Еще одна особенность — в любой момент часть овец куда-то маршруровала,

вместо того чтобы спокойно пастись. Конечно, мы обсуждали все это с Манты, хотя я и был предельно осторожен в своих оценках.

Трудно быть «чабаном первой руки», повести отару по своему разуму и умению. Тем более это невозможно для приезжего. Самое малое два года, два круга жизни овец надо пережить. Два раза пройти по всем сезонным пастбищам, чтобы стать хорошим помощником чабана.

* * *

Наш маршрут начинался в поселке Кыямат, что в двух с половиной сотнях километров от Красноводска. Неподалеку от Кыямата мы работали в бригаде Манты Мамедова. Мы тронулись в пустыню вечером, когда солнце опускалось за белоснежный обрыв над Кыяматом. По гребню холма тянулись вереницы верблюдов, возвращавшихся с пастбища домой, к своим верблюжатам и хозяйкам, уже приготовившимся к дойке. Случалось, длинноногий силуэт верблюда оказывался прямо на поблекшем лице солнца, медленно вышагивал от одного края диска к другому.

Поднявшись от Кыямата на подходившую к поселку с востока возвышенность — Кыяматдаг, мы смело выбрали одну из многих дорог, заботясь лишь об общем направлении движения. Быстро установился порядок работы: три километра едем, останавливаемся, осматриваем пустыню в бинокли и подзорные трубы — не пасутся ли где джейраны, и снова вперед. Кузов машины открыт спереди, так что мои спутники сидят лицом к движению, и Галя может описывать типы растительности пустыни, по которой мы проезжаем.

От колодца Караиман пунктир на карте, обозначивший караванную тропу, вводил в неведомую глубь Заунгузских Каракумов. Мы же взяли направление по компасу через Учтаганкумы. Вскоре начались барханные пески, здесь поуютнее, чем в гипсовой пустыне: гуляет легкий ветерок, нежные деревца саксаула создают иллюзию леса. Всюду видна жизнь — то след барханного кота, то песчанка, то саксаульная сойка, то ящерица, то скарабей, то чернотелка. Попалась на глаза и группа джейранов — около двух десятков.

Пески не слишком замедлили наше движение, и к четырем вечера следы проходивших здесь когда-то машин вывели нас к спуску на такыр. Как дно древнего озера, он лежал окаймленный со всех сторон обрывами. Место было немаленькое: в самом узком месте километров пять, в длину километров пятнадцать. Что я найду здесь архаров, сомневаться не

приходилось. По краю обрывов тянулись их торные тропы. Устроившись поудобнее — сел на землю, привалился спиной к колесу, — я медленно исследовал в бинокль ближние обрывы и через полчаса нашел первую группу зверей — трех самок с ягнятами.

Наскоро перекусив, мы отправились вдоль обрывов чинка, Саша с Володей в одну, а я в другую сторону. Бараны уже начали вечернюю пастьбу, так что обнаруживать их стало легко. Продвигаясь вдоль обрыва, заглядывая во все расселины, я набрасывал на плане тропы, пастбища, водопои, места, где замечал лежки. Пыль и рыхлый грунт, долго хранившие следы копыт, оказались отличными помощниками в изучении жизни здешних архаров.

От «бараньего» такыра после двадцати пяти километров по плато мы добрались до колодца Дахлы. Здесь ночевали. Вода в колодце была горько-соленой. Приходилось не жалеть чайной заварки. Далее шестьдесят километров, то поднимаясь, то опускаясь, мы ехали через плато Капланкыр. Как ни скудна была в этих краях растительность, ее бы хватало для тысяч джейранов, куланов, верблюдов. Но только колонии вездесущих песчанок как-то оживляли эти места.

Капланкыр, Кулантакыр, Сарыкамьш — здесь через несколько лет началась организация заповедника, так что усилия зоологов не пропали даром. Нам все же удалось убедить правительство, что и эти суровые края, если учесть все кустики солянок, все капли в расселинах чинков, обладают немалой продуктивностью, могут и должны приносить пользу людям.

В этой части маршрута мы заехали ненадолго в Каракалпакию. Колодец Узункуи был же на ее территории. Здесь ночевали и повернули больше к востоку, ехали километров тридцать низиной, где колеса машины едва не по ступицу проминали рыхлый, ноздреватый грунт. Пекло солнце, длинное крыло пыли простиралось вслед за машиной. Все мы были серы и страшны. Пожалуй, больше других Галочка. Она упрямо оставалась в сарафане, и ее руки и ноги, заляпанные белой пылью, как-то особенно подчеркивали, какой нечеловеческой была эта обиженная природой земля. Здесь можно бы испытывать луноходы: рыхлый пылевидный грунт, внезапные обрывы чинков — чем не лунный пейзаж!

Днем над пустыней бушевал ветер. Мы привязывали к кузову машины и к двум колам тент, чтобы сделать пятно тени больше, головы держали под машиной, где тень гуще, ноги под тентом. Ветер неистово трепал, рвал тент в клочья. Это была постоянная забота: надвязывать веревки, чинить брезент.

Когда пришел первый смерч, все были поражены, обрадованы приключением, смотрели на черный хобот, втягивающий гипсовую пыль, как на чудо. Потом смерчи стали обыденным явлением. Толстые и тонкие, плотные и прозрачные, изгибаясь из стороны в сторону гибким торсом, они проходили мимо нас каждые десять-пятнадцать минут. Мы искоса следили за смерчами. Вдруг подавался клич: «Держись», — и все хватали, что могли: тент, веревки, крепившие его, посуду. Вот он наступил на нас, окутал мглой и вихрем, вот уже ушел.

Ближайшим ориентиром теперь служил чинк, полукругом окаймлявший с севера и запада Сарыкамышскую впадину. Когда-то дорога шла прямо через Сарыкамыш. Сейчас здесь плескались воды озера. Нам предстоял путь в объезд. Надо было ехать на север, обходя заболоченные солончаки, потом уже повернуть на восток, стремясь к колодцу Ербурун, к Дарьялыку, по которому сливались с хлопковых полей оазиса воды в озеро Сарыкамыш.

Я уже детально изучил карты, помнил все детали, на которые мог опереться, ориентируясь в бескрайней пустыне. И конечно, первый поселок на нашем пути по имени «Большевик» был у всех в памяти. Оттуда уже начинались жилые места, большие дороги.

Отрядная жизнь шла неплохо, хотя в маленьком коллективе были свои проблемы. Еще три дня пути, работы. Все уже было так привычно, так отлажено. И каша с тушенкой, и соленый чай, и блаженство наконец-то вытянуться в спальном мешке, замкнуться в своем душноватом, но таком уютном, желанном мирке, приготовиться увидеть сны. Потом звонок будильника. Надо толкнуть очередного дежурного. Это уже стало для меня правилом — ложиться рядом с дежурным, чтобы легче было будить. Чуть рассвело — мы уже в пути.

До темноты добрались до колодца Ербурун, причем продолжали вести съемку пастбищ и остановки делали, осматривали местность вокруг в бинокль.

Мы ночевали неподалеку от берега канала. Шум бегущей под обрывом воды был так необычен, что спали чутко, урывками. Вместе с Сашей, дежурным, поднялся весь отряд. Кашу варить не стали, разогрели на сковороде тушенку, съели ее с сухарями, попили чаю и скорее взялись складывать лагерь.

Оставалось еще семьдесят километров. Ехали вдоль берега канала, отворачивая в сторону лишь там, где вода подмыла дорогу. Впереди поднялась гора Чашдепе, немногим более сотни метров высотой, но казалась она целым горным кряжем. Гора была для нас путеводным

маяком. За ней лежал поселок.

Когда въехали в «Большевик», остановились посреди улицы. Полдневный зной еще только начинал спадать, было безлюдно. Мы вышли из машины. Один, другой мужчина подошел поздороваться, стали собираться ребяташки. Нас не пытались расспрашивать, наверное вид говорил сам за себя. Ребяташки принесли воды, женщины— хлеб. Благодаря, мы повторяли: «Мы из пустыни, мы вышли из пустыни». Люди понимали нас, больше ничего не нужно было объяснять.

От охотника до пастуха

Работа с домашними животными, по каким бы скальным верхотурам, по каким бы пустыням ни приходилось их пасти, никогда не сравнится с изучением диких копытных. Затаив дыхание, в восторге и смятении смотришь на маленькую группу архаров, вдруг показавшуюся на гребне хребта. Они словно видение, словно дух гор появляются и исчезают. Тебе даны считанные минуты, чтобы наблюдать, а ведь это совсем не одно и то же, что просто смотреть.

В отаре домашних овец, сутки живущих рядом и вместе с тобой, задача, метод, само наблюдение обдумываются многократно, на все есть время. Конечно, и с дикарями наблюдение не всегда проходит в спешке. Бывает, сидишь, как в театре, на противоположном склоне пасутся архары, смотришь на них в подзорную трубу, а лаборант тем временем согревает на огоньке чай. Для таких случаев я даже носил с собой кусок войлока, чтобы сидеть было помягче, поудобнее. Однако чаще наблюдение длится минуты, а то и секунды. Вот миновала неожиданная встреча, можно сесть на камушек, вспомнить, как все было, записать, пожалеть о том, что не запомнил, не заметил.

Зоологи пока еще мало изучают домашних животных. Все согласны, что самый распространенный в степной зоне зверь — это овца, а в лесной — корова. Согласны, что зоотехнический опыт недостаточен, и работа зоолога в домашних стадах дает важные результаты. И все же исследователей поведения домашних животных очень мало. Но те, кто начал работу с овцами или коровами, быстро замечают, что без параллельного изучения «дикарей», без сравнения не обойтись.

Среди домашних овец я встречал и совсем тупых животных и таких, что, пожалуй, выжили бы и без помощи человека. Мне хотелось сравнить тех и других с дикарями, с предками домашних овец. Поведение овец разных пород сильно отличается. Необходимо узнать, как ведут себя дикие сородичи овец, чтобы судить, насколько сильно повлияло на овец

одомашнивание, какая порода больше сохранила поведение диких предков.

Встав на четвереньки, я шел к овце, чтобы определить, распознает ли она во мне человека. Изумленно свистнув: «Пш...ш...», — овца внимательно следила за мной, топала ногой. Ее тревога привлекла внимание других овец. Стеной они шли на меня, одинаково топая и свистя, убегали, снова возвращались. Овцы узнавали во мне человека лишь по вертикальному силуэту. Но такой вывод легко можно оспорить: овцы, мол, одомашнены восемь тысяч лет назад, за такое время они утратили многие свои способности. Мне необходимо было повторить наблюдения, но уже с дикими животными, тогда стало бы ясно, что унаследовано овцами от диких предков, а что создал человек за годы одомашнивания.

Там, где прошли отары овец, возникают тропинки. Чабанские стоянки окружают разбитые, струящиеся по ветру пески. Зеленая пустыня отступила, она перемята, загублена овечьими копытами. Слишком просто было бы все объяснить неумелостью или жадностью людей, взявших с пустыни непосильную дань. Овцы и козы вредят ей в силу привычки ходить след в след, из-за того, что пастухи не позволяют им вольно рассеяться, разойтись небольшими группами. Важно понять, насколько изначальны беды овцеводства, что идет в нем от диких предков, а что зависит от методов работы человека.

Так возникла и укрепилась мысль изучить жизнь архаров. Оставалось лишь добиться ее осуществления. Я понимал, что работа с чабанами избавляла меня от многих хлопот. Примкнув к бригаде, посильно помогая чабанам, я в то же время не думал ни о ночлеге, ни о тепле, ни о еде, ни о безопасности. Навряд ли один я бы смог проникнуть в глубину Каракумов или Алая.

Принимаясь за архаров, предстояло подумать об экспедиции. Следовало с кем-то объединиться, отдать свою силу и энергию в обмен на поддержку. Так возник мой союз с анатомами. Что и говорить, нас объединили задачи, отнюдь не схожие. Впрочем, замысел моих союзников в случае удачи обещал интересные результаты. Точно так же, как я мечтал сравнить поведение дикарей и домашних овец, они хотели сравнить анатомию архаров и овец, сравнить развитие эмбрионов архаров с формированием плода у домашних овец разных пород, которые мои коллеги изучали уже много лет.

Период свадеб у архаров приходится на конец ноября — начало декабря. С этого времени и должна была начаться наша экспедиция.

В конце ноября вместе с сотрудником института Борей мы встретили в Ашхабаде нашего шофера — Ивана Гавриловича, доставившего на машине

из Москвы экспедиционное снаряжение. Не мешкая, мы отправились в Фирюзу, в окрестностях которой предстояло работать. Возможного проводника мне порекомендовали еще в Ашхабаде. Первый встречный в Фирюзе показал его дом. Будущий наш проводник оказался человеком необыкновенным. Живые карие глаза на приятном, сухощавом лице — вот что первое обращало внимание в Курбане Мамедове. Среднего роста, очень гибкий и, вероятно, очень сильный, Курбан сразу же показался нам подходящим товарищем.

С помощью Курбана я легко подыскал и снял под базу двухкомнатный глиняный домик. Мы быстро привели его в порядок, а когда разгрузили машину, расставили раскладную мебель, холодильник, термостаты, шкаф с инструментами, повесили на стену оружие, наше жилье и вовсе приобрело зажиточный вид. Осталось лишь выкопать в саду яму и занавесить ее с четырех сторон мешковиной.

И вот первый рассвет. Наша машина неторопливо карабкается в горы. Дорога виляет вдоль края ущелья, она кажется Гаврилычу слишком узкой, в некоторых местах он останавливается, вылезает, примеривается. Курбан в таких случаях сердится, скрывая нетерпение шуткой:

— Мне говорили, московский шофер первый класс, а сейчас смотрю, такой тихий, осторожный. Ну что там смотреть? Дорога есть, колея есть, ездай прямо, ни вправо, ни влево не смотри.

Копетдаг спускается к Фирюзе ступенями. Мы поднимаемся на вторую, где привольно раскинулось по-осеннему рыжее плато, рассеченное бездонными ущельями. Я с детства не люблю высоту, даже на балконе чувствую себя неуютно. Но здесь этого не покажешь. Курбан вдоволь пошутил над Гаврилычем, теперь хочет испытать нас.

Первая проба — подъем в лоб. Такие испытания мне не впервой. Надо только ступать след в след, не позволить ведущему оторваться. Все равно ему тяжелей, он впереди, он на десять лет старше. И Боря не отстает. Когда-то он стартовал на велотреках, едва не выполнил норму мастера спорта. Конечно, теперь курит, много работает сидя, трудно из города сразу на подъем.

Едва мы на гребне отрога, Курбан падает на траву, машет позади себя рукой: «Ложись, ложись». Там, впереди что-то есть. Я хочу лечь рядом с Курбаном, но он останавливает меня, отползает немного назад, надевает мне на голову свою баранью шапку.

Теперь смотри, там справа одна партия, а выше другая.

Чуть приподнявшись на локтях, я судорожно шарю биноклем по склону. Где же архары?

— Не видишь?! Ближко смотри, совсем рядом. Мне мешают очки. Приходится их снимать, когда смотришь в бинокль. Я все время боюсь их раздавить.

Архары возникли передо мной внезапно, точно изображение на фотографии во время проявления. Только что ничего не было, и вдруг я различаю большую группу, выше — еще одну. Они спокойно пасутся. Наш приход не замечен. Потихоньку мы выползаем на гребень, устраиваемся поудобнее. Борис и Курбан считают. Это первое, что приходит в голову, когда видишь дикарей. Всегда охватывает возбуждение, кажется, сейчас они убегут, начинаешь считать, словно это твои трофеи.

Большой баран пришел, — замечает Курбан.

Мы переводим взгляд — слева над нами, на гребне четко рисуется силуэт рогача. Он стоит неподвижно.

Любят так стоять, — говорит Курбан. — Он так показывает: «Я самый большой, мои рога самые большие».

Я не спорю, хотя про себя то соглашаюсь, то возражаю проводнику. Перед поездкой в Копетдаг я прочел немало книг об архарах, почти про все, что мы сейчас видим, знаю не одно, а несколько мнений.

Баран вдруг начал спускаться к большой группе, той, что рядом с нами. В ней уже есть три самца, хотя и не такие крупные. Я зарисовал их рога. Форма рогов баранов позволяет судить об их возрасте.

Самки встречают приход большого барана оживленно. Сбегаются, окружают, несколько минут обнюхивают или рассматривают пришельца, кто знает? Потом роли меняются. Теперь уже новичок поочередно знакомится с самками, проводит с каждой несколько минут. На самцов он почти не обращает внимания, разве что однажды чуть наклоняет в их сторону рога, и те тотчас же отходят подальше. Через полчаса большой баран не спеша удаляется.

Не нашел, что искал, все овцы уже беременны, — комментирует Курбан.

Может быть, такое объяснение и верно, я пока все беру на заметку. Рано еще иметь свое мнение.

К десяти обе группы укладываются на отдых. Я зарисовываю, кто как лег, прикидываю расстояния между животными, зарисовываю план местности.

Пойдем других искать, — предлагает Курбан. — Чего тут делать? Теперь до вечера не встанут.

Я не возражаю.

Едва мы встаем, как ближняя к нам группа с места бросается бежать.

Проскочив метров тридцать, одна из самок останавливается, делает пару шагов к нам, а остальные стенкой выстраиваются сзади. Следует громкое «пшиу...», передняя овца галопом мчится к краю ущелья, через несколько мгновений вся группа скрывается из виду.

Я слюнявлю палец, поднимаю его кверху. Архары побежали по ветру, наверное, главное для них было — добраться до ущелья. Минут через двадцать мы видим, как они цепочкой выбирают на противоположный край, объединяются с другой группой, тоже ушедшей за ущелье, пересекают желтый склон, скрываются из глаз.

Издали щель мало заметна. Чуть краснеют камни противоположного, обращенного к нам края. Мы подходим вплотную, нам открывается грозная глубина пропасти. Ущелье огромно, до другого его края впору долететь лишь птице, а камень уже не перекинешь. Дна не видно. Там внизу синева, клубится туман. Вдоль бортов тянутся широкие карнизы. Кажется, что по ним, наметив сверху путь, можно бы и спуститься. Но сколько мы ни пытаемся проследить взглядом тропу, где-нибудь и оказываемся в западне. Впрочем, Курбан смеется, говорит, что знает места, где можно пройти.

Перейдя ущелье архары оказываются в безопасности. Мы вспугиваем еще одну группу, и тактика ухода через ущелье повторяется.

Я спускаюсь с гор довольный. Мы видели немало архаров, есть интересные наблюдения. День прожит счастливо.

Наша жизнь течет налаженной чередой. В пять подъем, в шесть выезд, в семь мы уже на работе. Расположившись поудобнее, шарим по склонам Копетдага в бинокль. Пока что ни мне, ни Борису не удастся самим заметить архаров. Курбан радуется этому, как всему, в чем он преуспел, обогнал других. Даже такая малость, как сесть в кабину, ему приятна, и я ежедневно доставляю товарищу радость.

Казалось бы, смотрим в одну и ту же сторону, и зоркость вроде бы одинакова, проверяем это по удаленным деревьям, отдельно торчащим камням. Но заметить архаров нам не удастся. Я устанавливаю на треноге подзорную трубу, на ней есть прицел, и когда Курбан направляет трубу прямо на архаров, мы видим их. В круглом поле, приближенные к нам в тридцать, а то и в шестьдесят раз, пасутся, живут своей жизнью дикари. Теперь, когда место, куда смотреть, нам хорошо известно, мы можем найти их и в бинокль. Но не раньше. Курбану это доставляет тихую радость. Он чувствует себя исполнившим долг.

— Давай теперь смотри, пиши, а я буду цыпленка-табака делать.

Курбан берет с собой в горы ружье. У него отличный «Зауер». Пока мы поднимаемся наверх, он несколько раз останавливает машину, выскакивает

из кабины, навскидку стреляет по кекликам. Выскакиваем и мы с Борей, тоже стреляем. Если наши выстрелы удачны, Курбан мрачнеет, ничья не приносит ему радости.

Устроившись поудобнее, мы ведем наблюдение за архарами. Я начал с того же, что и во время работы с домашними овцами: меряем ритм пастьбы, частоту переходов с места на место, описываем строй пасущихся животных. Группа не стоит на месте, она челноком снует туда-сюда по склону. Темп наблюдений очень быстрый, так что мы работаем вдвоем с Борей. Один смотрит в трубу и диктует, другой записывает. Время от времени мы меняемся.

Между тем Курбан ощипал кекликов. Каждого кек-лика Курбан разворачивает словно пиджак и прокалывает двумя палочками, одну через ноги и спинку, другую через крылья. Он укладывает распластанных, чуть подсоленных птиц на угли. Ничего не скажешь, Курбан — мастер, делает так, как от века готовили чабаны и охотники дичь, разве что нет времени sprыснуть ее кислым вином и дать полежать. Кислота растворяет белок, мясо делается еще нежнее.

В первые выходы в горы мы брали с собой котелок, чтобы вскипятить чай, потом перестали, послушались Курбана, предпочитавшего готовить чай во фляжке. Ему нравилось приучать нас все делать в горах по-своему, и мы не сопротивлялись, авторитет Курбана был высок.

До конца ноября мы облазили все окрестные урочища, стали уже неплохо ориентироваться. Работать над Фирюзой мне не понравилось из-за непроходимого ущелья. Через час-два все группы архаров переходили на противоположную от нас сторону, скрывались в лощинах.

Мы часто ездили в урочище Чаек и гору Душах. Шоссе вело туда через соседний с Фирюзой поселок Чули. Потом поднимались по нехорошей, опасной дороге вверх. На Душахе архары были очень пугливы, браконьеры не давали им житья. Летом здесь пасли скот, а кое-где вились полупроезжие дорожки, по которым Гаврилыч завозил нас довольно высоко. Обычно мы оказывались над архарами. Они на рассвете спускались в ложбинки пониже, где уже зазеленела после первых осенних дождей трава. Часам к одиннадцати бараны поднимались мимо нас к вершине горы, собирались там на полянах среди арчевых лесков, ложились на отдых. Случалось, мы насчитывали в одном скоплении больше сотни архаров.

Напротив Душаха, отделенные нешироким плато, спускались склоны главного Копетдага. Курбан называл эти места «Чаек». Неглубокие, кое-где проходимые ущелья делили травянистый склон на широкие ленты, уступами сбегавшие вниз. Довольно скоро мы заметили разницу в

поведении спугнутых архаров на Душахе и Чаеке. Круглый, мощный Душах, изрезанный глубокими ущельями, весь в темно-зеленых узорах зарослей арчи, был домом большого стада архаров, того, что собиралось на дневку ближе к вершине горы. Стоило нам появиться, как ближние группы архаров бросали пастьбу, вставали с лежек и без долгих раздумий уходили прочь. В конце концов лишь в подзорную трубу мы могли заметить их на новом месте. Лазая ежедневно по склонам Душаха, мы уже достаточно знали его, чтобы убедиться в зоркости архаров. Они различали нас на расстоянии больше километра. Но облик людей был им неприятен, они не хотели нас видеть, уходили еще дальше, скрывались за горизонтом.

По-иному вели себя архары на Чаеке. Едва потревоженные, они не успокаивались, пока не узнавали опасность. Нередко даже подходили ближе, чтобы лучше рассмотреть, или поднимались выше и с пригорка наблюдали за нами. В трубу были отчетливо видны их узкие, светло-карие глаза. Случалось, мы лежали совсем тихо, прятались очень старательно, и все-же овца-вожак не успокаивалась, вновь и вновь будоражила свою компанию свистом, в крайнем случае не ленилась сделать круг и зайти с подветренной стороны. Удостоверившись по запаху, что не ошиблась, вожак вводила группу через ущелье на другую плоскотину. С этого момента она уже не теряла нас из виду, не подпуская ближе, но и не стремилась убежать. Лучше было не прятаться, тогда архары вели себя спокойнее. Тревога вновь овладевала ими, когда мы скрывались в ущелье или залегали в траве.

Еще одно излюбленное нами место — Алибек — отстояло от Фирюзы километров на десять, может быть, больше. Здесь и вовсе не было опасных ущелий, по крайней мере таких, как в Фирюзе или на Душахе. Довольно пологие и широкие склоны легко было осматривать, а в небольших западинках удавалось застать архаров врасплох, оказаться с ними лицом к лицу.

С конца ноября Копетдаг начал надевать снежный убор. Сначала побелели поднебесные гребни, те, что прятались в облаках. На высотах, где мы бывали, трава за ночь покрывалась инеем, днем все стаивало. Это было неприятно, мы работали в кедах и сильно мерзли по утрам, когда шагали по заиндеветшей, а потом влажноп траве.

В начале декабря ночной снегопад накрыл Фирюзу. Первое впечатление для нас, северян, было радостное, казалось, что-то родное пришло в южные долины. Но нет, даже под снегом горный аул с разбросанными там и сям домиками, свечками тополей оставался чужой, далекой стороной.

В первое снежное утро мы надели сапоги. Беспокоились, что будет тяжело ходить, обсуждали с Борей, не захватить, ли обувь полегче, прикидывали, как бы не подскользнуться на карнизах, не взять ли веревку. Впрочем, никто из нас не владел техникой альпинизма, работали по-кустарному, авось пронесет.

— Вам ходить скользко, о машине и не думаете, — вдруг ворчливо сказал Гаврилыч.

Я вспомнил его тревогу лишь на подъеме, когда наш грузовик в первый раз забуксовал по глине, по скользким камням, пошел юзом в сторону. На ближайшей ровной площадке Иван Гаврилыч остановился, обошел машину вокруг. Мы сидели у борта.

— Что, прыгать приготовились? — усмехнулся шофер.

Снова мы поползли вверх. Нередко Гаврилычу приходилось по два, три раза сдавать взад-вперед, прежде чем удавалось вписаться в очередное колено дороги.

Наконец, мы на высоте. Вновь ведем наблюдения. Незадолго до нашей экспедиции канадец Гайст прислал мне свою книгу о горных баранах [15]. Не в пример нам Гайст ближе общался с дикими баранами. Они приходили под окна его избушки и лизали припасенную для них соль. Тем временем можно было, перегнувшись через подоконник, взять животное за ухо и прочитать на бирке номер. Понятно, что в таких условиях Гайст подсмотрел в жизни баранов немало интересного. Главное внимание он уделил боям, доказывая в книге, что нет более драчливых животных. Одновременно Гайст создал теорию о том, как совмещаются агрессивность и привязанность у этих животных. Ведь только благодаря устойчивости групп, постоянно следующих за одними и теми же вожаками, архары умудряются противостоять всем уловкам браконьеров. Если Гайст прав, бараны нападают лишь на соседей с такими же рогами. Поэтому молодые самцы и самки, у которых рожки сравнительно невелики, не вызывают агрессии больших баранов.

Драки между животными трудно не заметить, их интересно изучать. И я был сильно разочарован, что большей частью дело ограничивалось угрозами. Стоило большому барану кивнуть в сторону соперника или наклонить к нему рога, как тот поспешно ретировался. Конечно, случались и схватки. Красивая это картина. С разбегу, взлетев наискось вверх, бараны с глухим, далеко слышным стуком сталкивались рогами в воздухе. Недаром зоологи называют их «трамбовщиками» в отличие от оленей, относимых к «борцам». Оттого и рога у оленей ветвистые, пригодные перехватывать рога соперника. Напирая друг на друга, поворачивая голову, олени и впрямь

борются. А у баранов рога необыкновенного веса, толщины, упругости, подходят именно для лобовых ударов.

Как-то ко мне обратилась киногруппа, посоветоваться, где бы снять драку архаров. Как видно, моя консультация им не пригодилась. Они пошли по другому пути. В отснятом ими фильме бараны неистово теснили друг друга, неотрывно напирали, глубоко вспахивая землю ногами. Драка шла ожесточенная и ни на что не похожая. Довольные киноизобретатели пояснили мне, что не особенно затруднив себя выдумкой, связали рога баранов проволокой. Наверяд ли многие зрители поняли, как далек был этот эпизод от настоящих повадок баранов..

На Алибеке нам довольно скоро примелькалась группа архаров, голов пятнадцать, включавшая четыре крупных рогача. При внимательном наблюдении оказалось, что особенно большие рога, закрученные на полный оборот, были у одного барана, у остальных немного меньше. Когда группа убегала, старик всегда держался последним, еще имел привычку поотстать, даже на несколько шагов вернуться, словно проверяя, далеко ли опасность.

Курбан эту повадку объяснил как сторожевую. Боря считал старика трусом и тихоходом. Мне же казалось, что такое поведение может возникнуть потому, что соперники чаще всего приходят сзади, по следу. Уже сформировавшаяся повадка могла служить и как оборонительная.

Не раз мы наблюдали за этой группой в минуты покоя и не могли не посочувствовать старику, сколь хлопотливой была его жизнь. Не часто мы заставляли его самого ухаживающим за овцами. Облюбовав подругу, он неустанно следовал за ней, когда она паслась, стоял сзади, гордо подняв голову и время от времени напоминал о своем желании, поглаживая щекой круп овцы или легонько поддавая ей под живот передней ногой. Случалось, он делал и садки, так что отрицать его отцовство вовсе нельзя.

Однако чаще мы заставляли его за бесплодными попытками унять прыть более молодых самцов, безбоязненно ухаживавших за овцами. Старик просто не успевал помешать им, бегая от одного к другому. Молодые не вступали с ним в ссору, отбегали, уступали дорогу, однако своего дерзкого поведения не прекращали. К сожалению, таких групп мы наблюдали немного, да и отрывочно, так что могли лишь задаться вопросом: самый ли сильный баран бывает подлинным отцом ягнят? Для проблем наследственности это немаловажно.

Довольно скоро мы познакомились с местечком, которое прозвали «Череп». В неприступных для человека, облизанных ветром, выпуклых скалах чернели издалика видные пещеры. Это было любимое убежище

архаров, а Курбан уверял что и леопарда тоже. Не думаю, что мы нашли бы в этих пещерах что-либо, кроме слоя овечьего помета. И все же, имей мы хоть маленькое представление, как туда забраться, мы бы рискнули. Увы, ни у кого не хватало такого хладнокровия, с которым архары утром и вечером по узкому карнизу приходили в свою твердыню. Будь этот карниз на высоте метра, мы бы прошли по нему, но, когда предстояло лететь вниз метров триста, не хватало духа на такое путешествие.

Однако интерес к Черепу не остался для меня бесполезным. Сначала мы развели тропы, которыми архары расходились с ночевки на выпас. Потом заметили, что сюда собираются одни и те же группы. Особенно приметной была «белоносая» овца, водившая группу из двенадцати архаров. В подзорную трубу было хорошо видно, что нос у нее вовсе не белый, а просто облезлый. Наверное, она была совсем старушкой, может быть, плохо вылиняла или шерсть вокруг носа вытерлась.

К тому времени у нас были и другие знакомые группы. Я упоминал о компании, включавшей четырех крупных баранов. В одной группе была приметная овца со сломанным рогом. Пересчитав архаров, учтя, все ли самцы, самки, молодняк на месте, мы с товарищами могли быть уверены, что действительно видим одну и ту же группу. Мы занялись картированием участка обитания каждой группы. Это оказалось занимательным делом: постараться понять, где у архаров дом, где место, куда они ходят пастись, и где пролегли их пути, кто соседи и каковы между ними отношения.

Приехали анатомы, и для нас началась охотничья пора. В конце января поднялись на Алибек. Уже хорошо знакомым логом поднялись до первого плато и, невысокаясь, внимательно осмотрелись. Я уже приобрел способность различать архаров издали. Впрочем, на заснеженных склонах они были заметнее, да и я искал старательнее. Раньше только казалось, что внимательно смотришь в бинокль. Теперь, прижав окуляры к глазам, я словно проникал взглядом в панораму, старался оценить объем кустов, камней, ложбин. Смотри в бинокль, я словно бродил пешком по склонам, отстоявшим на километр-полтора, заглядывал во все закоулки. Пришло и ко мне умение видеть. Я первым воскликнул: «Архары!»

Быстро обсудили, как нам действовать, наметили, где выйдем на расстояние выстрела. К этому времени мы отлично сработались, исчезло желание доказать, кто легче на ходу, кто ловчее, наблюдательнее. Теперь мы ходили, словно три волка, след в след, понимали Курбана с полуслова.

Подъем занял больше часа. Мы оказались в неглубоком ущелье, прямо над нами должны были пастись архары. Насколько можно осторожно мы стали подниматься к перегибу. Под ногой Курбана оторвался, загремел вниз

камень. Мы переждали, пока все стихнет и выглянули на плато. Прямо перед нами, в считанных метрах стоял и любознательно нас изучал молодой барашек. Как это свойственно малышам, пока взрослые паслись, он бродил вокруг и пришел посмотреть, что за шум под склоном.

До взрослых оставалось метров сто, еще можно было успеть выстрелить. Курбан вылез по пояс наверх, а малыш тем временем отбежал к маме. Старая овца мгновенно проследила направление его взгляда и, свистнув, шарахнулась прочь. Курбан стрелял уже по бегущим.

Архары отбежали метров на пятьдесят, повторяя движение вожака, остановились. Овца сделала несколько шагов к нам, а остальные сгрудились сзади нее. Я уже не раз замечал, что лишь вожак и одно-два других животных смотрят в сторону опасности, понимают, где она и куда надо смотреть. Большинство следит лишь за ближайшим соседом, повторяя его движение.

Снова резкий свист, и архары бросились бежать. Они огибали нас снизу по склону, еще дважды останавливались. Тогда Курбан стрелял, не мог удержаться от бесполезного шума. Архары пересекли ущелье, которым мы поднимались, и только тогда направились вверх и наискось от нас по плато. Конечно, тревога тотчас охватила и остальные группы, одна за другой они стали подниматься выше. Мы по опыту знали, насколько бдительнее они стали.

На следующий день поднялись на Душах, осмотрелись. В одной из ложбинок много ниже нас паслась группа. Быстро спланировали подход, спустились в ближайшее ущелье, побежали. Теперь мы ходили по карнизам бойко, не глядели вниз, далеко ли падать, не присаживались отдохнуть. Курбан впереди, мы за ним след в след. Когда пришло время выглянуть, приготовили свое оружие, дали успокоиться дыханию. Архаров нигде не оказалось. Только заснеженные склоны с черными пирамидками арчи.

Решили вернуться на исходный рубеж. Уже не так резво поднялись в полсклона Душаха. Было одиннадцать часов. В это время архары кончают пастьбу, ложатся. Более осторожные поднимаются для этого повыше в горы.

Прямо на нас, к нашему бугорку привела в последний раз свою группу овца. И вот она лежит перед нами. С бьющимися сердцами бежим к ней и почти одновременно узнаем ее: «Белоногая». Старая наша знакомая, столько раз виденная нами в трубу, в стольких наблюдениях описанная.

Она так стара, что уже выпал один из резцов, зубы стертые и желтые. Рассматривать добычу нам некогда, взвалив на плечи, поочередно тащим к дороге. Ох, как это тяжело, ходить по горам с грузом. Кажется, мучению не

будет конца. Потом повеселевший Гаврилыч спускает всех нас вниз. Суетятся анатомы, они не ждали нас рано. Вместе с Борисом они берутся за вскрытие, а мы с Курбаном, не мешая им разговорами, следим со стороны.

Когда с овцы сняли шкуру, на бедре, на боку мы находим следы от старых ранений. Одна из пуль прошила зверя насквозь, пройдя под позвоночником. А та, что в ноге, окружена плотной капсулой. Роковой для «Белоносой» была лишь наша, третья пуля. Сколько же охотников встретила эта овца на своем пути, от скольких облав, засад ушла сама и увела свою группу, а с ней и своих детей, внуков? Не только радость приносит охотнику добыча, немало и грустного ложится на душу.

Ашхабадские зоологи рассказали мне о легендарном охотнике Мамеде Баймурадове из Геоктепе.

Мамед-ага был человеком известным, и разыскали мы его легко. Как и большинство туркменских стариков, Мамед отлично говорил по-русски. Ему пришлось в свое время отстаивать московские рубежи, сражаться под Старой Руссой, пройти с боями Белоруссию. Сейчас Мамед был на пенсии, жил окруженный почетом в большой семье.

Мы переночевали у Мамеда-аги. Запомнился ужин, почти как пир, чистые постели в отдельной комнате, уют и доброжелательство.

Наутро мы отправились в горы. Я невольно обратил внимание на одежду нашего проводника. Высокая папаха, туго перетянутый в поясе зеленым платком халат, сапоги в резиновых галошах. В таком наряде Мамед-ага мог бы отправиться и на базар. Кроме большого кинжала, ничто не выдавало в нем горного охотника. Довольно долго ехали мимо полей, обрамленных арыками, потом обработанные участки стали меньше, полосками пролегали по пологим склонам, там, где могли работать трактора. Постепенно поднимаясь все вверх и вверх, мы выбрались на еще заснеженное плато, пересеченное ущельями. Уже освоенный нами Душах возвышался слева.

С подходящей площадки мы осмотрелись. Мне было приятно первым заметить архаров. Однако и Мамед-ага оказался очень зорким, показал мне несколько групп, пасшихся в тени, эти архары его не заинтересовали.

— На одном месте живут, — пояснил старик, — где кормятся, там и лягут.

Все внимание Мамед-ага обратил на архаров, пасшихся на открытых плоскотинах. Однако он никуда не торопился, наоборот, предложил нам с Борей перекусить, достал из солдатского сидора завернутые в чистую тряпицу лепешку, кусочки жареной баранины, лук. Мы достали свои припасы и вместе, наперебой угощая друг друга, подкрепились.

Между тем в движении архаров произошли изменения. Группы, до того сновавшие по склонам взад-вперед, теперь стали продвигаться в двух направлениях: часть к Душаху, другие — вверх, к уступам главного хребта. Теперь и Мамед-ага заторопился. Он повел нас хорошо известной ему тропкой к ущелью, потом вдоль одного из карнизов вверх. Идти было не трудно. Старик не торопился, впрочем, нигде не отдыхал. Он казался мне сзади очень молодцеватым, так легки были его движения, так крепка и пряма еще спина. Но это впечатление проходило тотчас, когда Мамед-ага поворачивался ко мне — седая борода и морщинистое лицо слишком явно говорили о его возрасте.

Не видя из ущелья окрестностей, я не мог ориентироваться и не знал, как далеко мы углубились в горы. Ущелье совсем обмелело, превратилось в ложбинку. Тут мы пересекли его и снова оказались на открытом месте. Мамед-ага повел меня к большому обломку скалы, не весть когда скатившемуся с гор. Место было некрутое, и вроде бы падать ему было неоткуда. Здесь мы и устрой ли засаду. Сели спиной к камню, совсем на виду. Я спросил Мамеда-агу, не лучше ли спрятаться в ущелье, но он не посоветовал:

— Когда архар придет, а ты голову покажешь, он сразу пугается.

— А сюда он не смотрит?

— Сюда нет.

— Почему знаешь?

— Так! Знаю! Еще отец мой знал, здесь архаров ждал.

Первая группа подошла лишь через час. Совсем неподалеку от нас архары перебежали ложбину, уходили вверх по склону на отдых. Место перехода ничем не отличалось от многих других. Только охотничий опыт мог помочь его отыскать.

Курбан вполне освоил, что нужно анатомам. Боря мог руководить работой. Меня ждал Бадхыз, сказочная для зоолога страна. Какой исследователь копытных не мечтает о Бадхызе, тем более весеннем, когда его холмы зелены, расцвечены тюльпанами; Бадхызе, где архары не дают тебе прохода, топают, свистят на того, кто вторгся в заповедный простор; Бадхызе, где степь плывет перед глазами, от того, что стада куланов и джейранов убегают от машины вдаль?

Архары Бадхыза

Едущие в Бадхыз сходят с поезда в Моргуновке, не доезжая один перегон до Кушки. Мы проспали и, когда проводница догадалась нас разбудить, выскочили из вагона кое-как одетые, держа в охапку рюкзаки. Это было пятого марта, когда даже в Россию приходит весна. А здесь кругом лежал снег.

Ушел поезд. Не было ни вокзала, ни хотя бы будки, чтобы досидеть до утра. Сначала примостились на рюкзаках, потом достали спальные мешки. Рассвет застал нас спящими на снегу.

Мой «отряд» на этот раз состоял из друга Вити Меркулова, пожелавшего провести свой отпуск в экспедиции, и Вали, моей жены, сотрудника на общественных началах.

Чуть свет я отправился в поселок заповедника, разбудил заместителя директора по научной работе Юрия Горелова, попросил помочь. Все мы, зоологи, знаем друг друга если не лично, то по работам, понаслышке. Стоило мне назвать себя, как Горелов сказал: «Все ясно», — и протянул руку.

В восемь утра его жена уже поила нас чаем, в десять мы погрузили снаряжение в машину, поздним вечером подъезжали к кордону Акарчешме, где предстояло жить и работать. Позади остались непростая переправа через реку Кушку, кордон Кызылжар с его знаменитым оврагом, где на устроенный людьми водопой приходят сотни куланов и джейранов.

Из всего, чем славен Бадхыз, меня влекли лишь архары. Лучшее для них урочище — Акарчешме — было для нас и самым притягательным местом. Впрочем, Валя еще мечтала о солнце и тюльпанах («ведь ты обещал!»).

Горелов проводил нас до Акарчешме, в первый раз провел по окрестностям. Сразу от кордона мы поднялись круто вверх на хребет, прошли два километра, пока с взлобья не открылся просторный вид на долину, густо иссеченную оврагами. Здесь Горелов предложил нам сесть и

победно повел рукой окрест. Как видно, он не впервые проделывал этот номер и заранее знал, что удивит. В километре от нас на поляне, зажатой между двух оврагов, частью лежали, частью лениво паслись около трехсот архаров.

Горелов стоял над нами и оттого казался еще более широкоплечим и сильным, чем был. Его счастливое лицо, решительное, загорелое, сверкающее улыбкой могло бы служить моделью для портрета зоолога. Пусть часть зубов уже светила стальным блеском, а в огромных голубых глазах была пронзительность фанатизма, без этих реальных черт нельзя бы представить человека, больше двух десятков лет сражавшегося за природу Бадхыза [8]. Горелов держал в руках карабин, и невольно вспоминалось, как дотрагивался он до вмятин на окованном прикладе, когда рассказывал о былых схватках с браконьерами. Юрий Горелов — живая легенда Бадхыза.

Радужный хозяин звал нас вперед, хотел показать другие заветные уголки, и моим любознательным спутникам совсем не по душе было остаться здесь, на продутом ветрами взлобье, где одни архары да зоологи чувствовали себя хорошо. Но пробил мой час. Зачем путешествовать, зачем бороться, если не наступит, наконец, этот тихий час работы? Витя занялся костром, Валя села рядом со мной с записной книжкой, а я наладил подзорную трубу. Горелову пришлось распрощаться. Его звали свои дела, свои дороги.

Прежде всего мы пересчитали архаров. Они лежали несколькими группами, и трудно было определить, случайны ли эти скопления. Обращало внимание, что они лежали головами в разные стороны, так что невозможно было бы подойти к ним, оставаясь незамеченным. К тому же десятая часть животных паслась. На смену тем, кто лег, вставали другие. Воочию можно было убедиться, что не было животных, постоянно выполнявших роль сторожей.

Примерно в три часа дня Валя забастовала и заявила, что уходит варить «кашку». Мы и впрямь были голодны.

Чай с сухариками помогал лишь согреться. Я попросил товарищей еще немного подождать. Хотелось дожидаться, когда архары встанут все, наступит время вечерней кормежки.

Все, что можно было сделать, мы уже закончили. Ожидание становилось тягостным, и, чтобы помощники не томились, не мерзли понапрасну, я отправил их побродить окрест, авось наткнутся на что-нибудь интересное.

Около пяти архары зашевелились, начали вставать. Те, что лежали в глубине скопления, выходили ближе к краю, начинали пастись. Вскоре

оживление усилилось, и в центре образовалось пятно, свободное от животных. Пасущиеся архары образовали кольцо. На моих глазах кольцо стало шириться, архары расходились в разные стороны. Потом они повернулись головами к ветру. Вмиг стадо приобрело форму подковы, концы ее стремительно растягивались в стороны, тогда как центр уходил все дальше на ветер. Передо мной была уже дуга метров пятьсот длиной. Архары расходились все дальше, дуга стала рваться на части. Отдельные группы в своем движении оказались над обрывами. Пути вперед не было, группа собиралась воедино, и тотчас картина, только что увиденная мной в большом стаде, повторялась. Кольцо, подкова, дуга — формы стада закономерно сменяли друг друга, причем происходило это очень быстро, в считанные минуты. Несмотря на голод, животные не терпели тесноты, стремились вперед к ветру, если находились в центре дуги, или в стороны, до тех пор пока не оказывались в двух-трех метрах друг от друга. Те, что отстали, образовывали вторую дугу, метрах в пятидесяти позади первой (рис. 5).

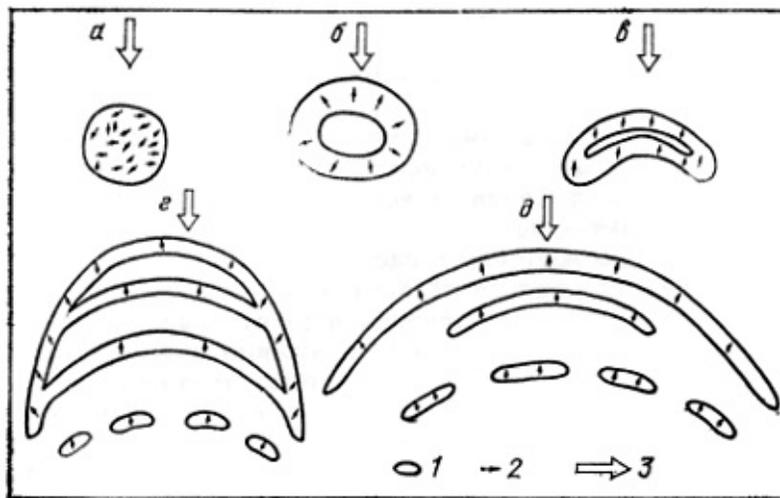

Рис. 5. Схема расхода стада дугой: а—д — последовательные стадии; 1 — форма стада; 2 — направления движения животных; 3 — направление ветра

Закономерность происходящего приводила меня в восторг. Ощущение удачи, находки, открытия, если хотите, большого или малого, но открытия, причем в такой важнейшей области этологии, как поведение животных на пастбище, охватило меня. Едва архары разбрелись по холмам, я помчался на поиски товарищей. Взбежал повыше, чтобы найти, где они, огорчился, что нигде не видно.

Валя с Витей вернулись через час. Они тоже были полны новостей. Нашли гнездо грифа, уже высиживавшего яйцо. Фисташковое дерево, на

котором сложено гнездо, растет на склоне оврага, в него легко заглядывать сверху. Когда вылупится грифенок, вот будет интересно сфотографировать. Кроме того, Витя принес два черепа архаров с неплохими рогами. Видно, это были остатки зимних волчьих пиршеств. Еще они видели лису. Все мы были довольны чрезвычайно. Правда устали, замерзли, но чувствовали, что приехали сюда не зря.

При свете свечи Валя варила кашу, а мы с Витей сделали две ходки за дровами: обламывали у фисташковых деревьев нижние сухие ветки. Они были очень твердыми, едва поддавались топору. Зато горели очень жарко.

Кроватей в домике не было, пришлось разложить спальные мешки на полу. Егери

заповедника, жившие с семьями на кордоне, пожертвовали нам две войлочные кошмы. Стулья из ящичков, свет свечи над столом, где горячая каша в мисках соседствовала с еще богатыми московскими запасами колбасы и консервов, тихая музыка из транзисторного приемника — мы совсем неплохо устроились и надеялись с комфортом проводить вечера после работы.

Как ни радовали меня наблюдения за рассеиванием архаров из скопления по пастбищу, надо было воспользоваться еще лежавшим на холмах снегом, чтобы закартировать тропы архаров. Запоздавшая весна могла наконец-то прийти, и тогда мы бы упустили эту возможность. Следующие пять дней мы неустанно лазили в окрестностях Акарчешме, и вскоре жизнь архаров «у себя дома» стала нам знакомой и понятной.

Хребет, возвышавшийся над кордоном, огибал ручей. Его притоки глубоко врезались в склоны, бежали в ущельях с крутыми бортами. Поднимаясь по дну ущелий, мы видели высоко над головой зубчатые цепи скал. Между ними протянулись щебнистые поля, на которых ноги тонули в красном месиве из снега и почвы. Архары предпочитали ночевать посередине таких полей. Здесь ни сверху, ни снизу к ним нельзя было подойти бесшумно.

Мы бродили теми же тропами, что волки ночью, видели их попытки добыть «барашка на пропитание», большей частью неудачные. Месяцем раньше, когда снег был глубже, волки могли настичь архаров, согнав вниз на дно ущелья. Мы находили здесь еще свежие кости, Витя собирал рога, не ленясь приносить их к кордону. У бадхызских архаров рога редко закручены больше чем на один оборот. Все же они казались весьма привлекательным сувениром, и бедный Витя никак не мог сделать выбор.

Судя по следам, испугнутые волками архары не уходили далеко, стремились остаться на той же осыпи, предательски шуршавшей при

каждом шаге хищников. Столь же излюбленными местами ночевок были карнизы и пещеры на скалах. Мы нашли такой же «череп», как в Копетдаге, с той разницей, что смогли заглянуть в его пещеры-глазницы. Конечно, здесь не было ничего примечательного, только помет и сильный запах хлева говорили, сколь живо это место ночью.

Следы на снегу вели нас от одного излюбленного места пастьбы или отдыха архаров к другому. Вскоре мы знали «большую стоянку», показанную нам Гореловым, «грифиный овраг», где нередко заставляли две-три большие группы, «вулкан» — место дневного отдыха семи красавцев-рогачей. Валя — геолог по профессии — ахнула, когда впервые увидела округлую впадину жерла вулкана с выдавленной вверх куполовидной пробкой магмы посередине. По ее словам, этот вулкан следовало бы перенести в геологический музей, такой он был «правильный». Валя не могла удержаться, чтобы не отколоть обушком топора образец «на память». А сверху, с купола, удивленно клоня рога то в одну, то в другую сторону, смотрели семь баранов. Они предпочитали не слезать со своего столпа в нашем присутствии. Видно, чувствовали себя наверху в большей безопасности.

Таким же любимым местом ночевок архаров была Родниковая щель, где ручеек бежал по базальтовым ступеням, разливаясь на каждой маленьким озерцом. Возвращаясь после работы домой, мы набирали в Родниковой щели воду во фляжки и котелки, осторожно, боясь споткнуться, несли ее километра полтора. Брать воду из большого ручья рядом с кордоном мы уже не решались. С началом таяния снега вода в нем стала красной, густой от ила. Наши соседи брали воду из цистерны, запасенную еще с зимы. Нам не хотелось составлять егерям конкуренцию, да и очень вкусной была в Родниковой щели вода.

Случалось, мы не возвращались днем домой и весь полдневный отдых проводили в приглянувшемся нам ущелье. Здесь разводили костер, варили обед, грели воду, чтобы устроить баньку.

После первой недели работы, когда прошло ощущение новизны, наладился быт, установился привычный ритм жизни, мои товарищи обнаружили и личные склонности. Валю волновало желание позагорать, погреться на солнце. Витя любил фотографировать черепах. Они вылезли из нор как-то внезапно, все сразу. Первая даже напугала нас. Днем возвращались на кордон, и вдруг под ногой шевельнулась, поползла кочка — как оказалось, огромная черепаха, еще не стряхнувшая землю с панциря. И вслед за ней, за каких-нибудь два километра пути мы встретили сотню таких же едва очнувшихся от зимней спячки красавиц.

Однажды Витя прибежал с радостной новостью: среди них оказались и самцы, и самки, в чем нельзя было усомниться, потому что черепахи, не теряя дорогого весеннего времени даром, занялись свадебным ритуалом. Самцы, большей частью мелкие, круглые и толстые, возбужденно окружали самку, случалось, дрались между собой, ударяясь мордочками. Победитель продолжая суету вокруг большой и плоской дамы, действуя примерно так же, как в драке с соперником, — тыкая подругу головой, после чего забегал сзади и норовил забраться ей на спину. Витя притащил к кордону кучу черепах. Мы наблюдали всю эту бурную деятельность, не прекращая обеда. Даже слышали боевую, победную песнь самца «Ки-и!», которую он выкрикивал уже на спине у подруги в последний, решительный миг брачной церемонии.

Мы много фотографировали архаров. Часть съемок могла послужить как дополнительный материал, с которым предстояло работать в Москве. Так, я измерял расстояния между пасущимися и лежащими животными. Самой удобной меркой служили сами архары. Я мысленно выстраивал их цепочкой по пастбищу и считал, сколько бы зверей поместилось между двумя группами, между пасущимися архарами. Фотографии позволяли запечатлеть то, что мы видели, «про запас», сделать такие же измерения дома, в лаборатории.

Но нередко карандаш не поспевал за тем, что схватывал глаз. Перестроения стада во время пастбы или бегства можно было «поймать» только с помощью фотоаппарата. Я владел довольно мощной техникой. По крайней мере рюкзак с фотоаппаратами и объективами, который Витя безропотно носил, весил килограммов двадцать. Мы могли фотографировать издалека. Однако красивых фотографий, пригодных для обложки журнала, с такого расстояния, конечно, не получалось. Постепенно нас стало одолевать желание сфотографировать архаров в упор. Это оказалось нелегким делом, и в нас пробудился охотничий азарт.

Сначала мы задумали подкараулить архаров на переходе с места ночевки к пастбищу. В том, что такие переходы должны быть, мы не сомневались, хотя из-за городской привычки долго спать не встречали рассвет в горах. Заставить себя встать так рано мы не могли. Оставалось устроить засаду с вечера.

Одевшись потеплее, медленным шагом, чтобы не вспотеть перед холодным ночлегом, мы отправились с Витей в горы. Подходящие ложбинки уже были известны. В ненастные дни, когда архары до полудня медлили с выходом на пастбище, мы встречали группы именно в этих ложбинах.

Не зная, будет ли утром время все приготовить к съемке, я заранее установил треногу, приготовил «к бою» аппарат, укрыл его тряпицей и лишь после этого занялся устройством ночлега: наломал веток и соорудил под фисташкой что-то вроде гнезда. Вспомнился рассказ Горелова, что летом в тени фисташек любят отдыхать кобры. К счастью, до лета еще было далеко.

Стемнело быстро, но мне не спалось. Думалось, что Валя сейчас одна, тоже небось ей не спится в одиночестве. Когда надоело крутиться с боку на бок, я вдруг решил проведать архаров, благо ближайшая их ночевка находилась совсем близко, стоило лишь перевалить через горбину хребта. Подсвечивая фонариком, я поднялся вверх по ложбине и еще метров триста по плоскогорью. Дальше надо было найти любую западинку и спускаться. Как мы знали, все они вскоре переходили в глубокие ущелья. Я взял чуть правее, склоном, шел очень осторожно, стараясь не поскользнуться. Встреча с архарами произошла внезапно. Я услышал внизу под собой шорох ползущей осыпи, стрекотанье бегущих вниз камешков и взволнованный свист испуганных животных. Судя по шуму, отбежав метров пятьдесят, они остановились и ждали, что я предприму.

Спускаться на осыпь не хотелось и все же надо было. Едва не на четвереньках я немного приблизился к архарам и вновь услышал, как они отбежали подальше. Уходить с места ночевки архары явно не хотели. Это и требовалось мне доказать. В последующие ночи мы еще несколько раз убедились в этом.

Я поднялся наверх, однако не мог найти «своей» ложбины. Бродил взад-вперед, пока не услышал свист — Витя тоже не спал. Посоветавшись, решили ночевать вместе. Легли спина к спине, так было теплее, и очень скоро заснули. Вдвоем в горах спокойней.

Проснулись, едва забрезжил рассвет. Я отправился на свой пост. Простоял у треноги не так уж долго. Солнце только-только вышло из-за горизонта. Здесь наверху все было заполнено светом. Искрилась каждая травинка, покрытая ночным инеем. Сверху с бугра надо мной послышался шум катящихся камешков. Группа архаров — черные силуэты на фоне неба — неспешно направлялась на кормежку. Едва они скрылись, я поднялся вверх. И напрасно, следующая группа прошла ложбиной. Архары заметили меня, остановились, как обычно, сгрудились в кучу, вперед вышла овца-вожак. В сильный объектив были отчетливо видны ее узкие глаза.

Я сделал несколько шагов вперед, и вожак легким галопцем повела группу прочь, вскоре вновь остановилась, не уходила, ждала, что я буду делать. Как только я остановился, группа вновь начала движение. Это

становилось интересным. Бараны реагировали на каждую перемену в моем поведении, начинал я движение или останавливался. Казалось, они совсем не торопились прекратить эту игру (рис. 6). Мы развлекали друг друга больше часа, и мне надоело первому. За это время я хорошо рассмотрел и овцу-вожака, и ее ягненка, почему-то желавшего встать впереди матери, но спиной ко мне, и крупного барана с превосходными рогами, единственного, кто за этот час все норовил ущипнуть клочок травы, видно, проголодался. Всего в группе было четырнадцать архаров, в том числе три взрослые овцы с ягнятами, крупный самец, несколько более молодых самцов и самок без ягнят.

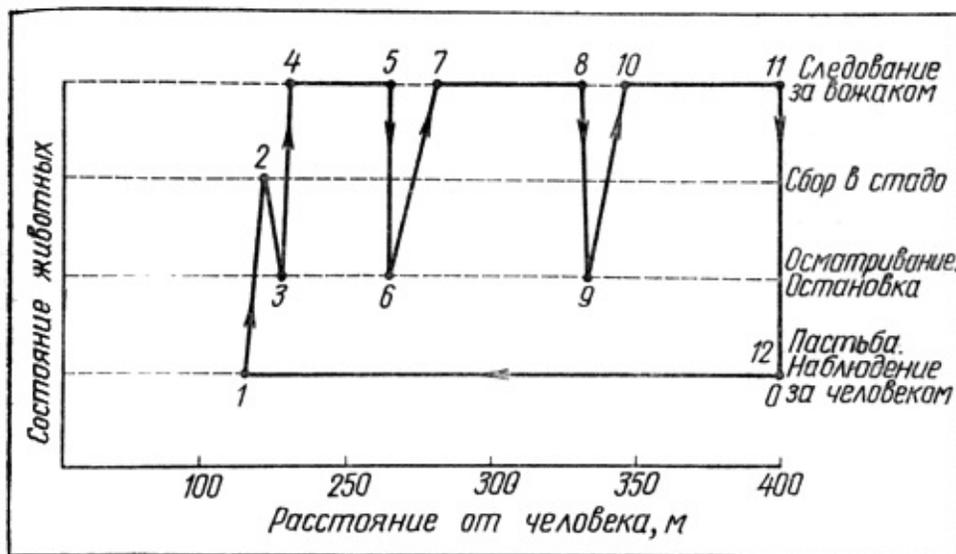

Рис. 6. Схема позволяет проследить последовательность поведения архаров Бадхыза при опасности

Во время работы в Копетдаге я уже обращал внимание на то, что архары, если их не слишком преследуют, не торопятся уйти, предпочитают пастись и отдыхать, не теряя человека из виду. Однако в Бадхызе архары подпускали меня втрое ближе. Если видишь диких животных всего в двухстах метрах от себя, если они не убегают и отчасти даже подчиняются твоей воле, когда используешь пастушеские приемы, невольно начинаешь думать, что труд охотника и пастуха сходен. Быть может, тысячи лет назад вот так же учился охотник управлять архарами. Только происходило это чуть западнее — в степях Анатолии или на Иранском нагорье.

Так в нашей работе появилась новая задача — попробовать управлять архарами. Была и конкретная цель — заставить их выйти прямо на фотографа. Наши голодные предки устроили бы западню и сделали из

барана шашлык. Наверное, тогда это было излюбленным блюдом. Нам же достаточно было хорошей фотографии. Впрочем, будь я в роли первобытного охотника, Валя бы осталась в тот день голодной. Не преуспел и Витя. Рассказывать об архарах мы могли долго, однако в охотники пока не годились.

Солнце быстро прогрело воздух, мы сняли телогрейки, теплые шапки, и все же идти было трудно. Мы подходили к Акарчешме словно вареные. Валя постаралась нас подбодрить завтраком, всюю рекламировала манную «кашку» и омлет из яичного порошка и тушенки. И действительно, отъевшись и отдышавшись, я почувствовал прилив сил, желание вновь идти в горы.

Полдневную жару мы переждали на знакомом пригорке, с которого открывался вид на долину, на овраги, на поляны между ними, где любили пастись и отдыхать архары. Прямо перед нами отдыхало большое стадо. Решили не тревожить его до вечера, а попытаться перехватить на обратном пути к ночлегу. После неудобной ночи и мы с Витей рады были вздремнуть.

Проснулись с ощущением усталости — дневной сон не пошел впрок. Горело обожженное непривычным солнцем лицо. Хотелось пить, но воды поблизости не было. Покидать же облюбованное место не хотелось. Мы рассчитывали, что заранее увидим, куда пойдут архары и перехватим их.

Около пяти вечера животные начали пастьбу. То тут, то там расходившиеся стада принимали очертания кольца, потом дуги, словно венчики своеобразных цветов распускались на пастбище. Часам к семи мы заметили, как первые группы направились в нашу сторону. К сожалению, быстро смеркалось, и было неясно, успеем ли мы встретить архаров засветло. Закрепив аппараты на треногах и заранее все подготовив, мы тихо совещались, где лучше встретить добычу, когда архары сами оказались перед нами. На этот раз вожак была настороже. Свист, мгновенный прыжок в сторону, а потом обратно под склон. Только камешки посыпались. Как видно, поведение передовой группы не осталось незамеченным для остальных. Цепочки архаров, вытянувшиеся с пастбища в горы, обтекали нас с двух сторон. Было бесполезно пытаться их перехватить. Это не было бы для зверей неожиданным.

Ранним утром следующего дня мы вновь были на своем посту над долиной, но она была безжизненна. Валя, как это свойственно женщинам, не могла не сказать свое неприятное: «Ага! Распугали. Напрасно нас пустили в заповедник».

Солнце поразительно быстро сушило легкую, рыхлую почву. Кое-где из-под ног фонтанчиками вспыхивала пыль. Тут и там пробились из земли

зеленые шильца еще свернутых в трубку листьев тюльпанов. Над долиной, где мы привыкли видеть архаров, словно стоял зеленый туман. Это сквозь прошлогоднюю жухлую траву ветила молодая, зеленая. Полдня мы искали пропавших баранов. И ругали их, звали, как будто слова могли помочь. Дошли до Валиного вулкана, взобрались на его вершину и только отсюда, в подзорную трубу увидели всю нашу компанию. Судя по тому, каким зеленым было пастбище, где архары проводили дневку, они нашли себе кормное место. Интересно, что они перешли на новое место сразу, не то чтобы сначала корм нашла одна группа, а, подражая ей, туда ушли остальные. Как видно, звери отлично знали, что и когда случается «у них дома». Несколько жарких дней — и они были уверены, что поспело новое пастбище, отправились жировать туда.

Стала воспоминанием наша спокойная работа с подзорной трубой, сидя на теплой войлочной подстилке, наука пополам с чаепитием. Наши маршруты протянулись на двадцать километров ежедневно, с утра до темноты мы мотались в окрестностях Акарчешме. Лишь раз в пятидневку позволяли себе понежиться в Родниковой Щели. Ручей здесь почти иссяк. Пришлось устроить порядочную запруду, за ночь собиравшую озерцо, глубиной по колено. Валя даже купалась в нем.

Зеленая трава особенно быстро поднималась по кромкам оврагов в еще сырых, но прогреваемых солнцем ложбинах. И архары реже собирались большими скоплениями. Чаще мы видели их группами по десять — пятнадцать голов. Они стали более подвижны, чем раньше. С горюшки повыше всегда можно было заметить группу архаров, растянувшуюся цепочкой по пути к какой-то ведомой им цели.

Как это всегда бывает, через две недели поток новых наблюдений схлынул. Мы, конечно, не ленились записывать и то, что уже хорошо изучили, но работа перестала давать удовлетворение. Сначала Валя на правах добровольного помощника стала предпочитать не мотаться за архарами, а устроиться на зеленом холме с книжкой. Потом Витя стал все чаще отпрашиваться на вольную охоту за красивой фотографией. Да и я понимал, что «сливки» интересного мы сняли, сделали, что возможно. Да и срок окончания работ близился. Оставалась неосуществленной лишь одна мечта: хоть на день стать пастухом диких архаров, доказать и себе, и другим, что между охотником и пастухом нет принципиальных отличий.

Переход к пастушеству был важным этапом в истории человечества. Люди перестали зависеть от воли случая, переменчивой охотничьей удачи. Те же архары оказались всегда у них под рукой: хочешь — паси, нужно — ешь. Однако в основе работы и охотника, и пастуха, как я считаю, лежали

одни законы поведения животных.

Собрать несколько групп архаров в одну большую, заставить ее пастись на одном месте нам удавалось. Конечно, не только «беря на испуг». Наоборот, собрав большую группу, мы старались поменьше пугать зверей, сидели или лежали вдалеке. Раз заметив, они уже не теряли нас из виду. Архары даже привыкли к людям и пугались, если мы прятались. Однако вся эта видимость пастьбы редко продолжалась подолгу. Что-то начинало беспокоить зверей. Вожак тянул то в одну, то в другую сторону. Наши попытки преградить дорогу лишь усиливали их возбуждение, рождали панику и безоглядное, напорыв бегство.

Изучая, куда побегут испуганные архары — на ветер или поднимутся по склону ближайшей горы, или к месту последней ночевки, — мы заметили, что их поведение легче предсказать, если приметил, куда они шли до тревоги. Испугавшись, вожак вел группу в том же направлении, что до встречи с нами.

Возможно, мы примелькались и надоели архарам. Коль скоро они помнили, где стоял куст фисташки, ужели еще не приметили широкую, словно печка, фигуру Вити или Валин белый платочек? Эти опыты наводили на другую мысль. Быть может, мы смогли бы удержать архаров поблизости, если не противоречили сильно их желаниям. Взались пастись, значит должны были думать и о кормежке, водопое, отдыхе. Жаль, что мы сами не могли питаться травой и уж очень любили свою избушку в Акарчешме.

Все же решили попробовать. Долго выбирали себе группу. Хотелось, чтобы в ней были приметные животные, которых не спутаешь с другими. Наконец, нашли подходящую: вожак — старая овца с обломанным рогом, один из ягнят — хромает, в группе три крупных барана, всего двадцать одна голова. Они мирно паслись на плато за вулканом. Не знали еще, что будут «одомашнены».

Архары приметили нас сразу, да мы и не скрывались. Шли стороной, словно гуляли, хотя и старались оказаться с наветренной стороны от группы. Вожачка долго провожала нас взглядом, однако не испугалась, потому что мы не прятались. Только отвела свою компанию чуть подальше.

До полудня ситуация мало изменилась, а потом вожачка забеспокоилась. Предстояло понять, чего ей не хватает. Нам было жарко, и мы предположили, что архаров тянет туда, где ветерок. Мы бы поднялись повыше на склон. Однако архары рассудили по-своему, перешли на край плато. Здесь на перегибе к долине они улеглись на отдых. То ли кругозор был там лучше, то ли сквозняк сильнее.

Часов в пять вечера наши подопечные стали подниматься, щипать травку. Сначала, где лежали, потом двинулись к Грифиному оврагу. Выстроившись друг за другом, они без остановки пересекали овраги, поднялись по склону и пропали за горизонтом. А мы, обескураженные и невеселые, как могли скоро, следовали за ними следом.

Часам к шестимы подошли к Грифиному оврагу. Едва заглянули в него, как на противоположном склоне, напротив и совсем неподалеку от нас вскочили с места, метнулись в одну, в другую сторону архары. Их было много, как подсчитали потом по фотографии, 120 штук. Здесь собрались на дневной отдых несколько групп, каждая со своим вожаком, и это лишило стадо однозначности решений. Архары устремлялись было за одной из овец, но та, испугавшись собственной смелости, останавливалась, возвращалась в общую массу, и тогда следовал рывок за другой овцой. Собравшись в плотную массу, животные теряли самостоятельность, больше надеялись на соседей, чем на себя, предпочитали подражать, а не принимать решение. Не будь передо мной глубокого оврага, можно было бы попробовать управлять стадом архаров, как приходилось пасти северных оленей.

Наконец, одна из крайних групп направилась вверх по кромке оврага, вытянулась цепочкой галопирующих животных вслед за однорогой овцой, а за ними устремилось и все стадо. Чуть поодаль одной из вожачек приглянулся другой путь бегства, она отделилась, повела часть архаров в сторону. За время сумятицы мы успели привести в готовность фотоаппараты, сделать несколько снимков. К сожалению, мы недооценили порывистость движений испуганных архаров. На фотографиях их изображения оказались чуть смазанными. Надо было снимать с меньшей выдержкой.

Через полчаса, уже под вечер, мы увидели множество групп архаров на знакомом плато в верховьях большого оврага. Там самом, где увидели баранов в первый день пребывания в Акарчешме. Долго искали свою группу, нашли только вожачку с обломанным рогом в массе других архаров. Посоветовавшись, решили подойти поближе, снова побыть на глазах у наших подопечных и, если будет возможно, собрать их в плотную массу. Я уже размышлял, как угоним все стадо на старое место. Это ли будет не проявление нашей власти над архарами!

Не прячась, во весь рост пошли через плато. Архары сначала мало беспокоились, расступались в стороны, продолжали пастись. Потом вдруг потянулись наверх, туда, где мы обычно располагали наблюдательный пункт.

Изрядно устав за день, мы оставили наши пастушеские заботы и, словно в театре, смотрели, как играют на закате солнца годовалые ягнята. Друг за дружкой, хороводом они носились вверх-вниз по склону. Вдруг возникла притворная драка. Малыши с налета сталкивались лбами, потом кто-нибудь вновь убегал, словно приглашая продолжить игру.

Мы вернулись в Акарчешме. С радостью сбросили с плеч оказавшиеся ненужными запасы продовольствия, лишнюю одежду. Валя, совсем не склонная прощать нам отступничество, объясняла:

— Мальчики, ну куда вам до древних охотников! Сытые, одетые, ну какая вам забота гонять баранов?

— Шкуры надеть на себя недолго, — защищался я. — Просто у них было много времени. Они одомашнивали тысячу лет.

— И наверное, знали, как это делать, — не унималась Валя. Такое замечание было обидным, но что делать, приходилось согласиться. — И жены голодные плакали, и дети.

— И силы были другие. Что могут сделать два с половиной энтузиаста? — добавил я.

- Кого это ты считаешь за половину? Если меня, то ошибаешься. Я против домашних архаров. Пусть живут, как жили.

Наверное, это правильно. В наше время людей заботит, как сохранить диких животных. И навряд ли нужно их приручать. Другой вопрос, что, изучая «дикарей», повторяя путь от охотника до пастуха, мы надеемся найти новые приемы управления стадами.

Чабаны Алая

Как бы ни старался я разъяснить сугубую научность моих интересов, но приезд москвича из академии неминуемо вызывал у руководства совхозов настороженность, стремление показать мне только лучшее. Вскоре я перестал сопротивляться: лучшие чабаны всегда оказывались и наиболее опытными, а главное, любящими свое дело.

Я с улыбкой воспринял обещание директора совхоза «Чон Алай», что увижу лучшего чабана, «нашего советского миллионера». Вообще-то нигде чабаны не бедны, разводить скот всегда было делом выгодным, хотя и рискованным. И все же такая рекомендация меня заинтересовала.

Рано утром к гостинице подошла машина, погрузили мои баулы, поехали в горы. Километров двадцать ехали по Алайской долине, миновали небольшой поселок — центр одного из отделений совхоза, и дальше уже вдоль горной речки по дну ущелий углублялись в горы. Через десяток километров впереди вдруг посветлело, борта ущелья расступились, открылась большая, сверкавшая ослепительной снежной белизной поляна, а за ней просторная панорама гор. На три стороны от поляны разошлись горные долины, пологими ступенями зашагали выше и выше хребты вплоть до зубчатой пики скал, далеко вверху окаймлявших урочище.

На поляне, через речку одна от другой расположились две зимовки, в каждой — кошара, загон для овец, домик для людей. Но одна из зимовок побогаче — и кошара новая, просторная, и домик побольше. Располагалась она у подножия крутого склона, где не так задувал ветер. Вокруг зимовок и в загонах снег дочерна утоптан овцами, торные широкие тропы ведут в горы.

Мы подъехали к зимовке, что получше. Вышел хозяин — невысокий, худощавый, молчаливый, с вислыми усами в углах рта. Меня сопровождал зоотехник, он и объяснил цель приезда, приказал сгрузить вещи.

Зоотехник торопился, довольно скоро я остался один. Хозяин что-то мастерил в кошаре. В доме еще была женщина и двое детей, но они,

смущенные происходящим, держались тихо, больше во дворе. Пока что до меня никому не было дела.

Я огляделся. В этом доме мне предстояло прожить несколько месяцев. Дверь открывалась прямо во двор. По той стороне, где дверь, но в другом углу, — железная печь, постоянно топившаяся кизяком. Крупные куски его, принесенные про запас, лежали рядом с печью в деревянном ящике. По другой стороне комнаты уложены высокой стопой ковры, одеяла, подушки. Днем на полу лежали лишь войлочные кошмы.

Первый день тянулся для меня медленно, скучно. Я побродил по поляне, но далеко от дома не отлучался. Было важно с первых же часов наладить хорошие отношения с хозяином, а мне казалось, что ему не понравится, если я буду бесцеремонно всюду расхаживать, все рассматривать.

Часам к шести вечера хозяин стал рассыпать по кормушкам подкормку для овец: дробленое зерно вперемешку с сеном. Я принялся ему помогать. Работа шла молча, как чабан относится к моей помощи, было неясно. В кошаре за перегородкой для овец была ссыпана горкой подкормка. Я накладывал дробленку лопатой в мешок, взваливал его на плечи, нес до кормушек и рассыпал. Один раз чабан поправил меня:

— Не надо много, выбросят на землю.

Уже в сумерках пришла отара в сопровождении второго чабана. Хозяева старались придержать овец, помешать им всем скопом кинуться к кормушкам. В первых рядах были козы. Они долго не могли успокоиться, все перебежали от кормушки к кормушке, словно где-то еда была слаще. Постепенно волнение улеглось, все пристроились. Лишь самые непоседливые время от времени переходили к другой группе, с ходу втискивались, пробивались к кормушке. Одна коза забралась в кормушку с ногами и в результате совсем не могла есть: из-за опущенных в кормушку голов ей было не дотянуться до дробленки. Чабаны согнали козу вниз.

Я держался в стороне, не хотел мешать чабанам, еще не зная принятого ими порядка работы. Вспотев, разнося в мешках корм, я сильно мерз, но уйти в дом к женщинам и детям тоже было неудобно. Нудно и неопределенно тянулся вечер. Наконец-то отара вошла в кошару, а мы собрались вокруг клеенчатой скатерти с угощением для чая.

Хозяин вдруг обратился ко мне с речью. Лицо его по-прежнему было не улыбочиво.

— Меня зовут Уку Сайтов. Это мой брат — Тойчо Сайтов. Тебя как зовут?

— Лёня.

— Сколько будешь здесь жить?

— Три месяца.

— Что будешь делать?

Я, насколько мог понятно, объяснил. Оба брата хорошо понимали по-русски.

Я приехал работать, а получилось так, что на время вошел в семью чабанов. Их дом, где жили мать, жена Уку, дети, находился в поселке, а здесь на пастбище нас обслуживала жена Тойчо — Зура. В однокомнатном домике мы могли жить только одной семьей. Вместе ели, вместе одевались, спали, расположившись рядом на полу. Перед этим Зура расстилала ковры, матрасы, одеяла. Лишь одну привилегию мне могли предоставить — спать в углу. Рядом устраивался Уку, дальше Тойчо, Зура, дети.

Утром дул сильный ветер, крутил снег, было холодно. Овцы уходили от кошары неохотно, жались плотнее друг к другу. Те, что оказались с наветренной стороны, постепенно обтекали отару справа и слева, старались спрятаться позади нее от ветра. Мы свернули в долинку и медленно потянулись вверх. У нашей отары были всего две дороги наверх. Вскоре и я хорошо знал все ложбинки, отроги, склоны. Тем более их знала отара, кормившаяся на этих пастбищах уже шестой год.

Наша отара состояла из маток. Шесть лет назад они попали на попечение Саитовых, дважды в год давали шерсть, весной ягненка, и по прошествии восьми лет старыми и больными должны были окончить свой путь.

Тогда новая, молодая отара примет заботу чабанов. Жизнь людей здесь измерена жизнью отары. Мой первый выход в горы был и первой проверкой на выживаемость. Не все могут работать на высоте четыре тысячи метров, и большинству людей требуется привыкание. Еще накануне я делал пробежки, пытаюсь почувствовать, хватает ли дыхания и сил. Почему-то стеснялся такого занятия и старался, чтобы чабаны его не видели.

Теперь же надо было штурмовать крутой подъем, к тому же не отставать от отары, довольно sporo вползавшей наверх. К моей радости, работа на высоте оказалась для меня нетрудной. По крайней мере хватало воздуха, не было головокружения. Однако лазать по крутым склонам само по себе было делом нелегким.

Отара шла сплошной массой вверх по ручью недолго. Я насчитал лишь две тысячи своих шагов. Потом Тойчо, поднявшись выше овец, закричал: «Кой, кой! Та! Та!» Начал свистеть, и тотчас отара, сбавляя ход, стала растекаться по склону на выпас.

Всюду по снегу были натоптаны тропинки, по которым семенили вереницы овец. Они бодро разбивали снег, добирались до травы, кормились. Однако те, что двигались впереди, были непоседливы, и вскоре вся масса вновь устремлялась за ними.

Зубья скал частоколом окружали наше урочище. От скал по ложбинкам спускались каменистые, обдутые ветром осыпи. Ниже они переходили в снежные поля, по которым тут и там прочертили дорожки скатившиеся сверху камни. В нескольких местах, там, где зубья скал почему-то были выбиты, начинались долины ручьев, быстро углублявшихся в лабиринт мелких хребтов, сбегавших к поляне, где кошары.

Сверху было хорошо видно, как поднимаются по ручьям отары. В нашем урочище их жило четыре: две на поляне, еще две по боковым долинам. Поднимаясь, мы сверялись с тем, как двигаются наши товарищи.

К двенадцати мы выбрались к подножиям осыпей. Прямо над нами, уже совсем близко, возвышалась красная пила скал. Над ними — только небо. Овцы тут же рассеялись, прекратили движение, жадно кормились. Чуть позже или раньше на такую же высоту поднялись и наши соседи.

Удивительное чувство испытывают чабаны, глядя на мир с высоты, взмахами рук приветствуя товарищей, таких же, как и мы, поднебесных работников. Тойчо взял у меня бинокль, поочередно взглянул на друзей. Ближе всех к нам пасли Харбек и Бере, за Карасу ходила отара Джалала, дальше всех братья Мойдуновы.

Пока овцы разошлись по плоскотинам, мы с Тойчо развели костерок, вскипятили чай, перекусили. То же самое делали и соседи. И у них поднялись к небу белые дымки. Было совсем тихо. Слабое зимнее солнце почти не согревало горы, воздух не колебался над ними теплым маревом, и величественная панорама вокруг была неподвижна. Мирные костры наших товарищей делали горы обжитыми. Мы были с Тойчо не одиноки.

Тойчо тронул меня за рукав, показал вниз, где двое всадников, не торопясь, шагом ехали над ущельем.

— Уку и Бере, неразлучные товарищи, куда-то поехали. — Тойчо внимательно рассматривал их в бинокль. — Взяли с собой сумы, куда могли поехать?

С высоты мы долго провожали всадников взглядом. Тойчо все не мог успокоиться, размышлял, куда бы мог поехать старший брат.

Вечером, подходя вслед за отарой к дому, я мысленно перебирал, что успел за день сделать. Измерен проход отары за день, сколько шагов пройдено ею маршем, сколько с выпасом. Сделана первая схема урочища,

на ней нанесен путь отары. Я уже представлял себе, как со временем вся схема покроется сетью пройденных маршрутов. Станет ясен порядок использования отарой пастбищ. Нужно будет измерить глубину снега на склонах, описать растительность. Особую свою задачу я видел в изучении скоплений животных. Еще по Туркмении мне были знакомы «походные колонны» — цепочки марширующих друг за другом животных. Но здесь, в тесноте гор, значение этих колонн неизмеримо возрастало. Овцы рассыпались по склонам лишь ненадолго, вскоре вновь устремлялись друг за другом вперед. И если чабан вовремя не перехватывал их, вся отара начинала маршировать, неизвестно в какие дали. Тойчо в таких случаях говорил: «Кой кеттен» (баран пошел). Бежать по крутым склонам через глубокие ущелья наперехват отаре было нелегко. А крики запрета: «Кой... кой... та... та...» — не всегда останавливали овец.

Я заметил, что Тойчо знал места, где отара могла уйти, заранее отрезал овцам путь. Он старался не допустить, чтобы отара бросила пастьбу, вмешивался, останавливал возникшее «течение». И все же это явление было главной бедой для чабана, а для меня — лакомой проблемой.

Уку встречал нас у кошары, корм был уже рассыпан по корытам, словно старший чабан никуда не отлучался. Делать мне было нечего, и все же я не хотел раньше товарищей уйти в дом. Вместе ходили, одинаково мерзли, неудобно было делать себе поблажку.

— Ага, мясо есть, — обрадовался Тойчо, едва переступив порог. Запах в небольшом домике действительно был очень аппетитен. Нас поджидал Бере, чабан с соседней зимовки. Нас познакомили. Зура начала вытаскивать куски из казана на деревянное корытце, а мы наскоро переобулись, сели в кружок. Тойчо поднес мне, Бере, Уку тазик, слил теплой воды на руки, передал протянутое Зурой полотенце. Потом постелил клеенку. Зура подносила пиалы, баурсаки, лук, а Тойчо быстро все это раскладывал, порезал дольками лук. Начали с бульона. Тойчо налил его в большие пиалы, поднес каждому из нас. Зура и дети устроились отдельным кружком.

После бульона ели мясо, потом пили чай. Пир удался на славу. Как видно, Уку затеял его в честь моего приезда, приветствовал гостя. Между прочим, чабаны, смеясь, спросили меня, понравился ли мне вкус мяса. Не понимая, в чем подвох, я попытался вспомнить, отличался ли вкус от обычной говядины? Оказывается, это было мясо яка. Уку и Бере ездили за ним в бригаду яководов, работавшую на соседней речке.

Мы еще побеседовали о разном. Спрашивал в основном Бере, а Уку прислушивался, присматривался к разговору. Тойчо вел себя как младший,

как мог служил нам и на первый план не лез. Казалось, что Уку присматривается ко мне, пытается понять, хорошо ли, что ему достался такой необычный и к тому же долгий гость. Как видно, реакция Бере — близкого друга — была для Уку важна.

Потянулись однообразные рабочие дни. Выход в восемь, до двенадцати подъем, потом чаевка, пастьба, в четыре начало спуска и в шесть у кошары. Таким был наш ежедневный распорядок.

Овцы ожидали момента, когда их выпустят из загона, в волнении, часто блеяли. Проголодавшись за ночь, они, понятное дело, ждали начала пастьбы. Однако, оказавшись на воле, отнюдь не бежали сами вперед. Наоборот, бестолково жались в кучу, шарахались всей массой то в одну, то в другую сторону. Ежедневно Тойчо начинал с того, что, войдя в глубь отары, выгонял, угрожая таяком, наружу коз, их направлял вперед, а уже сзади тянулась остальная отара. Довольно скоро я узнал, что не все козы способны слушаться человека, бежать куда гонят. Вроде бы нехитрый навык — двигаться от опасности, и тот требовал определенного опыта, а правильнее сказать, разума. Добиться этого от большинства овец и коз не удавалось, они испуганно блеяли, старались прорваться обратно к отаре, забиться в глубь ее. Вожаками служили два козла — серко, очень приметные и размером рогов, и окраской. Чабаны специально вырастили их, учили. Тойчо смеялся, что серко умнее человека: три «языка» знает — понимает и людей, и коз, и овец.

За несколько минут до выхода на пастбище в отаре начинались драки. Меня очень интересовала их причина. Предполагал, что овцы возбуждены, сердятся, что их не выпускают, хотят есть и вымещают злость на собратьях. Позже я придумал другое объяснение.

Утренняя неразбериха в отаре быстро кончалась, когда она вытягивалась длинной колонной, уходившей уже знакомой мне тропой в горы. Тойчо затягивал заунывное: «Э-гей-э-гей-э-гей», подбадривавшее и одновременно успокаивающее овец. Желая поторопить овец, отошедших в сторону, чтобы схватить попутно несколько клочков травы, Тойчо покрикивал более оживленно: «Хоть, хоть, ать, ать!»

В полукилометре от поляны ручей раздваивался. Мы чередовали подъемы по правому и левому отвершку. В некоторые дни пасли и на самой поляне, так что наша отара имела более или менее правильную смену трех участков.

На перепутье отара растекалась двумя потоками, и Тойчо спешил один из них «тормознуть»: карабкался овцам наперерез, звонко кричал: «Та! Та!» Вскоре он менял тактику, начинал свистеть, кричать «Кру-кру-кру!»,

словно подражая ворону. Делал так, чтобы заставить овец поднять голову, осмотреться, увидеть, в какую сторону направляется большинство овец.

От развилки ручья склоны ущелий становились не так круты, по ним уже можно было ходить. Овцы начинали пастись, разбредались в стороны. Даже и вдвоем с Тойчо мы едва успевали приостанавливать те группы, что «ударилась не в ту степь». Было бы мало толку, если бы овцы поднимались наверх в походных колоннах. Нужно было, чтобы они больше кормились и меньше бегали с места на место. Впоследствии, уже обрабатывая материалы по овцам и архарам, я подсчитал, что овцам приходится ежедневно проходить по семь — одиннадцать километров, тогда как суточный переход архаров колеблется в пределах двух — шести километров. Было бы лучше, если бы наши овцы могли оставаться ночевать в горах. Там еще встречались сложенные из камней загоны, в которых когда-то держали чабаны своих овец. Теперь же мы ежедневно угоняли своих овец вниз — ради подкормки, ради собственного комфорта. Бродя по снежным горам, пробыв целый день на пронизывающем ветру, мы так мечтали о нашем маленьком домике, где заботливая Зура уже напекла лепешки, приготовила еды, где можно обсушиться, расслабиться, полежать на ковре, глядя в потолок.

Достигнув наконец плато, вспотев и выдохшись, я с радостью принимался собирать хворост. Хотелось отдохнуть и поесть, и просто посидеть с беседой у костра. Наступали самые счастливые часы дня, когда и работа была нетрудной, и находилось время просто посидеть, посмотреть на необъятный мир кругом, подумать.

Хворост в этих горах был своеобразен — приходилось собирать отмершие ветви колючих кустарников, солянок. Они неважно горели, давали едкий то белый, то синеватый дым, пахнувший лекарствами. И все же костер приносил какую-то малую толику уюта, и лишаться его не хотелось.

Хорошо, когда днем светило солнце, пусть по-зимнему холодное и все же ощутимое. Обратив к нему лица, мы сидели с Тойчо у костра, пока продолжался отдых отары, беседовали о разном. В первые дни я пытался овладеть минимумом киргизских слов. Мой товарищ неплохо говорил по-русски, научился, когда служил в армии. Но мне хотелось хоть немного знать и его язык. Тойчо называл мне слова, объяснял их значение, а я записывал. Учил и короткие выражения.

Когда надоело учиться всерьез, я попросил:

— Ты научи меня, что девушке сказать, когда поеду в Даравтурган, пойду в клуб.

Сохраняя серьезность, Тойчо диктовал мне:

— Мени съёсюмбе алгоп качам Москвага.

— Что это значит? — спрашивал я, окончив записывать.

— Меня любишь, бежим в Москву, — очень довольный своей шуткой, переводил Тойчо.

Уку предложил мне съездить к братьям Кийку и Ма-насу Мойдуновым.

Я охотно согласился прогуляться к братьям, немало наслышавшись пересудов об их переезде в горы. Братья Киик и Манас — это было новое поколение чабанов. Оба окончили среднюю школу, но, несмотря на «образованность», пошли после службы в армии в чабаны. К тому же Киик не без хвастовства грозился обогнать самого Уку, давно ходившего в передовиках, привыкшего к этому. Братья приняли осенью отару молодых овец, готовились к первой чабанской весне.

К братьям Мойдуновым я поехал на недавно обученном жеребце, рассчитывал, что дальняя поездка поможет поскорее объездить его. Весь курс обучения его занял у нас четверо суток.

Четырехлетнего жеребца, до сих пор ходившего по поляне вольно, Уку поймал арканом. Боясь, что неук порвет аркан, набросили на шею и веревочную петлю. Потом почти волоком, привязав за хвост лошади, подтянули к глиняному дувалу и уже из-за глиняной стенки, не боясь, что ударит, надели уздечку. Потом жеребец шестнадцать часов простоял на привязи. Сначала рвался и так, и этак, потом успокоился. В это время его не кормили и не поили. Наутро жеребца оседлали, привязали на короткой веревке за хвост другой лошади и два часа таскали по поляне.

Я наблюдал все это и активно помогал чабанам. Однако, когда мне предложили сесть на неука, заколебался. Показалось, что товарищи испытывают мою храбрость.

— Садись, не бойся, — говорили они. — Ты тяжелый, в одежде, наверное, сто килограммов вешишь. Он быстрее устанет, быстрее научится.

Жеребца удерживали «мертво», когда я вставил ногу в стремя, одним махом сел в седло. Тотчас ведущий послал вперед своего коня, и еще ничего не сообразивший ученик был вынужден тащиться за ним следом. По совету товарищей я шпорил жеребца, едва он начинал вихляться из стороны в сторону. Когда я устал, мы подъехали к дому, и в седло сел Джалаль, тоже мужчина крупный. Следующим ездил Бере. Всего набралось часа четыре гонки, так что непривычный к нагрузке жеребец уже едва держался на ногах.

Следующим утром мы отправились в гости. Свободных коней, кроме

только что обученного, не было, но Уку уверял меня, что на горных тропинках новичок не подведет. Поверив старшему, я все же сидел в седле в напряжении, надеясь, если конь заупрямится, успеть соскочить. Не знаю, успел бы? Езда по заснеженным горным тропам показалась мне почти цирковым занятием. Подъемы, в общем-то, были неопасны, даже если мой жеребец скользил и едва не по-собачьи карабкался по льду вверх. Конечно, он еще не был подкован и проигрывал в сравнении с лошадьми Уку, Бере и Джалала. Однако особые ощущения я испытывал, когда подъем сменялся спуском. Кони съезжали по обледеневшим камням, по снежникам, словно мальчишки с горки. Поджимали, насколько могли, зад и, собрав все четыре ноги вместе, скользили. Казалось, что сижу высоко-высоко и спрыгнуть некуда, тропа лишь под ногами коня, дальше — круто уходящий вниз склон. Я невольно клонился в другую сторону, и Уку, заметив это, крикнул через плечо:

— Сиди прямо, не мешай коню.

Мой жеребчик вел себя так осторожно, так заботливо выискивал на скользкой тропе неровности, где можно зацепиться, что я, наверное, не смог бы пройти аккуратнее. А уж послушнее его не было, и не поверишь, что всего день назад он впервые узнал седло.

Киик поджидал, пока мы подъедем. Понимающе кивнул, когда ему крикнули, что я на мало объезженном коне, и ловко перехватил у меня поводья, успокоил жеребчика, придержал, когда я спрыгнул.

С интересом я осматривался на незнакомой зимовке. Все здесь было беднее: кошара — невелика, крыта соломой, загон для овец из камней и корявых жердей, жилище — полуземлянка. Войдя внутрь и немного привыкнув к полумраку, я увидел довольно чистое, хотя и глиняное помещение, на земляном полу расстелены овечьи шкуры, у стены валик сложенных ковров, кошм и ватных, в ярких шелковых чехлах, одеял.

В землянке две женщины. Одна из них, судя по тому как прикрывала лицо, стягивая у рта зеленый платок, была молодая хозяйка. Киик недавно женился. Чувствуя, как она стесняется, мы не надоедали ей вниманием, за чаем говорили о своем. Киик тут же расстелил клеенку, принял от жены чайники, пиалы, сладости, все это расставил, угощал. Я уже привык, что за едой хозяйничает младший из мужчин, но на этот раз Манас сидел среди нас, а всю заботу взял на себя старший брат. Что ж, в гости приехали хозяева соседних зимовок да еще и московский гость, так что случай был особенный.

Между тем в углу, в казане, укрепленном над костром, варился барашек. Меня заинтересовало устройство очага. Угол землянки был

сделан полусводом, переходившим в глиняную трубу, так что дым над костром не растекался по комнате, улетал в трубу. Уку пояснил мне, что раньше так было во всех домах.

Я заметил, как независимо и чуть насмешливо держал себя Киик. Он незлобливо, но уверенно отвечал на шутки гостей.

Рядом со мной сидели братья Саидовы и братья Мойдуновы. Мойдуновы, несмотря на молодость, вели себя смелее, свободнее. И глаза у них смотрели на мир спокойнее, добродушнее. Они родились и выросли в послевоенное время, достаток и уверенность в завтрашнем дне были для них обычными. Но мне как-то ближе были Саидовы — дети военного времени.

Даже различия во внешности можно было бы посчитать признаками времени: Саидовы невысокие, сухощавые, с костистыми лицами, ранние морщины пересекли щеки, в серых глазах светилась решимость. Мойдуновы — лоснящиеся; склонны рано полнеть, большие карие глаза смотрели на мир безмятежно.

Уку как-то рассказывал мне, как началась его трудовая жизнь. Шла война, отец погиб на фронте, а мать вынуждена была пасти отару. Она уходила в горы, оставив Уку заботиться о братишках. Когда совсем было невмоготу терпеть голод, Уку давал им попить соленой воды. Это немного помогало. В 1944 году четырнадцатилетним мальчишкой Уку начал пасти, сменил мать. В пятьдесят втором женился, потом помог жениться братьям.

Директор совхоза в шутку рекомендовал мне Уку как «миллионера». Он и впрямь был богат по меркам здешнего неласкового края. Имел трех лошадей, свой дом, мотоцикл.

Правда, сам он почти безвылазно жил на зимовке и, как мне кажется, ни о чем не думал, кроме благополучия совхозной отары. Она была его кормилица, надежда и гордость.

Наверное, Уку не без ревности воспринимал хвастовство Кийка. Слишком быстро тот хотел и прославиться, и разбогатеть. А преимущества у него были лишь в молодости и грамотности. И все же чабаны желали соседу удачи. Появление таких соперников как-то оживило их быт. То в передовиках был один Уку, с ним и равняться никто не собирался, и вдруг появился Киик. Всем было интересно, как сложится у него работа.

Не знаю, с вечера ли или еще раньше Уку и Киик составили против меня заговор. Я не догадывался о его существовании, пока не проболтался Манас.

Как обычно, неторопливо, обдумывая каждое слово, Уку предложил мне пожить у Мойдуновых. Он даже не поспешил на доводы: интересно

сравнить, как живут две отары, я смогу помочь Мойдуновым советом («ведь ты изучал овец в разных местах»). Кийк стоял тут же и напористо, с шутками и обещаниями поддерживал.

Меня разбудили шаги: два громких, с хрустом, по каменистому полу, два приглушенных — по кошме. Что-то задумчивое было в этих шагах. Я открыл глаза. Кийк ходил по землянке взад-вперед, ожидая, пока у Миры будет готов завтрак. Пора было и мне вылезать из спального мешка.

За чаем я спросил о причине озабоченности Кийка.

— Еще два барана умерли, — отвечал он.

К тому времени в отаре погиб уже десяток овец. Они лежали поодаль от землянки, привлекая воронов. Чабаны ждали приезда зоотехника, без подписи которого не приняли бы в совхозе акт на списание.

Несмотря на молодой азарт и гонор, дела у Мойдуновых в первый год работы складывались неважно. Зимовка была трудной, отара молода, что всегда затрудняет работу чабанов. Молодые овцы труднее сохраняют упитанность, плохо слушаются. Да и предстоящее ягнение вызывало у чабанов тревогу. Впрочем, у всех животных первые беременность и роды нередко проходят с осложнениями.

Днем, когда кормили отару в горах, мы с Манасом нашли еще одну погибшую овцу. Она неудачно упала так, что ноги попали на камень. Она так и умерла, лежа на боку, с приподнятыми на камень ногами, не имея сил подняться. Тащить ее вниз не было смысла. Я обещал Манасу замолвить перед зоотехником словечко и предложил вскрыть погибшее животное. Хотелось узнать его состояние, посчитать число эмбрионов. Манас не возражал, как и другие чабаны, он считал меня по специальности ветврачом. Каково же было мое изумление, когда у овцы оказались три эмбриона! Навряд ли истощенная мать смогла бы их доносить и тем более выкормить.

Во время чаевки мы заговорили о многоплодии овец. Насколько я знал биологию курдючных овец — это был редкий случай. Выведенные для жизни в горах и пустынях, курдючные овцы во всем были приспособлены к выживанию в самых суровых условиях, в том числе и рождением одного ягненка. Выкормить двух, тем более трех, было бы для матери непростой задачей. Это доказывали и специальные работы по сравнению плодовитости тонкорунных и курдючных овец.

Манас, поколебавшись, спросил, не говорил ли я со старшим братом о гибели овец. Ведь братья не зря пригласили меня пожить у них, рассчитывали на совет. Удивительную историю поведал мне Манас.

В ноябре один из зоотехников совхоза познакомил Кийка с чужим

человеком. Тот привез в термосе препарат, который делал овец многоплодными. Что чужой человек не обманет, зоотехник подтверждал, и молодые ребята решили рискнуть.

Мне уже приходилось слышать о доморощенных лабораториях по изготовлению сыворотки крови жеребых кобыл. Такой препарат фабричного изготовления в семидесятые годы широко применялся в каракулеводстве, однако со все возрастающей осторожностью. Его рекомендовали вводить лишь взрослым, хорошо упитанным овцам, да и то в трудный год это мероприятие было связано с немалым риском. Вместо двух-трех ягнят можно было не получить ни одного да и мать потерять.

Мойдуновы рискнули испытать только несколько десятков овец. Ребята грамотные, они высчитывали, что получают штук двадцать — тридцать лишних ягнят, и этого вполне достаточно, чтобы утереть нос таким передовикам, как Уку. Получилось же совсем не так, как думалось. И пасти молодых овец было трудно, и подкормку для отары старые чабаны получали в совхозе легче, чем новички.

Что было посоветовать моим хозяевам? Лучше пасти, ослабевших овец оставлять дома, добиваться в дирекции больше дробленого зерна и сена.

На другой день мы пришли в отару на полчаса раньше обычного. Овцы в большинстве лежали и были слегка напуганы неурочной суетой. Манас по указаниям Кийка ловил овец за заднюю ногу. Я быстро подбегал, красил им лоб: тем, что любили ходить впереди, — красной краской, пасшимся в гуще отары — зеленой, отстающим — желтой. Вышли в горы мы вовремя.

Теперь я вел сложную запись. Рисовал отару, отмечал, где какого цвета овцы, что делают, много ли вокруг соседей.

Однако мои рисунки отражали то, что я и без того видел на пастбище. Вот «красные» овцы вышли вперед, принялись кормиться. Вслед за ними потянулись «зеленые». Вскоре и «желтые» заметили, что отара уходит, стали поднимать головы, блеять: видно, жалко было бросить место, где прикормились, и остаться неудобно. «Как же, все куда-то отправились, а мы отстаем, вдруг там слаще трава, а может быть, дают подкормку».

Манас терпимо относился к моим экспериментам, но начинал беспокоиться, когда вся отара, выстроившись походными колоннами, уходила вперед. Впрочем, обычно я сам останавливал «красных», и они, развернувшись и не принимаясь за пастьбу, проходили сквозь всю отару туда, где недавно находились лишь «желтолобые». На несколько минут они смешивались, паслись рядом. Потом прибывали ряды «зеленых», снова делалось тесно, и все начиналось сызнава.

Мне хотелось понять, что не дает отаре спокойно пастись, какая забота гоняет «красных» овец взад-вперед. Я верил, что так ведут себя они неспроста, чем-то не нравится им жизнь, на которую их обрекало пребывание в отаре.

Если ходишь за одной овцой, быстро замечаешь ее подруг, соседей, случайно или по сходству привычек и вкусов пасущихся рядом. В спокойной обстановке трудно определить, замечают ли животные присутствие друг друга. Однако мое блуждание поблизости заставляло овец поднять голову, поинтересоваться, почему мне не сидится на месте. И этот интерес тотчас передавался другим. Я даже составил табличку измерений дистанций, с которых меня пугались одиночные животные и те, что паслись группой.

Взаимосвязаны были переходы соседних овец. Удавалось подметить компании по три — пять овечек. В каждой была ведущая, не любившая, чтобы кто-нибудь маячил впереди нее, и тотчас же бросавшая пастьбу, уходившая вперед, когда ее пытались обогнать. Ее подругам, наоборот, было не по себе, если они не видели впереди себя лидера, они торопились нагнать его; между прочим, предпочитали догонять след в след, что хорошо было видно на снегу.

Вся эта компания любила простор, и когда подваливали «зеленые», составлявшие две трети отары, окружали «красную» компанию со всех сторон, те уж никак не хотели с этим мириться. Красные овцы становились нашим наказанием, если приходилось пастись в тесном месте, где отаре негде было разойтись.

Мне казалось, что главная беда в желании овец подражать. «На все вкусы не напасешься, — рассуждал я. — Овцы-бродяги, которые сохранили от предков любовь к свободному пастбищу, к тому, чтобы вокруг не мельтешили собратья, постепенно исчезнут. С каждым годом человек будет сохранять тех, кто послушнее, тупее, равнодушнее к тесноте. Зачем чабанам вольнолюбивая овечка, если она не дает покоя ни себе, ни соседям, водит отару по горам, доставляя столько хлопот пастуху?»

Страсть овец к подражанию невольно удивляла. Большинство их мало доверяло своему опыту и предпочитало полагаться на мнение большинства. Ради опыта я пробовал рассыпать подкормку сзади отары. Казалось, для «желтых», обычно составлявших арьергард, выпала редкая удача. Рядом лежит корм, и никто еще об этом не знает, даже бодливые и пронырливые козы, которые уж никогда бы не позволили овцам спокойно полакомиться. Но нет, «желтолобые» овцы беспокойно принюхиваются, но подойти не решаются, даже отодвигаются подальше от соблазна. Иное дело, когда я

рассыпал подкормку перед «красными» овцами. Здесь уж никто не зевал. Вслед за ведущими и «желтолобые» старались ухватить клочок.

Я старался прервать движение отары в самом начале, когда еще только зарождался поток овец, только начиналась гонка преследования и красные еще только ускоряли темп переходов, но еще не бросили пастьбы, не тронулись вперед. Я бдительно сторожил этот момент, спешил повернуть авангард вспять. Проходило двадцать или более минут, пока передовые овцы, пройдя сквозь отару, выходили на свободное место, пока вновь разворачивалась за ними вся отара. Мало того, мне иногда удавалось толкнуть овец с фланга, закрутить отару так, что она теряла всякий порядок. Случалось, на целый час у нас воцарялся беспорядок. Овцы чувствовали его, чаще блеяли, скликая подружек, паслись урывками, были более пугливы, однако движения в каком-нибудь одном направлении не возникало.

Рекомендовать такой прием как способ борьбы с уходами отары я все же не мог. Ведь нарушалось самое главное — пастьба овец. Им лучше жилось, когда отара сохраняла свой естественный строй.

Мне уже приходилось убеждаться, как чутко следят овцы за тем, чтобы не остаться в одиночестве, как не забывают ни на миг, где отара, где соседи. Пытаясь лучше узнать, как они ориентируются, я с помощью пастухов завязывал овцам глаза. Мы надели овцам платочки, словно богомольным старушкам, и этим сильно озадачили их товарок. Тотчас к подопытным животным стали собираться овцы, не только заинтересованные, но и испуганные и нарядом, и поведением «ослепленных овец». А те, помотав головой, сначала бестолково шли, куда несли ноги, но, отойдя от отары, тотчас чувствовали это — может быть, по шуму или по запаху, — возвращались обратно. Через полчаса они привыкали к такой «слепой» жизни, держались все время с подветренной стороны от отары, явно ориентируясь по запаху.

Чабаны рассказывали мне, что весной, когда сияние солнца тысячекратно умножается снегами, случается, овцы слепнут. Однако они подолгу выживают в отаре, находя ее по запаху, отыскивая обонянием и на ощупь корм.

Манас и Киик, конечно, заметили мои старания помешать возникновению в отаре токов. Они с большим интересом наблюдали, удаются ли мои попытки. Однако их тревожило, что овцы стали меньше есть, больше ходят с места на место, беспокоятся. В конечном итоге мы приводили отару в горы не для того, чтобы управлять ею или проводить эксперименты. Овцы должны были пастись.

Однажды во время отдыха мы, как обычно, развели костер, занялись чаевкой, но я то и дело прерывал отдых, все старался помешать передовым овцам уйти в сторону, увести за собой отару.

— Пускай идут, — вступился за отару Манас. — Здесь широкое место, пусть живут, как хотят.

Я не огорчился. Напротив, мне годился любой поворот событий. Возможность распустить отару давала еще одну возможность для наблюдений и выводов. Когда в очередной раз среди овец началось движение, обгоняя друг друга, они уходили все дальше к зубчатой пиле скал, я не вмешивался, хотя и был настороже, держал наготове записную книжку. Все большее число овец выстраивалось вереницами.

Отара шла вперед и в то же время расходилась в стороны. Вскоре она приобрела форму дуги. Выйдя вперед или на край отары, овцы начинали было пастись, но масса других овец, еще оставшихся сзади, теснила их. Группки овец — по две-три вместе — быстро расползались по пологим склонам, пока каждой из них не досталось свободное местечко. Отара разошлась вширь на километр. Вслед за передней дугой метрах в пятидесяти позади возникла вторая, а потом еще и третья. Я наблюдал то же явление, что и в Бадхызе у архаров.

Движение отары прекратилось само собой. Она разошлась очень широко, группы овец спустились в ложбины, затерялись среди скал.

— Знаешь эти места, не потеряем овец? — спросил я Манаса.

— Немного знаю, — отвечал он. — Раньше чабаны подолгу здесь жили, не ходили вниз.

— Что ж теперь?

— Теперь там дом, там подкормка для овец.

— Хорошо это?

— Для меня хорошо, для овец плохо. Впрочем, для овец тоже неплохо, — поправился он. — Чем самим корм собирать, лучше дома есть. Раньше больше скота в этих местах пасли. Теперь другое время. Никто высоко в горах жить не хочет, дома привыкли. И овцы привыкли, в кошару хотят.

Сравнение «раньше» и «теперь» частенько становилось темой наших разговоров. Чабаны уважали «раньше» за то, что люди трудились тогда больше, а ведь это были их отцы и деды. Много из того, что они делали, казалось теперь непосильным, невыполнимым. Вдоль склонов, перебираясь через довольно высокие хребты, тянулись арыки орошения. Раньше в горах сеяли ячмень и, говорят, получали неплохие урожаи. Эти арыки копали многие годы, конечно, вручную. Казалось, такая работа посильна только

богатырям. И чабаны пасли тогда выше, больше жили в горах лучше знали их, бережливей использовали. И причиной тому была тоже нужда, нехватка пастбищ. Ведь лучшие земли принадлежали кулаку. Но теперь, когда ни голод, ни сила не властвовали над людьми, они с сожалением вспоминали о подвигах дедов и хотели сравниться с ними трудом, умением.

Я давно собирался в Дараут-Курган по своим делам. Теперь предстояло еще выхлопотать для отары Кийка и Манаса больше подкормки.

Вместо моего молодого конька Киик дал своего.

— Даже если спишь, он сам довезет. Прямо к моему отцу привезет, скоро чай, барашка кушаешь, большой живот имеешь, — напутствовал меня чабан. Огорчения не портили его веселого, насмешливого нрава.

Действительно, поездка прошла удачно. Конь хорошо знал дорогу, сам выбирал, где пуститься вскачь, где семенить шагом. И дом Мойдуновых в поселке он нашел очень уверенно. Нигде меня не побеспокоил, только приветствовал ржанием других коней, стоявших оседланными почти у каждого дома. Такой здесь был обычай — ста шагов не ходить пешком.

На постой я устроился в гостинице. Приведя себя в порядок, отправился на почту и, подбодренный письмами из родной Москвы, дальше — в контору совхоза, столовую, кино.

Под вечер в гостинице стало шумно, прибыли гости: из Совета Министров Киргизии, обкома и райкома. Все вспоминали трудную, но интересную дорогу. Сначала грозные перевалы, а потом величественная панорама долины, слева от которой возвышался Памир, а справа Алайский хребет, не могли не запомниться, не породить массу мыслей.

Рано или поздно заговорили о судьбах местного овцеводства. Ему повезло, замечательный ученый, направлявший овцеводство Киргизии, Михаил Николаевич Луцкихин — понимал, какими должны быть овцы, способные освоить эти края [10]. Он вывел породу киргизских тонкорунных овец, скрещивая привозных овец с местными и отбирая на племя ягнят высоконогих, легких, прыгучих, не боящихся мороза и ветра, сытых на скудных пастбищах. Но меня подкупало, что Михаил Николаевич ценил и местную киргизскую породу овец, помог ее сохранить и улучшить. Он понимал, что в условиях Алая нужны овцы особые, чемпионы по приспособленности, те, что выжили после сотен лет жесткого отбора. Среди алайских овец особо ценятся белые овцы, их шерсть замечательна для тканья ковров. Ильяс Ботбаев, ученик Луцкихина, посвятил алайским овцам свою работу и жизнь.

Среди разговоров о том, о сем я не забыл попросить подкормку для

овец нашей отары. Рассказ о молодых братьях-чабанах, об их мечте стать лучшими порадовал всех тем, что растет молодая смена пастухов.

Опасное пастбище

Мы выехали из кишлака около десяти часов утра. Овазбек, не торопясь, трусил впереди на черном жеребце, что-то напевал, а умолкнув, поворачивался ко мне и спрашивал: «Ну как? Не устал?» Черные усы словно перечеркивали его лицо, придавая выражение лихости и уверенности в себе. Овазбек возвращался к своему стаду яков. Я еле уговорил его взять меня с собой. Теперь я старался быть ему как можно более легким спутником.

Солнце пригревало все сильнее и сильнее, сгоняя со склонов свежевывавший снег. На крутых подъемах наши кони скользили по узкой тропе, так что я инстинктивно клонился в сторону от обрыва. Часа через три мы добрались до большой поляны, где за большим глиняным дувалом были сложены кипы прессованного сена. Здесь же одиноко стоял верблюд. Однообразная верховая езда уже порядком наскучила мне, и я с радостью принялся помогать Овазбеку выючить верблюда сеном, которое нужно было, чтобы прокормить лошадей высоко в горах. Лишь яки могут довольствоваться редкими пучками травы, пробивающейся между скал.

Снова мы потянулись вверх. Верблюд тихонько постанывал, однако на удивление бодро тянул сено в гору.

Уже довольно высоко, на небольшом уступе, обложенном по краю камнями, мы разгрузили сено и, оставив возле него верблюда, продолжили путь. Груза прибавилось — каждый взял с собой по тюку сена, чтобы покормить лошадей ночью. Прямо по каменной осыпи челноком, вправо-влево, но все время вверх мы забирались выше и выше, а конца подъему не было.

Уже малые отроги остались далеко внизу, и сам большой Алай — хребет, напоминавший зубчатую стену (Чон Алай — большой Алай, кирг.), — встал рядом. Оглядываясь, я видел далеко внизу просторную Алайскую долину с редкими кишлаками у реки. По глубоким ущельям Большого Алая параллельно друг другу к долине спускались ручьи. Сейчас

о них напоминали лишь наледи, голубыми линиями перечеркнувшие заснеженный хаос гор.

Там, где подъем к гребню Алая переходил в крутую стенку, в заснеженном цирке Овазбек натянул палатку. Рядом из камней выходил ручей. Пока я привязывал коней, Овазбек долго рассматривал склон и гребень хребта в бинокль. Наконец он заметил едва заметных отсюда яков. Я тоже стал рассматривать черные и пестрые точки, медленно ползавшие по отвесным с виду стенкам. Ради них я столько пролетел и проехал за последние дни!

— Вчера я оставил стадо правее, — говорит Овазбек. — Старался подальше отогнать от перевала Сары-Бука. Пусть здесь едят. Корм есть.

Прикидывая, сколько еще нужно подниматься до яков, я вдруг вспомнил, как в первый день приезда в совхоз «Чон-Алай» бегал стометровку: «Задохнусь или нет?» Тогда все оказалось в порядке — три тысячи метров высоты ощущались не слишком сильно. Здесь уже было четыре, а мне не хотелось осрамиться перед Овазбеком.

След в след, экономя силы, я тянулся за пастухом, повторяя каждое его движение. Часа через полтора мы выбрались на гребень отрога. Теперь уже некоторые из яков были на одной с нами высоте. На шум сорвавшегося из-под моей ноги крупного камня животные, как по команде, подняли головы. Ближние к нам, недовольно взмахнув хвостами, прыжками присоединились к стаду.

Присев на камень, я осмотрел стадо в бинокль. Яки широко разбрелись по крутому южному склону, некоторые из них поднялись почти к гребню хребта. Там не было заметно ни травинки. Не знаю, чем привлекала их высота.

Переводя взгляд с одного яка на другого, я невольно отметил, насколько они не похожи ни на один из других видов быков. Головы их были малы в сравнении с туловищем, но рога длинные и острые. За короткой шеей круто вздымался загривок. Центр тяжести был сильно смещен вперед, как, впрочем, и у других горных животных. Очень длинная, у большинства черная шерсть покрывала грудь, ноги, живот и хвост, делая яков удивительно мохнатыми и приземистыми. У более старых яков длинный шлейф волос спускался с боков почти до земли, словно на них была надета юбка. Легкость движений, укороченность туловища и головы скрадывали величину животных.

Осматривая стадо, я не заметил ни одного новорожденного.

— Как бы узнать, какая из маток будет скоро телиться? — спросил я у Овазбека. — Для меня очень важно понаблюдать за ячком с первых

минут жизни.

— Наверно, никак не узнаем. Если только следить все время. А ночью нельзя — холодно и темно.

Овазбек полез вверх — собирать яков, поднявшихся на каменные зубцы хребта, а я остался наблюдать, кое-как укрепившись на склоне. Для меня, зоолога, изучающего поведение животных, был интересен буквально каждый шаг, каждое движение яков. Пока что они мало известны науке, хотя животноводы проявляют к ним все больший интерес. Возникают даже специальные совхозы, занимающиеся разведением яков. Ведь в суровых горах Центральной Азии их нельзя заменить ни одним животным. Яки проводят жизнь среди пустынных гор, находят корм на почти голых скалах и дают прекрасное мясо, кожу, шерсть. (Модницы даже делают из шерсти яков шиньоны.) Наблюдая за животными в естественных условиях, высоко в горах, в самый ответственный момент их жизни — появления на свет детенышей, — можно получить очень интересные сведения. Впоследствии они должны обернуться практическими рекомендациями для животноводов.

Бросалось в глаза своеобразие повадок яков, рожденное жизнью в горах. Они почти не боялись криков и свистов Овазбека, но случайный камень, сорвавшийся из-под его ноги, вызывал немедленную реакцию. Видимо, это следствие близкого знакомства с лавинами и камнепадами. Ударяя, яки свечой задирали хвосты и, смешно взбрыкивая, прыжками спускались по каменным осыпям. Пасшиеся внизу часто воспринимали такой спуск как сигнал нападения и встречали беглецов широким лбом и рогами. Столкнувшись с глухим стуком, яки несколько минут бороздили склон широкими округлыми копытами, пытаясь потеснить друг друга. Ни крутизна, ни высота нисколько не смущали их. И вверх, и вниз они двигались одинаково легко, так что трудно было поверить, что в каждом животном по пятьсот килограммов.

Уже поздно вечером мы спустились к палатке и впервые с раннего утра поели и напились зеленого чая. Так для меня началась жизнь топос-чу — яководы, как говорят по-русски. Дважды в день, утром и вечером, мы поднимались к стаду, проверяли, все ли животные на месте, возвращали тех, которые ушли слишком далеко. Я помогал Овазбеку собирать стадо. Это приносило мне куда больше знаний, чем если бы я тихо наблюдал со стороны. Днем мы поочередно спускались к верблюду, поили и кормили его, привозили к палатке тюк сена для лошадей.

Иногда Овазбек уговаривал меня вернуться в деревню.

— Напрасно здесь сидишь, — говорил он. — Скоро приедет Аким,

спустим стадо вниз. Там есть кошара, кибитка, будет много ячат. Тебе легко будет смотреть. А здесь если и родятся, то один-два. Холодно, есть нечего. Поезжай в кишлак.

Мне казалось, что глаза его в этот момент чуть-чуть смеялись, словно он испытывал меня.

— Нет, Овазбек. Мне важнее понаблюдать рождение ячат именно здесь, где яки ведут себя, как их дикие предки. Надо узнать, какое место для отела выбирает ячиха, как она отнесется к ячонку, чему будет прежде всего учить...

— А зачем это тебе?

— Разве у тебя в стаде ячихи никогда не бросают малышей? Если бы знать, от чего зависит материнская любовь, такую беду можно было бы всегда отвести. И еще — важно сравнить отношения матери и детеныша у разных животных — яков, оленей, коз, овец. Чтобы разобраться в сущности материнского инстинкта.

И удача, и беда пришли к нам одновременно, на восьмой день моего пребывания в стаде. Рано утром Овазбек, осматривая, как обычно, в бинокль склоны, заметил ровную цепочку следов.

— Волки, — сказал Овазбек.

Яки спокойно паслись на старом месте. Наверно, волки не успели еще их напугать. Увидеть волков днем нам не удалось, но по следам мы поняли: их два.

Уже под вечер Овазбек замахал мне рукой, призывая подойти поближе. По тропе я пробрался к нему. Неподалеку от Овазбека паслась ячиха. Она часто ложилась: у нее начались предродовые схватки. Насколько можно быстрее я запустил секундомер и начал наблюдение. К несчастью, темнело. Овазбек оставил меня наблюдать, а сам вернулся к стаду. Яков надо было спустить к палатке, где запах жилья и голоса людей отпугивали бы волков.

Через полчаса, когда ячонок появился на свет, было уже темно. Я с трудом различал малыша, слабо блестящего мокрой шерсткой. Ячиха без усталости вылизывала его. Оба молчали, хотя большинство копытных в первые часы после отела ведут между собой шумный «разговор». А яки словно боялись привлечь волков, серыми тенями бродивших где-то вокруг нас.

Первым моим желанием было остаться возле новорожденного на ночь. Но через полчаса усилившийся мороз заставил меня усомниться — досижу ли до утра. К тому же ячиха мало-помалу сводила ячонка вниз, ближе к основному стаду. Отправился домой и я. Овазбек развел возле палатки костер. Он очень хорошо был виден сверху, так что найти дом было

нетрудно. Но спуск дался мне тяжело. На рыхлых осыпях, где ноги по колено уходили в мелкую щебенку, я спускался довольно лихо, усевшись на свою палку, словно ведьма на помело. Но раза два по скальным склонам пришлось сползать на животе, ноги болтались в воздухе, не находя опоры.

Ночь мы спали тревожно. Несколько раз Овазбек стрелял в воздух, кричал, отпугивая волков и ободряя яков.

— Ничего, если волки напугают яков... Стадо само к палатке прибежит, — успокаивал он и меня и себя.

Едва рассвело, мы вылезли посмотреть, где стадо. Но яков нигде не было.

— Неужели волки угнали в Сары-Бука? — вслух думал Овазбек.

По следам мы довольно быстро убедились в этом. Волки, как видно, напали на стадо снизу, отрезая ему путь к палатке. «Моей» ячихи тоже не было видно. Что стало с ячком, мы не знали.

Вернувшись к палатке, наскоро позавтракали и собрались в дорогу. Овазбек взялся нести кинокамеру, так что я смог прихватить с собой рубашку на меху. Подъем на перевал дался нам, в общем-то, легко. За перевалом мы спустились по отрогу к небольшому ручью. Прямо над ним возвышалась высокая гора. Снег на ее склонах почти полностью стаял, и гора сияла на солнце красными скалами и желтыми осыпями, вполне оправдывая свое название (Сары-Бука — желтый бык).

Как видно, сильно напуганные волками, яки собрались вместе, едва мы приблизились. Овазбек пересчитал их. Увы, новорожденного ячка и его матери не было. Яки, успокоившись, разбрелись на выпас.

Овазбек облазил близлежащие ущелья, осмотрел все вокруг в бинокль. Вероятно, он искал останки пропавшей ячихи с малышом, но я не стал его расспрашивать.

Около часа дня Овазбек показал мне ячиху, отошедшую далеко в сторону от стада.

— Наверное, собралась телиться, пойдем к ней.

Мы приближались, насколько могли, осторожно, но все же ячиха пыталась уйти дальше, оглядывалась на нас, недовольно взмахивала хвостом. Потом ей, очевидно, стало не до нас. События разворачивались очень быстро. Стараясь быть проворнее, я то записывал наблюдения, то щелкал секундомером, то брался за кинокамеру. Овазбек молча и с большим вниманием следил за моей работой. Через двенадцать минут новорожденный попробовал подняться на передние ножки, а еще через минуту уже целых двадцать секунд простоял. Пятнадцати минут от роду ячок, словно заведенный, бродил вокруг матери. Еще плохо

слушавшиеся ноги часто относили его на несколько шагов в сторону, и тогда ячонок, забеспокоившись, убыстрял поиск, пока перед ним не оказывалась черная громада матери. Я чувствовал, что он не знает еще образа матери и видит в ней лишь большой движущийся предмет. Им, вероятно, управляла врожденная реакция следования, но проверить это в эксперименте я не решался. Не хотелось нарушать естественного хода событий.

Оказавшись под ячихой, малыш тотчас же задрал голову, а прикосновение длинной шерсти заставило его чмокать губами. Мать неумоимо вылизывала его и словно подталкивала к вымени. На двадцать пятой минуте после рождения ячонок стал сосать.

Между тем Овазбек начал беспокоиться. Ведь дорога к нашей палатке была неблизкой.

— Что будем делать? — спросил Овазбек. — Наверное, давай домой, лошадей проверь, а я подежурю в стаде.

Я наотрез отказался.

— Как же будешь ночевать без палатки? Замерзнешь.

— Ничего, не в первый раз. Рубашка меховая есть — скоротаю ночь.

Овазбек пробовал меня уговорить, но я и думать не мог прервать начатое наблюдение. Тогда чабан неуверенно спросил:

— А не побоишься остаться один ночью? Я к палатке пойду. Нельзя лошадей оставить на ночь одних, да и Аким должен приехать. Завтра погоним стадо вниз, к кошаре.

— Езжай, езжай, — согласился я. — Буду здесь, никуда не денусь.

Овазбек ушел, а я остался возле новорожденного и его матери. Постепенно все стадо приблизилось к нам, и мне снова повезло. Совсем неподалеку начался отел еще у одной ячихи.

Я хотел проверить свои наблюдения: действительно ли ячонок в первые минуты после рождения привлекает любой большой движущийся предмет, существует ли у него врожденный рефлекс следования, рефлекс поднимания головы при затемнении сверху? Едва ячонок научился ходить, я отогнал мать. И что же — малыш следовал за мной, словно просил его вылизать. Правда, когда я наклонялся над ним, он поднимал голову неохотно.

За этим занятием я почти не замечал, как шло время, и ко мне вплотную приблизилась тень горы. Начало быстро темнеть. Срочно выбрав площадку поровнее, я набросал на нее лап арчи. Ночлег был готов, и я после отлично проведенного дня лег. Лишь мысль о погибшей ячихе и ее малыше огорчала меня. Ночь выдалась звездной, показалась и луна. Алай

стоял передо мной, словно старая крепостная стена, сильно разрушенная, но еще высокая и грозная. Жаркий день — пожалуй, первый со дня моего приезда — сильно поубавил на горах снегу, но в ущельях и ложбинах его еще осталось немало. Эти белые полосы, словно незагоревшие морщины, светились на темном лице гор. Почему-то мне вспомнилось лицо Овазбека. Я подумал, что он, наверное, сейчас варит на костерке чай, в палатке тепло и уютно. Поначалу я тоже не слишком мерз и поэтому быстро заснул.

Разбудил меня топот стада, фыркание, стук падающих камней. Я закричал, не столько боясь за яков, сколько за себя: казалось, стадо раздавит меня. Вплотную окруженный почти невидимыми в темноте животными, я выстрелил в воздух. Яки не тронулись с места, но их возбуждение постепенно улеглось. Вероятно, напуганные волками, они долго не решались отходить от меня далеко. Почему-то я вспомнил, как они тянулись ко мне в первый день черными носами, словно знакомясь и запоминая мой запах. И мне было приятно, что яки уже начали признавать меня своим.

Остаток ночи я спал мало. Близкие шаги тяжелых животных немного смущали меня. В это первое мое самостоятельное дежурство я не только охранял, но и побаивался своих подопечных.

Утром, когда пригрело солнце, а яки разошлись на выпас, я снова «поработал» с ячатами. Старший уже не хотел ходить за мной, четко отличая мать. Он уже хорошо знал и ее внешний облик, и голос. Около одиннадцати на перевале показался як, а за ним две фигурки людей. В бинокль я заметил и маленького ячонка.

— Нашли! Нашли! — издали закричал мне Овазбек.

Оказывается, старая ячиха уберегла малыша от волков, отстоявшись на узкой скале, вход на которую волкам преграждали ее рога.

У ручья мы разожгли костер и вдоволь напились чаю. А еще часа через два мы погнали стадо вниз на более безопасное пастбище.

Современная «баранта»

В заснеженной степи легко потеряться. Невысокие, сглаженные холмы, едва заметные на фоне белесого неба кажутся одинаковыми. По их склонам и в долинах пасутся наши лошади — табун широко разошелся по степи. Я переезжаю от одной группы лошадей к другой, все время, чтобы не потеряться, оглядываюсь на маленький мазар, стоящий наверху холма. От него до балка нашей бригады с полкилометра. Возвращаясь из табуна домой, я беру направление на черную точку мазара и только у подножия холма сворачиваю влево, к балку

Я задался целью выяснить состав всех косяков, входящих в табун. Основу каждого косяка составляют рослый жеребец и две-три взрослые кобылы. Эти животные сохраняют привязанность друг к другу по многу лет.

Взаимоотношения животных — это особый, еще мало известный нам мир. Его интересно изучать, и я верю, что работа будет полезной: удастся лучше управлять табуном, помочь лошадям выжить в суровой зимней степи.

Судить о взаимоотношениях лошадей я мог только по их поступкам. Одни лошади кормились совсем рядом, еسته раскапывали лунку в снегу. Другие были сердиты, отталкивали непрошеного соседа, прогоняли, зло вскинув голову, прижав уши, взвизгнув. Взрослые жеребцы атаковали соседей реже, их и так обходили стороной. А кобылы дрались чаще, прогоняли чужаков, Не жалели даже чужих жеребят.

Случалось и так, что одна из только что повздоровивших лошадей вытягивала к обидчику морду. Уши, направленные вперед и чуть в стороны, как бы говорили: «давай подружиться». Такой призыв редко оставался без ответа, но после взаимного обнюхивания под холкой более сильный все же прогонял слабого. Начинал поддавать задом, дергал задней ногой, хоть и не лягал, по предупреждал, что может ударить.

Самые шумные и веселые стычки устраивали трехлетние жеребчики.

Неопытному наблюдателю, вероятно, именно они показались бы самыми злыми драчунами. На самом деле жеребчики лишь играли: то бегали рядом — бок о бок, щека к щеке, то, сплетясь шеями, старались прижать голову противника к земле, то кусали друг друга за ноги.

Пробираясь по перекопанному пастбищу с фотоаппаратом на тяжелой треноге, я старался уловить подходящий момент для съемки. Все время что-то мешало, хорошие кадры давались мне с трудом. Только по тому, как насторожились вдруг лошади — бросили пастьбу, подняли головы, — я заметил чужого человека, верхом на красивом сером коне. Меня не удивило, что он поздоровался по-русски — ни одеждой, ни занятиями я не напоминал табунщика.

— Здравствуй. Ты кто — фотограф?

— Здравствуй. Я работаю здесь.

— Что делаешь?

— Я изучаю лошадей.

— А, практикант. Я слышал о тебе. Токай дома?

— Уехал в поселок.

Незнакомый мне человек был одет в серый лыжный костюм, на голове лисий малахай, за седлом приторочена волчья шуба, видно, он был издалека. Незнакомец не назвал себя, а я не спрашивал. У него было очень темное лицо — широкое, тяжелое, с яркими коричневыми глазами. Конь приезжего был настоящий джабе: с большой головой, приземистый и длинный, на коротковатых костистых ногах, с мохнатыми щетками, с густой гривой и длинным хвостом. Несмотря на ширину и округлость тела, конь был «сух», ни грамма жира, только мощные тягучие мышцы проглядывали у него под серой, пушистой шкуркой. Такие степные кони в дальних пробегах бегут быстрее любых «арабов» и «англичан».

— Хороший у тебя конь.

— Лучше его нет.

Не прощаясь, незнакомец уехал, а я продолжал работать.

Часа в три после полудня, когда я приехал к балку обедать, усилилась поземка. Солнце, в эту пору как раз светившее со стороны древнего мазара, едва пробиваюсь сквозь снежную пелену.

Немного отпустив подпруги и вынув удила, я подвязал своему серому на морду брезентовое ведро с овсом. Я почти не ездил на нем сегодня, он совсем не вспотел. Я хотел его подкормить на случай, если бы ночь выдалась тяжелой. Амаргази и Тулибек уже поели. Но котел с вареным мясом стоял на всегда топившейся железной печке и не остыл. Пока я пил жирную юшку и ел конину, прибавляя к каждому куску мяса кусочек жира,

Амаргази выгреб из печки шлак и наложил новую порцию угля. Печка открывалась к двери, а мы сидели на нарах в глубине балка, так что Амаргази не боялся напылить. Потом он занялся мытьем посуды. Он не любил сидеть без дела. Тулибек, чтобы как-то убить время, подсел ко мне и тоже взялся за мясо. Мы оба не могли съесть много конского жира. Токай часто смеялся над нами и говорил, что надо есть больше жира, тогда не замерзнешь.

Тулибек не был настоящим табунщиком. Его прислали в бригаду, потому что табунщиков не хватало, а шофера имелись в избытке. Он был добрым и веселым человеком, немного трусоватым и слабым для такой работы, но хотя бы не пытавшимся скрыть это.

Обычно на ночное дежурство табунщики отправлялись, когда начинало смеркаться. Объехав табун вокруг, собрав лошадей покучнее, они устраивались на отдых: Амаргази и Тулибек на снегу, завернувшись в бараньи тулупы, а Токай умел спать в седле. В этот день Амаргази и Тулибек выехали пораньше, чтобы засветло собрать табун.

Наскоро перезарядив пленку в кассетах, я поднялся к мазару. Погода портилась. Внизу по степи катила снежные волны поземка, а на холме еще было тихо. Мне хотелось снять, как начинается в степи буран: в просветах между снежными клубами еще проглядывал балок, озеро с темным кольцом камышей, пасущиеся по холмам лошади.

Через два часа Тулибек вернулся к вагончику. Уже темнело. Он был встревожен и сильно замерз.

— Табуна нет. Буран, ничего не видно, куда лошади пошли. Холодно очень, как ночь будем дежурить, не знаю.

Я понимал, что он хочет, чтобы я помог, но не говорит об этом прямо. Мне было немного страшно уезжать в буран из дома. Все же я надел свою меховую одежду, поправил на Сером седло, подпруги и уехал к табуну. Тулибек вдогонку крикнул, чтобы я не давал лошадям двигаться на ветер, пока он оденется потеплее и тоже приедет. Мне показалось, что он слишком долго возится с одеждой, но я ответил ему, что сделаю, как он говорит.

Серый сам принес меня туда, где днем пасся табун. Несомненно, это было то самое место. Мой конь шагал по перекопанному снегу. Но сколько я ни оглядывался вокруг, лошадей не было. Снег залеплял очки, пришлось их снять. Я снова дал волю Серому. Кони легче человека находят табун. Серый часто спотыкался, пока мы двигались по перекопанному пастбищу, потом выбрался на торную тропу. Я спешил и ощупал тропу руками. Здесь прошло много лошадей.

Мы двинулись за ними. Серый шел размашистой рысью. Я старался не забыть свой путь от балка. Неожиданно Серый покатился вниз. Здесь был небольшой обрыв в овраг, наверное, и другие лошади здесь падали с ходу вниз. Снег под обрывом был очень рыхлый. Серый спокойно ждал, пока я подойду. Я никогда не бил его по морде, и он не боялся подпускать спереди. На рыхлом снегу было трудно подняться в седло, мешала пухлая одежда. Кое-как я вполз на шею коню, а уже потом перебрался на седло. Еще минут двадцать Серый нес меня вслед за табуном и бураном. Потом впереди зачернели лошади.

Я пробился в голову табуна. Его вела старая гнедая кобыла. Я знал ее и раньше. Она была из косяка самого крупного в нашем табуне жеребца — гнедого, с огромным шрамом на боку. Он редко дрался с другими жеребцами, ему уступали дорогу без боя. «Плохо, если кусает. Сильно других лошадей калечит», — сказал мне как-то про этого жеребца Токай.

Я остановил кобылу, и скоро весь табун сгрудился передо мной. Лошади, подгоняемые ветром сзади, обходили табун сторонами, стремясь оказаться в затишье за ним. Огромная масса животных словно сползала на меня, заставляя понемногу отступать. Так я держал табун, наверное, с час, когда прискакал Тулибек. Он успел сделать круг, подобрал несколько отбившихся косяков пригнал их впереди себя.

Неподалеку от нашего балка вокруг большого озера рос камыш. Нужно было перегнать туда табун, чтобы он оставался в зарослях. Здесь на открытом месте удержать лошадей нам было бы нелегко. Лошади не хотели идти навстречу ветру, тут же поворачивали вспять, Прятались внутрь табуна. «Подъехал Амаргази, и мы погнали табун уже втроем. Временами удавалось продвинуть клубок фыркающих лошадей вперед, но потом они прорывались мимо нас назад — сначала одна, потом другая часть, и, наконец, перед нами оставалось так мало лошадей, что становилось бессмысленно их подгонять. Вновь мы заезжали навстречу табуну, кричали, били лошадей нагайками, теснили конями.

Казалось, что мы действуем неразумно. Когда Тулибек и Амаргази выбились из сил, я попробовал использовать свой опыт. Гнал вперед небольшую часть лошадей, а уже сзади меня товарищи подгоняли остальных, важно было, чтобы среди невольных вожаков оказались взрослые лошади. Их можно было бы заставить идти вперед.

Долго это не удавалось. Потом в числе передовых оказался гнедой жеребец со шрамом. Он-то и повел табун навстречу ветру. Впрочем, недолго. С ним рядом не оказалось его кобылы, и он вернулся к ней, прорвавшись мимо меня. Пришлось гнать вперед весь косяк этого жеребца.

Теперь жеребец и его кобыла вели напеременку. За ними тянулся их косяк, потом, размахивая плетей, я, а там и остальные лошади. Вскоре Амаргази сменил меня. Теперь мы с Тулибеком подгоняли сзади. Это была долгая и трудная работа, хотя позади табуна ветер не так сильно бил в лицо.

В камышах лошади быстро успокоились. Временами под их тяжестью с треском оседал лед. Тогда табун вздрагивал, шарахался в сторону, но вскоре вновь затихал. Лошади стояли, поджав хвосты, задом к ветру, некоторые жевали сухие, шелестящие на ветру листья камыша. Не было смысла торчать на ветру всем троим. Я вызвался подежурить еще часа три, чтобы уж потом отоспаться вволю. Амаргази и Тулибек уехали очень грустные — по их словам, доставало очень многих лошадей.

Я не мог слезть с коня — поверх снега выступила вода. Ждать в седле тоже было не сладко. Снег таял на одежде, вода струйками стекала мне на брюки. По-душка из поролон, которую я по совету Токая клал на седло, намочила. Ощущения были такие, словно я сидел в луже.

В три часа ночи меня сменил Тулибек. Он полушутя, полусерьезно клял долю табунщика, вспоминал шоферское прошлое, Токаеву молодую жену, заставившую бригадира в такой буран уехать домой, в общем, все, что только можно было помянуть недобрым словом. Между тем напор ветра уже стихал, а может быть, мы привыкли к нему. У балка я расседлал Серого, накрыл попоной, потом еще часа два лежал на нарах, не раздеваясь, дожидаясь, пока можно будет его кормить. Уже под утро, подвязав коню на морду брезентовое ведро с овсом, я смог завалиться спать по-настоящему.

Как часто бывает после бурана, следующий день выдался удивительно ясный, солнечный. Снег замел мусор, следы, степь словно обновилась.

Мы все спозаранку поднялись, варили еду, откапывали из-под снега уголь, овес, одежду, посуду — все, что хранили снаружи. На душе у нас было невесело — пропало много лошадей. Ждали Токая.

Он приехал часа в три дня. За едой разговорчивый Тулибек в деталях пересказывал Токаю события. Амаргази молчал, видно, чувствовал свою особую вину. Тем временем приехал Жылкыбай, выехавший из поселка позже. Мы сидели на нарах в жарко натопленном балке вокруг таза с мясом. Тулибек без умолку что-то говорил, остальные молча ели. Лишь Токай время от времени подкладывал мне кусочки жира и повторял свои излюбленные шутки.

— Почему жир не ешь? Никогда не замерзнешь, если будешь есть.

О том, как ушел табун, Токай больше, чем рассказал Тулибек, не расспрашивал. Но было видно, как он посерьезнел. А приехал веселый,

слегка пьяный, что легко было заметить по ярко-красному носу, в свежей рубашке и новом костюме. Токай всегда ходил в костюме, но галстука не носил — застегивал рубашку на пуговицу, брюки заправлял в сапоги.

Табунщикам, собиравшимся на поиски, нужны были свежие кони. Амаргази с Тулибеком уехали за табуном. Когда его пригнали, Токай остановил на скаку, поймал руками за гриву своего серовато-белого коня. Токай почему-то любил белых коней. Смеясь, мы нередко встречали его словами: «Вот едет Токай на белом коне».

Жылкыбаю довольно долго не удавалось поймать хорком того коня, которого он хотел. Наезженный с лета конь дичился, убегал, а пешком по снегу за ним трудно было поспеть. Потеряв терпение, Жылкыбай набросил аркан на подвернувшегося гнедого коня — лучшего скакуна на нашем конном заводе. Как всякий конь, с которым много работали люди, он был очень смирен. Натянув ему на голову уздечку, не седлая, Жылкыбай с места послал коня в галоп. Куда было зажиревшему укрючному коню тягаться с призовым скакуном. Мне нравилось, как стремительно пригибался Жылкыбай к шее коня, посылая его вперед. Из табунщиков только Токай ездил по-казахски: сидя на высоких подушках, откинувшись назад, почти не обхватывая бока коня ногами, с укороченными стремянами, которые приподнимал ногами вперед. Жылкыбай, как и Токай, был потомственным табунщиком, но на двадцать лет моложе.

Они приторочили за седлами овчинные тулупы, но еды не взяли. Только Жылкыбай сунул за пазуху фляжку с водой. Токай выдерживал, когда дежурил в табуне, по трое суток без еды и воды. Жылкыбай же без воды столько продержаться не мог. Стыдно было бы вспомнить, как в буран мы с Тулибеком сменяли друг друга на дежурстве каждые четыре часа.

— Где будешь искать лошадей? — спросил я Токая.

— На Сабе найдем, километров тридцать отсюда.

— Почему так уверен?

— Туда был ветер. Ближе нигде не остановятся. Там обрывы есть над рекой, от ветра хорошо прятаться. Туда пойдут.

К вечеру следующего дня Токай и Жылкыбай пригнали отколовшуюся часть табуна к балку. Потом мы провели просчет лошадей. Токай с Амаргази и Жылкыбай уселись на краю овражка, а мы с Тулибеком стали осторожно, небольшими группами перегонять табун с одного борта оврага на другой. Лошадей не хватило.

Наутро табунщики долго ходили по табуну, пытались определить, кто же из приметных лошадей пропал. Не нашлось только одной старой кобылы. Всего же недоставало голов двадцать.

Следующие два дня мы объезжали окрестные холмы, подолгу осматривали степь в бинокли, но нашли только старую кобылу с жеребенком. Ее встретили Жылкыбай с Тулибеком километров за двадцать от табуна, там, куда кони, по нашим расчетам, не могли уйти: они не пошли бы навстречу ветру. Кобыла, видимо, сама возвращалась в табун. По словам Токая, «лошадь, как инженер, все вокруг лучше нас знает». находка вызвала оживленные толки в балке. Решено было на следующее утро начать дальний поиск. Я напросился ехать с Токаем. Ему это тоже было удобно. Случись нам перегонять лошадей, я бы мог помочь.

Скакать по мягкой, прикрытой снегом степи было приятно. Мой серый жеребчик с белой проточиной на морде охотно шел куцем галопцем. В валенках и толстых меховых брюках я не слишком хорошо чувствовал коня, и спокойный короткий галоп меня больше всего устраивал. Ехали с разговорами, не торопясь, подолгу пили чай на всех встреченных зимовках. Всюду Токай расспрашивал о лошадях, но ничего обнадеживающего люди сказать не могли.

Два раза переночевав, мы добрались до колхоза «Рассвет». Проехали по его новенькому поселку с двухэтажной каменной школой, побывали в конторе и, расспросив, где стоит колхозный табун, направились туда. Не в пример нашей бригаде, табунщики здесь жили в большом доме с обширными сенями, где высокой горкой были сложены мешки с овсом. Нас встретила жена старшего табунщика: высокая, стройная, черноволосая погородскому одетая. Нас усадили в ковровой комнате. Хозяйка наладила самовар. Ей помогали две дочери видимо, погодки (старшей лет пятнадцать), как и мать в юбках и кофточках, с тугими длинными косичками. Неслышно ступая по ковру ножками, обутыми в толстые белые носки, они устали низенький чайный столик печеньем, конфетами, сахаром, вареньем, маслом, урюком. Хоть и мы в своем балке жили «как люди», но здесь, можно сказать, было богато. Табунщиков не было дома, и мы до вечера лежали на ковре, листали журналы, слушали приемник. Когда надоедало, шли проверить своих коней: то надевали попоны, которые дала нам хозяйка, то подсыпали овса. Дом стоял на видном месте, на высоком берегу сая. То тут, то там вдали виднелись камышовые окружия озер. По саю темнели ивняки.

— Нехорошее у них место, — качнул головой Токай. — Наверное, волки ходят.

— Они и у нас не редкость.

— У нас им не так хорошо. Смотри сколько кустов.

К вечеру приехали трое табунщиков. Хозяина я узнал. Он был все в

том же сером лыжном костюме, в котором приезжал не так давно к нам в табун. Он оказался веселым и разговорчивым человеком. Успевал мне рассказывать про поведение лошадей, а Токаю, когда выходили женщины, — игривые истории. Наш старший любил острое слово. Хозяйка успела наготовить котлет. Постелили на ковер клеенку. Черпая баурсаки пригоршней из большого эмалированного таза, хозяин разбросал их так, чтобы всем было легко дотянуться. Буркит, так звали хозяина, разбрасывал баурсаки щедро, даже с удалью. Такой шик я часто наблюдал на казахских праздниках.

При свете керосиновых ламп мы пиروвали допоздна. Первыми ушли хозяйка и дочери Буркита, потом табунщики — его помощники, они были довольно пожилыми людьми, совсем не говорили по-русски. Уже в полночь Буркит сам постелил нам постель: чистое белье, приготовленное хозяйкой еще днем, атласные ватные одеяла.

Где-то в середине ночи я проснулся и вышел на мороз. Светила луна, совсем неподалеку в сае влаивала лисица. Ночью особенно чувствовалось, что мы в незнакомом месте — темные ивняки и камыши словно сблизились, оставили мало места в заснеженной степи. Здесь было меньше простора.

Я вернулся в дом. Внутри в нем не было дверей. В одной из комнат горела керосиновая лампа. На двух кроватях, отбросив жаркие одеяла, в коротких голубых рубашках спали дочери Буркита.

Наутро, едва вернулся дежуривший ночью табунщик, мы позавтракали, хозяин подседлал нам коней, помог подняться в стремя и, провожая, долго стоял у ворот зимовки. Мы рассчитывали к вечеру быть в чабанской бригаде, где справляли праздник рождения сына. Токая очень возбудила эта приятная возможность.

Снова мы ехали рядом по широкой степи мимо бесчисленных озер. Эти места, как, наверное, и вся Тургайская степь, были Токаю знакомы. Когда-то и здесь он пас лошадей. Наш разговор, конечно, зашел о Бурките. Я вспомнил, какой чудесный конь был под ним, когда он навещал наш табун.

— Как навещал, когда был? — вдруг удивился Токай.

— Разве я тебе не говорил? Перед бураном, когда ты был в поселке.

— И в балке был?

— Нет, не был.

— Какой человек не заходит в дом? Или сильно торопился? — Я подумал, вспоминая приезд Буркита.

— Вроде нет. Конь у него был сухой.

Токай помолчал, потом стал рассказывать о коне Буркита.

Люди говорили, что в прошлом году, летом, этот конь пришел домой без Буркита. Конь пришел не в табун, а к юрте. Это плохая примета, если заседланный конь сам приходит домой. Стали искать и нашли хозяина на дороге. Он упал, сильно ушибся. — Поедем обратно! — внезапно сказал Токай. Его решение было так неожиданно, что я переспросил:

— Вернемся к Буркиту?

— Едем. Табун будем смотреть.

Почти до самого дома Токай подгонял коня плетью, лишь когда показалась зимовка, поехали неспешной тропотой. Буркит встречал у ворот, как будто и не возвращался в дом с тех пор, как мы отъехали. Без лишних разговоров он согласился показать нам табун. Пока Буркит собирался, жена его, закутанная в серую шаль, молча стояла рядом с нами. Километра два Буркит ехал с Токаем впереди. Снег был довольно глубок, и мой притомившийся конь предпочитал идти следом.

— Почему сзади едешь? — оглянулся Буркит. — Наши люди говорят: «Собака сзади бежит, а человек должен рядом».

Я поехал голова в голову. Молчать было как-то неловко. Ведь мы ехали искать в табуне Буркита своих лошадей. Я спросил первое, что пришло в голову, о чем все время думал:

— Почему твой конь приходит к дому, а не в табун? Обычно так не бывает.

— Моя жена приучила его так. Очень любит жену, считает ее вроде бы как своей подругой. Его мать не могла кормить. Наверное, ее укусила змея, вымя стало как камень. Чуть не сдохла. Жена выпаивала жеребенка молоком других кобыл, к хлебу приучила, соли. Нужно мою жену табунщиком зачислять.

Буркит возбуждался все больше, вспотел, хотя день был морозный. Казалось, он выпил перед нашим возвращением. Его темные щеки, лоб лоснились, коричневые глаза налились, голос повысился.

— Зачем у одного Токая сидишь? Почему в другие бригады не едешь? — говорил мне Буркит. — Давай приезжай к нам. Тоже поживешь, табун помотришь, сфотографируешь, что надо. У меня скоро тоже будет орден. Не только Токай знаменитый табунщик.

Даже напоминание об ордене не расшевелило Токая, обычно весьма разговорчивого. Он ехал молча, не торопя коня, глаза его — бледно-голубые, смелые, ясные — смотрели, словно рассматривали нас.

В табуне к нам ненадолго присоединился один из помощников Буркита. Поездил-поездил сзади и повернул к дому. Я обратил внимание,

что в бригаде Буркита как-то мало разговаривали, словно все думали о чем-то своем.

Мы переезжали от одной группы лошадей к другой. Табун уже давно держали в этих местах: снег был перекопан, местами утоптан, лошади объедали пучки сухого ковылка, то тут, то там торчавшие из-под снежных глыб.

Табун у Буркита был хорош: лошади все джабе, довольно жирные. На нашем конном заводе в стремлении получить животных не только для откорма, но и для испытаний на резвость завозили в табуны жеребцов кустанайской породы — более высоких, с сухими тонкими ногами, горбоносых, рыжих или гнедых в белых чулках. От этого наш табун был не такой уравненный, как у Буркита.

По мере осмотра лошадей, слушая мои одобрительные отзывы, которым поддакивал и Токай, Буркит успокоился, протрезвел, рассказывал о наиболее выдающихся из тех лошадей, что проходили перед нашими глазами. Мне казалось, что всем нам стало спокойней на душе, хотелось, чтобы как-то забылась та недобрая цель, с которой мы приехали. Вдруг Токай сказал:

— Пять жеребят я своих видел. Сколько еще есть? Буркит молча повертелся в седле, потом резко осадил коня и, повернувшись к Токаю, ответил:

— Может, я обманываю, может, ты жеребят не узнаешь, кто докажет, чьи они?

— Покажи их матерей.

— Зачем буду оправдываться — ищи сам. Вот этот чей — твой?

Не дожидаясь ответа, он толкнул своего коня вперед, напугав темно-серого жеребенка. Тот шарахнулся, взвизгнул, тотчас соседние лошади бросились к нему, окружив, вытянули морды, обнюхивали. Буркит свистнул, и лошади пошли прочь, жеребенок за ними.

Повернувшись к нам, Буркит неожиданно спокойно, даже миролюбиво сказал:

— Чаю хочу, поеду домой, а вы оставайтесь. Найдете своих жеребят — забирайте. За лошадьми не уследишь, бегают взад-вперед. Ваши ко мне, мои к вам.

Мы стали внимательно осматривать табун. Я спросил Токая, как он узнал жеребят.

— Матерей их знаю. Разве самого жеребенка в табуне запомнишь?

— А кобыл всех знаешь?

— Как же не знать. Если мы с ней рядом десять лет живем, каждый год

я смотрю, какого жеребенка принесла, как его водит, с какой лошастью дружит, какой жеребец ее муж. Одинаково как человек. Ты детей своих товарищей можешь узнать?

— Я что-то не помню, чтобы в нашем табуне были кобылы, потерявшие жеребят: беспокоились, бегали, звали.

— Зачем будут искать? Жеребята большие, молоко не едят, скоро сами жену ищут.

Я понял свою ошибку. Речь шла о полторалетках, молодняке, уже отбившемся от матери, державшемся своими, молодыми компаниями или примкнувшем к другим косякам. Тем более удивляло, что Токай узнавал их «в лицо».

— Ну что, заберем своих? — спросил я Токая. Он покачал головой.

— Получится настоящая баранта. Буркит угнал, мы угнали, все одинаковые.

— Будем жаловаться?

— Зачем сразу жаловаться. Он сам отдаст. Доказать надо, что мои жеребята. Видишь, какой он хитрый. Старую кобылу не взял, обратно прогнал, знал, что ее не спрячешь.

— Все же сначала забрал ее.

— А как же. Наверное, гонял ее вперед, иначе жеребята не пошли бы.

— Скорее всего коня вперед пустил, видишь, какой он умный — сам домой бежит.

— Может, и так. Ну и мы что-нибудь сделаем, не он один умный. Все же запомнит это дело, будет уважать старых людей. Ты говорил, что хотел бы поработать в другом табуне. Может, останешься? Я скоро вернусь.

Пришлось согласиться, хоть и невесело было оставаться у недобрых людей.

Я прожил в бригаде у Буркита четыре дня. Наверное, он испытывал беспокойство, ждал, что предпримет Токай, но по отношению ко мне ни в чем это не проявлял. Мне кажется, мы даже подружились.

Я многое узнал от Буркита и сам охотно разъяснял, какие законы поведения лошадей лежат в основе управления табуном. Он слушал внимательнее, чем Токай. Мне думалось, что именно таким, как он, — пастухам нового поколения, грамотным, восприимчивым к новому — можно было бы адресовать книги.

Четыре дня я старался понять, как использует табун Буркита пастбища, чего добивается Буркит и что хотят лошади. Тактика его работы мне показалась слишком простой. Он поочередно стравливал пастбище. Вернуться повторно на тот же участок было нельзя. Снег, перекопанный

лошадьми, заледеневал, вновь разбить его табун не мог. Оставалось тщательнее использовать каждый новый кусок пастбища.

Однако существовали и самостоятельные подвиги табуна. Днем лошади приближались к озерам, иной раз рассыпались в зарослях камышей. Здесь был более мягкий снег, больше корма. К вечеру, боясь волков, табун выбирался на открытые места. Мне казалось, что Буркиту надо бы было использовать эти переходы табуна, меньше принуждать лошадей, что неминуемо увеличивало их беспокойство, сокращало время пастбы и отдыха. Конечно, советовал я очень осторожно. В чем можно было удостовериться всего за четыре дня?

Я поинтересовался, были ли в его роду табунщики. Я знал, как важна в этом деле преемственность. В нашей бригаде и Токай, и Жылкыбай были сыновьями и внуками прославленных коневодов. У Буркита в родне были только чабаны. Он сам пробился в бригадиры табунщиков, доказал, что может им быть.

Так не бывает, чтобы пастух до всего дошел самоучкой. И Буркит многое перенял от старых табунщиков. За восемь лет он сменил несколько бригад, в каждой узнал что-то важное. Обычно пастухи относятся к старшим очень почтительно. И я удивился, когда Буркит, объезжая вместе со мной табун, сказал:

— Старики только мешают. Они считают, что все знают, и убедили в этом всех. В прошлом году у нас были лучшие показатели, а мне говорили: «это был легкий год». Когда пройдет плохой год, только старики спасут табуны.

— А как в этом году? — спросил я и сразу пожалел. Мы, не сговариваясь, не вспоминали о том, зачем приезжал Токай.

— Все было хорошо, пока я не уехал в поселок за семьей. Очень скучал, не мог больше один. Пока не был здесь, получился откол. Сколько не искали пропавших лошадей, не нашли.

В сумерках волк схватил жеребенка. Перед этим он долго валялся на снегу, смешно взбрыкивая ногами, перекатывался через спину, скользил взад-вперед, извиваясь, как змея. Удивленные лошади окружили «артиста» полукольцом, принюхивались, пригнув головы вниз, подозрительно всхрапывали и все же, сбитые с толку таким необычным поведением волка, подходили все ближе и ближе.

Когда произошло нападение, лошади стояли так тесно, что не могли сразу повернуть. Жеребенка случайно сбили с ног. Схваченный волком, вероятно, окаменев от ужаса, он заржал столь пронзительно и страшно, что даже у нас, за полкилометра от схватки, по спине пробежала дрожь.

Буркит толкнул коня, мой Серый последовал за ним. От неожиданности я едва не вылетел из седла и пока поправлялся, Буркит уже был за сотню метров впереди.

Или волк не видел нас, или понадеялся на близость камышей да не рассчитал, бросился прочь слишком поздно. Буркит догнал, порол зверя плеткой. Страшная штука — плеть табунщика, сплетенная из тридцати двух сыромятных ремешков, со вшитым в конец свинцом.

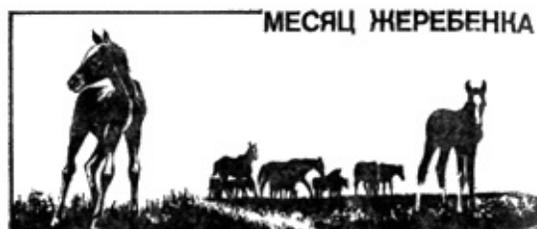
На другой день приехали Токай и Жылкыбай, привели двух кобыл, привязанных за хвосты укрючных коней. Я находился в табуне, когда они вместе с Буркитом и другими табунщиками подъехали с наветренной стороны, остановились. Тотчас приведенные кобылы наперебой заржали, видно, возбужденные встречей с незнакомыми лошадьми. Им сейчас же ответили два полуторалетка, примчались и после краткой церемонии приветствия и опознания уже не отходили. Токай победно смотрел на Буркита. Это действительно был высший класс — знать, каким кобылам симпатизируют молодые жеребчики.

Тут же подогнали табун к дому, стали ловить жеребят. Часть привязали, часть пустили за ограду. Буркит сам показывал, каких жеребят взять. Табунщики воспользовались случаем и поменялись молодняком. Бывает полезно привести издалека лошадей с неродственной кровью.

Мы возвращались домой, не торопясь, ночуя по чабанским зимовкам. Жеребят, взятых в табуне Буркита, вели привязанными за хвосты укрючных коней. Своих вместе с кобылами гнали впереди.

Так мирно закончилась современная баранта — событие, в общем, редкое в наше время.

Месяц жеребенка

Вагон прямого сообщения прибыл в Аркалык днем. Светило солнце, кого-то встречали, из репродукторов звучал марш. Вокзал еще строился, и люди у вагона стояли выше чем по щиколотку в красной жиже. Надо было доставать из рюкзака сапоги. Начиналась новая жизнь.

Аркалык оказался небольшим, совсем новым городом. Пока я разыскивал гостиницу, управление сельского хозяйства, несколько раз из-за современных высоких зданий мне открывалась степь, уже начинающая зеленеть. И оттого, что степь была рядом, мне казалось, что близки и табуны лошадей, и товарищи-табунщики, с которыми я расстался зимой. Уже скоро начнется иная, чем в городе, жизнь.

На конный завод улетал вертолет и по указанию начальника управления сельского хозяйства прихватил меня с собой. В степи еще не кончилась распутица, саи были полны водой. Иного пути в табун, кроме как по воздуху, не было.

Несколько часов мы провели в Сарытургае. Директор конезавода принял меня как старого знакомого. А потом я оказался на зимовке Амангельды. Где-то поблизости держал табун Токай.

Еще день я слонялся в окрестностях зимовки, ожидая приезда кого-нибудь из табунщиков. Несколько часов наблюдал за отарой молодых барашков, прошедших здесь зиму. Они вели себя беспокойно, широко разбредались по степи. Чабан был рад моей помощи. После суровой многоснежной зимы весна запоздала, трава еще только тронулась в рост, была слишком коротка даже для гонких овечьих губ.

— Такая трава, как отравы, овцы совсем худые стали, — жаловался Марвахат.

Животные уже не хотели есть сухую прошлогоднюю раву, собирали зеленые стебельки, а ими пока было не прокормиться. Несколько баранов уже погибло. Надо бы оставить отару в загоне, подержать на сене, пока не отрастет в степи трава. Но долгая зимовка прикончила все припасы.

Несколько раз мы собирали отару покучнее, потом она снова разбрелась, расходилась дугой. Я смотрел на возникавшие на глазах дуги с чувством торжества. Оказывается, это так прекрасно, понимать, как идет жизнь, проникнуть во внутреннюю гармонию, казалось бы, такой хаотичной жизни стада.

Никто из табунщиков не приезжал, и Марвахат взялся меня проводить. Пасти отару он попросил жену. На рассвете мы оседлали коней и тронулись в путь. Большую часть вещей, в том числе кино- и фотоаппараты, я оставил на зимовке. Боялся подмочить при неизбежных переправах через саи.

Первую ванну пришлось принять уже через несколько километров. Сай был неширок, глубокого места всего-то метров пять, однако миновать их было нельзя. Тут Марвахат удивил меня ловкостью. Едва вода стала подступать под седло, он, не останавливая коня, вскарабкался повыше и глубокое место пересек, стоя на седле. Мне такой номер был не под силу. Оставалось лишь покориться неприятному, ощущая, как влажный холодок подымается под брюками все выше и выше.

Марвахат примерно знал, где находился табун. Важно было лишь попасть в места его обитания. Потом мы дали своим коням волю, и они, поднимая голову, словно спрашивали у ветра, довольно скоро нашли табун.

Нас ожидало еще небольшое приключение. Откуда-то сбоку, с вершины холма — наверное, это был его сторожевой пост — примчался жеребец. Он несся к нам красивый, как на картине, — распутив по ветру хвост, трепещущей гривой. Однако, приблизившись, он сбавил ход и пошел тем характерным ходом, каким демонстрируют себя жеребцы перед боем: высоко поднимая юги, приподняв хвост и выгнув дугой шею. Обойдя нас вокруг, он как бы поставил точку первого акта представления: встал как вкопанный, все в той же напряженной позе, потом несколько секунд рыл землю копытом и устремился в атаку.

Подо мной был молодой жеребчик — собственность Марвахата. Хозяин пастбища, судя по оскаленным зубам и прижатым ушам, собрался его укусить: он был уже в нескольких метрах. Я приготовил плеть. И вдруг жеребец развернулся тылом и, высоко поддав вверх задом, лягнул нас. Одно из копыт попало мне по колену. Удар пришелся вскользь, и брюки смягчили удар, а все же колено сразу онемело. Марвахат тотчас повернул коня мне на помощь, я тоже закричал: то ли от неожиданности, то ли стараясь напугать атакующего.

Но он не оставлял нас в покое, снова и снова сближался и, развернувшись с ходу, бил ногами. Мне ничего не оставалось, как разворачивать своего жеребчика задом. Он тоже пробовал отлягиваться,

конечно, безуспешно.

Очень медленно, то и дело совершая круги, мы продвигались к озерку, у которого табунщики, по мнению Марвахата, разбили свой табор. Вдруг у какой-то не видимой нами черты жеребец оставил нас в покое.

Мы заметили человека, лишь подъехав к самому лагерю. Он спал, завернувшись в овечью шубу. Видно, дежурил ночью и теперь отдыхал. Как обычно на пастушеских стоянках, вокруг в беспорядке валялись вещи. Привычка к простору сказывается и в этом. Над вырытой в земле ямой на нивесть откуда взявшейся в степи железяке стоял казан и два чайника. Рядом, сложенные горкой, лежали куски кизяка. Мы не стали будить табунщика. Подобрали валявшиеся среди вещей путы и, стреножив коней, пустили их пастись. Потом Марвахат развел под казаном костер из собранных табунщиком веток, положил в него несколько кусков кизяка. Потянуло дымком, и, может быть, поэтому табунщик проснулся. Это был Тулибек.

Токай с Жылкыбаем прискакали только к вечеру, пригнали трех кобыл. Токай был все такой же: радушный, неунывающий и насмешливый. Здороваясь, он не забыл пошутить:

— Тебя, наверное, жена не хочет любить, что ты все в степь бежишь. У нас в бригаде только такие люди. Я старый, у Жылкыбая только что сын родился, Тулибек пьет слишком много, а Шокор совсем не пьет, о жене не думает, только богу молится.

Мы снова окружили казан, выудили по куску конины. С трудом дождавшись, пока товарищи утолят первый голод, я принялся расспрашивать Токая: где был, что делал. Как всегда полушутя, он рассказывал:

— Ходили с Жылкыбаем забирать наших кобыл. Второй раз убегают туда, где родились. Ночью лошадь стоит, спит, снится ей родина, просыпается и сразу туда идет, быстро-быстро идет, даже бегом где-то, ни разу не остановится травы ущипнуть. Потом мы за ней двадцать пять километров едем. Надо ее замуж отдать, тогда не убежит.

— Ну и что же, сейчас самое время. Разве в табуне мало жеребцов?

— А! — горестно махнул Токай. — Мы им самого красивого нашли. Цвет, не знаю как по-русски назвать, ноги длинные, грудь глубокая, голова красивая, вырос в конюшне, ел — чего только хотел. Не нравится кобылам, не любят его. — Токай засмеялся и пояснил: — Ругаться не умеет. Какой жеребец, если не сердитый, не укусит, не ударит?! Никакой кобыле такой не нравится. Опять убегут.

Передохнув, Токай с Жылкыбаем стали собираться на дежурство.

Весной табунщикам не до сна. Табун уже разбился на косяки, которые ревнивые косячные жеребцы широко развели по степи. Между тем уже появились первые жеребята. Табунщикам приходилось быть начеку: здоров ли малыш, есть ли молоко у матери, заботится ли она о новорожденном?

Я отправился вместе с табунщиками. Токай помог мне заседлать одну из кобылиц-беглянок. Он сказал, что она уже ходила в былые времена под седлом. Помогая, он, хитровато щурясь, объяснял мне:

— По нашему обычаю молодому парню дают жеребца, мужчине — коня, женщине — кобылу, потому что кобыла мягко ходит, не беспокоит. Тебе даем кобылу.

Я посмеялся вместе с ним, однако сел в седло с опаской, и не зря. Отвыкшая от наездника лошадь тотчас сделала прыжок вперед, потом свечку, потянутая уздой вниз опустилась, и тут же Токай огрел ее плетью по задку, заставив прыгнуть вперед. Я тоже уже пришел в себя, хорошенько дернул каблуками сапог ее шелковистые бока. И кобылица, уже не взбрыкивая, мягким галопом понесла меня по степи. Через несколько минут я сбавил ход, сделал круг, дожидаясь, пока Токай и Жылкыбай, подгонявшие кобылиц-беглянок, поравняются со мной.

Объезжая табун вместе с Токаем, я старался узнать «в лицо» лошадей, за которыми наблюдал зимой, и с огорчением убеждался, что все позабыл. Помнил лишь самых приметных. Старый косячник с рваным шрамом на бедре сам вышел нам навстречу, видно, разведать, что за люди, что за лошади.

— Почему ему не отдашь этих кобыл? — спросил я у Токая.

— Не возьмет, не хочет, — сквозь зубы отвечал мне старый табунщик. Он уже «заправил» рот порцией наса. — У него свои лошади есть. Разве не знаешь, что лошади, как люди, вместе много лет живут, с другими не сходятся.

— Смотря какие люди, — пошутил я.

— Это верно, — откликнулся Токай. — И лошади разные есть.

До темноты мы объезжали табун, однако Токай не тревожил лошадей, оставил их пастись, где хотят. На одном из холмов Токай предложил мне отдохнуть.

— Лошадь пусти, — сказал он мне. — Утром другую поймаем.

Он угнал кобылу куда-то за увал, туда, где свистел Жылкыбай. Подстелив под себя потники, подложив под голову седло, укрывшись телогрейкой, я уснул. Так счастливо закончился мой первый весенний день в табуне.

Число жеребят в табуне быстро нарастало, а я все никак не мог

подкараулить рождение малыша. Косяки держались поодаль друг от друга, и, объезжая их, я встречал лишь уже окрепших жеребят. Они развивались очень быстро. По словам табунщиков, через час уже умели сосать, следовать за матерью.

Впрочем, своих матерей они знали еще не очень хорошо. Случалось, шли за мной когда я, с опаской отогнав мать, подходил к жеребенку поближе. Прижав уши, то и дело наклоняя голову к земле, кобыла следила за мной, вдруг подбегала и, мгновенно развернувшись, норовила лягнуть.

Один жеребенок совсем растерялся, то делал шаг к матери, то ко мне, не зная, кого предпочесть. Но стоило матери тихо и нежно позвать: «М-м-м», — как малыш пошел за ней.

После трудной зимовки лошади сильно исхудали, часто жеребились неудачно, малыши рождались мертвыми или гибли, прожив всего несколько дней. Погибших жеребят табунщики почти всегда находили по глухому карканью воронов. Впрочем, матери их, как правило, это были молодые кобылицы, боялись остаться в одиночестве, теребились в гущу косяка. Старые кобылы уходили за два-три километра в сторону от табуна.

Забравшись на вершину холма, я отпускал коня пастись и подолгу осматривал степь в бинокль. Нет-нет да и замечал одиноко пасшуюся лошадь. В стороне обязательно находился косяк, а жеребец курсировал между кобылицей и остальными лошадьми. Косячники, как видно, охраняли свою подругу. По крайней мере они встречали меня с подозрением, кружили рядом, ржали, предупреждали то ли меня, то ли мать с новорожденным. Кобыла не подпускала косячного жеребца к малышу, сердилась, угрожала. Да и он вел себя неуверенно, забегал с подветренной стороны, видно, стараясь причуять жеребенка, познакомиться с ним.

В косяке племенного жеребца тоже появились первые жеребята. Но он плохо обращался с ними. Точнее, он старался, да не умел с ними обращаться. Видно, его очень беспокоило желание кобылы несколько дней жить отдельно от косяка. Он старался заставить ее ходить со всеми, подталкивая, кусал, бил. А жеребенка, еще созвем слабого, он пытался подтащить поближе к косяку, ухватив зубами за холку.

С огорчением показывая мне глубокие прокусы на холках обоих родившихся в косяке жеребят, Токай говорил мне:

— Видишь, не умеет. Когда сам был маленький, с другими не дрался, учиться не мог. Теперь не умеет хорошо взять, только портит. — Действительно, в косяках других жеребцов холки у жеребят были целы. Отцы если и брали их зубами, то нежно, умело.

Мы по-прежнему жили в степи, используя вместо крыши кусок брезента, укрывались им во время дождя. Впрочем, их перепадало немного. Всего один-два дня были пасмурными. Чаще дожди бывали короткими, ливневыми, а потом снова ярко светило солнце, вместе с ветерком быстро сушившее степь, наши вещи и одежду.

Гибель многих жеребят, как мне кажется, немного обескуражила табунщиков. Несколько раз я предлагал проверить, есть ли у кобыл, родивших слабых жеребят, молоко, но товарищи лишь безнадежно отмахивались. Но вскоре одна из кобылиц заболела маститом так тяжело, что, не лечи мы ее, она погибла бы. Как и в каждой бригаде, у Токая была аптечка с антибиотиками и кое-какими инструментами.

Кобыла уже плохо ходила, так что поймать ее не составило труда. Табунщики ловко повалили ее, спутав ноги, связали покрепче, чтобы не ударила, и я приступил к операции. Вымя страшно распухло и окаменело. Пришлось сделать ряд проколов, выпустить гнойную массу. Потом я обколол вымя бициллином.

Надо было подумать и о жеребенке. Кобыла уже сутки не кормила его, требовалась другая мать. Тут Токай проявил все свое мастерство. Поймали кобылу, у которой погиб жеребенок, связали ей три ноги и соединили короткой веревкой путы на ногах с недоуздом на голове, так чтобы лошадь не могла поднять голову. Мы измазали жеребенка молоком приемной матери и повторяли эту процедуру чуть не каждый час.

Сначала невольная мачеха билась, пытаясь порвать путы, норовила ударить непрошеного сына. Время шло, однако наш опыт не удавался. Жеребенок был великоват, наверное, скрыть его собственный запах оказалось трудно. Но было в этом и хорошее. Малыш оказался достаточно крепким, чтобы выжить в такой передрыге. Он настойчиво пытался примирить мачеху с собой, улучив момент, сосал.

Тогда Токай использовал еще прием: намазал кобыле глаза ее молоком и солью. «Чтобы болели глаза, ничего не видела», — объяснил он. В общем, будущей мачехе пришлось несладко. Связанная, ослепленная, с головой, пригнутой к земле, — она почти не паслась и, видно, очень сердилась на непрошеного пасынка, старалась, как могла, его оттолкнуть.

Конечно, больше всего с этой парой возился я — был свободнее других. Наконец, мы переупрямили кобылицу. На третий день я заметил, что жеребенок сосет ее, уже не встречая сопротивления. Токай согласился, что путы можно ослабить, однако снять их совсем не решился. Еще два дня мы приучали мать и приемыша друг к другу, а потом отпустили. И по тому как встревоженно она заржала, торопя жеребенка последовать за собой, мы

поняли, что победили.

Дни стояли уже довольно жаркие, и косяки ежедневно отправлялись на водопой. Они шли к воде так же осторожно, как это делают дикие лошади в Монголии. На моих глазах косячные жеребцы, оставив косяк чуть поодаль, с топотом неслись по берегу озера, на мгновение замирали, прислушиваясь, втягивая ноздрями воздух. Окончив разведку, они возвращались к косяку и вели его на водопой. Случалось, они сильно били непослушных молодых жеребчиков, норовивших самостоятельно уйти к воде.

Здесь у озера то и дело завязывались поединки жеребцов. В природе ведь никогда не скапливается в одном месте так много косяков. Лишь однажды поединок перешел в кровавый бой, заставивший в конце концов вмешаться табунщиков. К тому времени я уже знал более или менее всех косячных жеребцов, да это и не удивительно. Они первыми встречали меня, стоило приблизиться к косяку, ревниво крутились неподалеку, пока я работал, и потом провожали.

Молодые жеребцы трех-четырёх лет, а с ними и двухлетки-кобылы держались особняком, несколькими группами. Между ними велись нескончаемые сражения — игры, так что неопытный человек мог бы решить, что именно здесь и решаются проблемы доминирования и любви. Я замечал, что несколько самых старых косячных жеребцов имели как бы адъютантов — трех-четырёхлетних жеребчиков, к которым относились терпимо и заботливо. Этим адъютантам жилось неплохо еще и потому, что у каждого была своя опекуна — одна из старых кобылиц, из тех, которые соединились с косячным жеребцом много лет назад, успели вырастить уже целый клан потомков — дочерей и внуков. Адъютант вел себя с вожакom вежливо: поджав хвост, вытянув шею и направив вперед, по-ослиному уши, он покорно позволял себя обнюхать, а потом ласково касался седоватого косячника губами, словно успокаивал, подтверждал свою благонамеренность.

Иное дело со старой кобылицей. Тут молодой жеребец красовался, ухаживал вовсю. И кобылица тоже начинала взбрыкивать, даже ударяла иной раз неумелого жеребца, но тут же поворачивалась к нему, трогательно обнюхивала. Иней раз они по часу вылизывали друг друга.

Время от времени, заметив, что адъютант уж слишком разыгрался, косячник напоминал об иерархии. Стоило ему приблизиться, чуть приподнять голову, прижать уши, как молодой жеребец тотчас делал все, что положено лошади рангом пониже: поджимал хвост, опускал голову.

Та памятная драка и произошла между косячником и его адъютантом. Ссора началась как-то внезапно. Обычно молодые жеребцы, ненадолго

забыв о своей роли, врываются в косяк и ведут себя столь же нагло, сколько беспорядочно. Попытки ухаживать за кобылами, тут же дающими новичку отпор, громкое ржание, неожиданная встреча с косячником. Сразу присмирив, но еще не потеряв веры в себя, молодой начинает с косячником более или менее длительные выяснения отношений: несколько минут взаимного обнюхивания, вскидывания головы, напряженного выстаивания нос к носу, когда каждый мускул соперников напряжен, идет борьба на выдержку, потом душераздирающий визг, соперники поднимаются на дыбы, бьют друг друга, точно боксеры. Но где уж молодому выстоять против испытанного бойца — тот и тяжелее, и помнит о своих прошлых победах. Неожиданно крутнувшись на месте, косячник страшно бьет задней ногой соперника в грудь, так что едва не сбивает с ног.

Когда седлаешь коня, гладишь его шелковистую шерсть, похлопываешь по упруго-мягкой груди, трудно даже представить, как выдерживает жеребец удары и укусы, какие кровяные желваки наливаются у него под шкурой. Впрочем, быть может, в бою они и не чувствуют боли, может быть, удары лишь увеличивают желание выстоять, не отступить.

Мы — Токай, Шокор и я — сидели на косогоре неподалеку от озера. Лошади, не торопясь, ходили по берегу и в воде. Только косячники были настороже. То и дело сходились в коротких стычках. Большая группа уже напоенных лошадей паслась выше нас, по увалу. Два серо-белых жеребца, не обращая внимания друг на друга, медленно, как на картинке, двигались вокруг группы лошадей. Они были очень похожи и обликом, и поведением. Круто выгнув шеи, приподняв хвосты, коротко и высоко ступая ногами, жеребцы сделали один круг, другой.

— Красавцы, — показал я на них Токаю.

— Что-то молодой замыслил, — неожиданно ответил Токай.

— Старик болеет, — сказал Шокор.

Между тем жеребцы продолжали действовать по всем правилам большого боя. Мне приходилось это видеть впервые. Чаще всего наблюдаешь отрывки сражений, они или начинаются не всерьез, или обрываются «на полуслове».

Косячник и его адъютант, как будто раньше не были знакомы, сошлись, несколько секунд стояли нос к носу, потом медленно развернувшись, каждый отложил несколько катышков навоза и, вновь повернувшись, встали, пригнув головы к земле, словно с поклоном приглашали познакомиться. Вслед за короткой паузой они действительно поменялись местами и обнюхали навоз друг друга.

Два, а может быть, и три года молодой жеребец был адъютантом

старого, повсюду сопровождал, помогал управлять косяком, с разрешения старика ухаживал за его кобылами, даже пользовался его защитой, когда приходил чужак или нападали волки. И вот теперь все было забыто. Они заново представлялись друг другу перед схваткой. Так ведут себя жеребцы, когда намерены биться всерьез, до конца.

Пронзительный визг, оба поднялись свечками, скрестились в ударах передние ноги, потом жеребцы, тесня друг друга, сделали полувольт и снова сошлись в схватке. Старик то и дело разворачивался, бил задом, а молодой, не взирая на страшные удары, стремился схватить старого товарища зубами. У жеребцов страшная хватка.

Токай побежал к своему коню. Его укрючные кони, отпущенные на выпас, не уходили далеко от хозяина и не делали попыток убежать. Вскочив в седло, Токай с криком бросился к соперникам. Но, кажется, их отношения уже выяснились. Старик дважды оскальзывался, падал, молодой не уставал наседать. По шее и бедрам косячного жеребца текла кровь. Не решаясь приблизиться к сцепившимся соперникам, Токай кружил вокруг, кричал, махал плеткой, но все это было напрасно. Бой шел всерьез, и примирить жеребцов навряд ли было возможно.

Я всем сердцем сочувствовал старому жеребцу, хотя и понимал, что ему не устоять. Видимо, молодой уже чувствовал слабость жожака, раз решился на схватку.

Они ведь знали друг друга не один год. Победенный должен был уйти. Я не раз видел, как убегали побежденные молодые жеребцы. Поодаль они вновь начинали хорохориться, ржать, подбадривали себя хорошей проскачкой, вели себя так, словно ничего не случилось. А победенный косячный жеребец не убегал — уходил, шатаясь и хромя, пятная кровью траву. Молодой, еще возбужденный боем, крутился на месте, то и дело откладывал катышки навоза, обнюхивал их, рыл землю, короче, вновь и вновь утверждал себя новым хозяином! К косяку он приблизиться не спешил. Это и понятно, ему еще предстояло подчинить себе кобылиц, заставить и их признать себя жожаком.

Старый косячник вдруг лег. Встревоженные, мы поспешили к нему.

— Гонять надо, — сказал Токай. — Если лежит, помирает.

— Что теперь будет с ним? — спросил я.

— Будет работать, если выживет.

— А он объезжен?

— Конечно, давно умеет, — ответил мне Токай. — Раньше был чемпион. Много раз побеждал на скачках.

Двадцать майских дней, казалось, пролетели незаметно, однако я начал

уставать. В первые дни жизнь в степи — без крыши, без стен, совсем как древние кочевники, ненадолго расседлавшие на пригорке коней, — была мне приятна. Удивительное ощущение бескрайности мира, ежеминутное соседство с ветром, солнцем, простором заставляли забыть о времени, работать, спать, есть, когда захочется, уезжать в степь и возвращаться в лагерь, не попрощавшись и не поздоровавшись, встречать товарищей в степи так, словно мы не расставались.

Я заметил, что все реже думаю о науке, все чаще без всякого дела провожу время в табуне. Пасутся кони, подсыхает в солнечном мареве степь, тишина или тонкий звенящий звук заполняют мир.

Такое состояние для меня не новость. Когда над землей сияет солнце, тихо похрумкивают травой стада, я знаю, что пастухи Камчатки, Памира и Казахстана одинаково бездумно лежат, подпершись рукой, или вырезают на палочке, на кости узор. Есть и в пастушеской жизни тихая радость покоя.

Однако я устал. Тому, кто вырос в городе, рано или поздно требуется оказаться под крышей, пройти по улице, потолкаться в массе людей. Хотелось разложить вещи, скомканные в рюкзаке, перемотать киноленту, повозиться с кинокамерой, не боясь захватить их жирными пальцами. Увы все это сделать было трудно. Даже мои редкие купания в ледяной еще воде озера вызвали у табунщиков справедливые сомнения. Их жизнь требовала иного быта, иных привычек. И то сказать, они старались не опускаться, где возможно — блюсти чистоту. Мои товарищи не садились есть, не ополоснув из кувшина рук, а нередко и лицо. Переодевались, проветривали, сушили одежду на солнце.

Где-то в первых числах июня должна была прийти из Москвы машина со студентами и помощниками. Мы должны были встретиться в Сарытургае. Однако до того времени предстояла перекочевка на летние пастбища, в Каратам. Табун уже был неспокоен — становилось слишком жарко, появились слепни. Я расспрашивал Токая, как он рассчитывает подходящие сроки перекочевки. На удивление, он больше рассчитывал на лошадей: они, мол, сами знают, когда тронуться в путь. Табунщики лишь бдительнее, чем обычно, следили за табуном.

В последний день мая подул юго-восточный ветер — свежий, легкий. Совсем недавно он родился в мелкосопочнике, где еще недавно сошел снег, только зазеленела трава. И ночью табун пошел. Почти до рассвета лошади стояли в полудреме, редко-редко раздавалось ржание жеребенка и ласково отвечавшей ему матери. И вдруг одна из старых кобыл тронулась навстречу ветру. Табун пошел. Сначала пасясь, короткими переходами, а потом уже не отвлекаясь, все вперед и вперед.

Кочевка застала меня немного врасплох. На стоянке оставались вещи, в том числе киноаппарат. Как и что будет, я не знал — ведь предстояли переправы через полноводные реки. И все же я понадеялся на Шокора, что он все отвезет на зимовку к Марвахату.

Главной заботой табунщиков — Токая, Жылкыбая и Тулибека — было теперь собрать кобыл с малыми жеребятами, тех, что больны или настолько слабы, что не выдержали бы быстрого перехода. Токай собирался оставить пока и косяк племенного жеребца. Отданные ему кобылы были приучены к дойке, и табунщикам хотелось держать их поближе к поселку, куда отвозили молоко.

Мне пришлось разлучиться с Токаем. Вместе с Тулибеком им предстояло следовать сзади, постепенно собирая отставших лошадей. Токай поручил меня Жылкыбаю, и я мысленно приготовился не подкачать. Жылкыбай держал себя по-молодому, ездил только на жеребцах, да и подбирал себе каких-то кусачих, злобных, звероватых. Он еще не устал гордиться и любить лихую жизнь табунщика, то, что для Токая с Шокором стало уже бытом. Мне не хотелось оказаться обузой для товарища.

Беспокоил и мой плохо обученный жеребчик. Навряд ли он стал бы меня ждать, случись упасть. Мы скакали с Жылкыбаем рядом, и я поделился с ним сомнениями. У молодого заместителя Токая частенько появлялась насмешливая улыбка, когда я делал что-нибудь плохо или неловко. Но сейчас он, не колеблясь, остановился, отвязал от седла один из недлинных кусков веревки, которые возил, видно, на всякий случай, и велел мне привязать его к узде. Дальше я ехал, держа в руках не только поводья, но и веревку. Она помогла бы мне не упустить коня.

До полудня мы лишь сопровождали лошадей.

Табун растянулся по степи, но Жылкыбай предпочитал пока не вмешиваться. Постепенно кобылы с маленькими жеребятами, больные или ослабевшие лошади отстали, и Токаю с Шокором легко было их собрать вместе, повернуть к зимовке Марвахата. После этого мы с Жылкыбаем стали торопить отстающих. На следующий день Токай с Тулибеком должны были проверить дорогу табуна, собрать и привести отбившихся лошадей.

У каждого сая табун раскалывался на части, поочередно пускавшиеся вплавь за жожаками. Иногда происходила заминка, никто не хотел вести, хотя лошади волновались, нюхали воздух, смотрели на уже переправившихся товарищей. Приходилось заезжать в гущу, выталкивать вперед одну из старых кобыл (косячные жеребцы в задней части табуна были не ахти какими жожаками).

Мне хотелось посмотреть, кто ведет табун. Долго не представлялся случай, пока, наконец, на длинном однообразном увале табун собрался более или менее вместе. На острие клина был косяк старого жеребца с рваным шрамом на бедре. Не знаю отчего, но мне было радостно вновь увидеть жожаками старых знакомых, памятных еще по зимним приключениям.

Между тем долгая езда давала себя знать. Мне еще не приходилось столько часов подряд не слезать с седла. Ныли и ноги, и спина, я вертелся и так, и этак, пробовал ехать без стремян, откидываться назад. Все это приносило мало пользы, и скоро я уже еле сдерживал нетерпение, ожидая передышки. Только часа в четыре табун замедлил движение, начал пастись. Мы с Жылкыбаем спешили, стреножили и отпустили коней, отдыхали на высоком холме. Еды у нас не было, табунщики редко берут с собой припас. Предпочитают поститься или заезжают на какую-нибудь ближнюю стоянку, где, конечно, всегда рады гостю.

Я расспрашивал Жылкыбая о том, что открывалось взору. Уже близко были обрывистые берега Сабы, местность вокруг стала холмистой. До Каратама оставалось километров тридцать.

Под вечер мы снова тронулись вперед. Ночевали у самой Сабы и переправлялись на рассвете. Жылкыбай заставил табун взять правее, где брод был мельче. Он боялся, что потонут жеребята. Он уехал вперед, собираясь сдерживать табун, а мне велел последить, чтобы никто не остался на этом берегу. Лошади переправлялись вплавь, река была неширокой. Отряхнувшись, они, еще влажные и блестящие, устремлялись по песчаному обрыву вверх. Здесь реку пересекала дорога, и часть табуна предпочитала подниматься по ней.

Вместе с последними лошадьми я пересек реку. Мой жеребчик оказался достаточно сильным, чтобы перевезти меня, вода едва подступила под седло. Пришпорив, я ухватился за гриву, и конь одним порывом вынес меня наверх. К десяти утра мы уже были в Каратаме.

На следующий день табунщики пригнали оставшихся лошадей. Некоторых пришлось оставить по дороге. Еще два дня мы прожили в Каратаме. Место это показалось мне очень уютным. Со всех сторон закрытое увалами, с глубоким и узким саем, пока еще полным воды, весело бежавшей мимо двух холмов в начале и в конце долины. Удобная, плоская терраса вдоль сая, как видно, из года в год использовалась под стоянки. Круглые проплешины на местах, где стояли юрты, огороженные тырла для скота, — все это в скором времени должно было ожить. Токай, Шокор, Жылкыбай собирались привезти свои семьи, поставить юрты. К середине

июня должен был прикочевать Марвахат со своей отарой.

Пока что Токай с Шокором собирались в Сарытургай, и я отправился вместе с ними. В дорогу табунщики поймали всем коней. Снова мы были день в пути и к вечеру добрались до поселка.

Мы остановили коней у дома Токая. Тотчас появились его жена, детишки, довольно взрослая дочь. Я чувствовал себя немного неуверенно, не знал, удобно ли набиваться Токаю в гости. Но, кажется, я здорово удивил его, когда заикнулся о гостинице.

— Казахи еще не забыли гостеприимства. Давай, давай, пошли в дом.

Он сказал по-казахски дочери, и она взяла у меня из рук повод, повела коня в глубь двора.

— Давай, давай, заходи, сейчас чай пьем. Я только коней поставлю.

Ребятишки, двое мальчишек и девочка лет пяти, повели меня в дом: кирпичный и современный. Одна из комнат была приспособлена под казахскую гостиную, устлана крашеной кошмой. Кроме полированного буфетика в углу и стопки подушек у стен, здесь не было иной мебели. На кошме в беспорядке валялись детские игрушки, учебники и изрядно мятые журналы. Все они были на казахском, и мне оставалось лишь листать картинки.

В доме продолжалась суета. Несколько раз заходил Токай и, пообещав: «Сейчас, сейчас», — вновь исчезал по делам. Я сидел, привалившись спиной к горячей батарее. В доме было центральное отопление. Чтобы мне не было скучно, взрослая дочь Токая поставила передо мной транзисторный приемник. Девушка, видно, стеснялась меня и постаралась поскорее уйти.

Через час Токай, уже переодевшийся и посвежевший, внес электрический самовар. Он разбросал по кошме подушки, и вскоре вся семья кружком устроилась вокруг яркой клеенки, на которую жена Токая Нарима насыпала баурсаков, печенья, конфет. Жаналай, дочка Токая, села у самовара, чинно начала чайную церемонию. В каждую пиалу она плескала ложку сливок, добавляла чайной заварки, доливала из самовара кипятку и передавала пиалу по кругу.

Чувствовалось, что Токай был очень рад этому тихому чаепитию. Он даже отказался от водки, предложенной нам женой. Сказал, что «вечером». И мне было очень приятно видеть моего седого, загорелого друга таким добрым, расслабившимся, умиротворенным. Маленькая дочь прилегла к отцу на ногу, и Токай ласково перебирал пальцами по ее головке, трогал тугие короткие косички.

Я невольно обратил внимание, что и женщины, и дети одеты по-

европейски. Конечно, слишком часто поглядывать на взрослую дочь было неудобно, но все же я отметил ее узкую черную юбку, и капроновые чулки, и зеленую кофточку поверх розовой блузки. Мне показалось красивым ее лицо: белое и чернобровое, с яркими удлинненными глазами.

После чаепития я весь вечер провел в обществе детишек, пытавшихся как-то объяснить со мной, охотно тащивших мне все, какие были в доме, журналы и книги. Бродить по дому самому казалось неудобным, а хозяева были заняты. Токай сразу же начал готовиться к переезду на летние пастбища.

Наутро я отправился гулять по поселку. Он был хорошо расположен — на холме над рекой. Однако, как и в большинстве сел в Казахстане, здесь не было деревьев, не было огородов. Как видно, строители каждый год применяли все лучшие проекты домов, так что легко было отличить улицы, построенные раньше и позже. Они веером расходились от центра, где стояли двухэтажные дома конторы конного завода и больницы, строилась школа.

Еще два дня я прослонялся без дела, погулял в Сарытургае и его окрестностях. А на третий неожиданно увидел у конторы завода знакомый силуэт экспедиционной машины и моих товарищей. С неторопливым величием направился ко мне навстречу громоздкий Саша, замахали руками еще по-московски нарядные Таня и Катя, встал как по команде Володя.

— Наше начальству, — приветствовал меня последним шофер Боря.

Еще через несколько минут мы подкатили к дому Токая. Всем хотелось поскорее в степь, и мы едва-едва согласились попить на дорогу чаю.

Пообещав Токаю прислать Борю, чтобы помочь в перевозке вещей, мы тронулись в путь. Я уже немного запомнил дорогу, да у меня были и хорошие карты. А Боря так уверенно вскарабкался в кабину своего могучего грузовика, что и сай, и холмы на нашем пути показались мне легко преодолимыми.

Табун в степи

Всего неделю назад, когда, приотстав от табуна, с гребня вала я смотрел на Каратам, в каньоне сая еще белела полоска снега, а сквозь прошлогоднюю жухлую траву только лишь прорастала молодая, зеленая. Тогда было раннее утро, солнце еще не заглянуло в Каратам, и в долине было тускло, неуютно.

А сегодня нам открылся кусочек рая: красота, раздолье, радости казахского летовья. Вдоль синей полоски сая не тесно стояли коричневые юрты. По зеленой траве, еще не вытоптанной скотом, пробегал ветерок; красными скалами сверху и снизу долины замыкали Каратам взлобья сопок; на высокой террасе за саем, сбившись воедино, отдыхал табун, блестели спины лошадей.

Еще в Сарытургае ребята расспрашивали меня: «Какой он, Каратам?» — и теперь с гордостью хозяина, довольного, что уже полюбившееся ему место не подвело, понравилось всем, я не торопил, хотел, чтобы все насмотрелись всласть.

Впрочем, наш шофер предпочитал хорошему виду хороший обед.

— Давай, поехали, еще насмотримся за лето, наедемся степью, в лес захочется, — торопил нас Борис. Он был прав: надо было торопиться, чтобы к вечеру обжечь лагерь, а с утра приняться за работу.

Место для лагеря я облюбовал заранее — вверх по саю от стоянки табунщиков. Юрты видны, но они не слишком близко. Все же у нас свой отряд, свои порядки.

Как возник отряд? Прошедшим ноябрем в институте утвердили план моих летних работ, дали заявку в экспедиционную базу на машину. Так в отряде появился шофер Боря, появилась машина. Александр Сергеевич, Саша, и Володя — это мои «кадровые помощники», мы уже работали вместе в прошлом году. Саша — студент-Дипломник, Володя — тоже студент, но помоложе, оба из Московского университета.

Девушек мне рекомендовали в пединституте. Я искал для отряда

ботаников, нам предстояло описывать растительность пастбищ. «Работать в Казахстане, с лошадьми?!» — мне кажется, девушки были готовы отправиться в такую экспедицию верхом прямо из Москвы.

Хорошо, когда в отряде есть девушки. С ними как-то веселее, не так тоскуешь по дому. Хорошо, когда девушек двое. Одной, наверное, трудно в мужском коллективе — слишком много внимания пополам с невольным душевным одиночеством. И атмосфера дружбы и шуток обязательно сплачивает вокруг девушек мужской состав отряда.

Так выглядел наш отряд — научный сотрудник, шофер и четверо студентов. Знаешь ли, не знаешь людей, все равно каждый отряд складывается заново. Конечно, всем хочется, чтобы полевой сезон прошел по-хорошему. Только само по себе так случается редко.

Я устраивал свою палатку в сторонке, у кустов спиреи, разросшейся по низинкам, что спускались по склонам Каратама к саю. Не торопясь, загонял кольшки в плотную, неподатливую землю и одновременно смотрел, слушал, как действуют ребята. Саша и Володя натянули большую палатку. Она стала центром лагеря. Рядом соорудили стол и скамейки, навес, под ним трубчатую печку — изобретение экспедиционных шоферов. Пламя приставленной к печке паяльной лампы разбегалось по трем трубкам, выбиваясь синими язычками из отверстий. Чуть поодаль натянули свою палатку Таня и Катя — ближе к саю, они собирались каждое утро купаться. Борис, как обычно шоферы, предпочел остаться в машине. Раскладушка, ящик с одеждой вместо стола, вешалка, рулончик туалетной бумаги, использовавшийся вместо салфеток, даже скатерка — привет от жены — все тут было заранее, еще в Москве предусмотрено.

Вечером в гости пришли Токай и Жылкыбай. Мы устроили праздник прибытия — новоселья, знакомства и начала работы.

Зазвонил будильник, я немного помедлил и вылез из спального мешка. Наступило утро новой жизни. Разбуженные всего лишь в семь (пришлось учесть, что пение у костра затянулось до полуночи), мои помощники мылись и чесались до девяти. Паяльная лампа долго не разгоралась — оказалось, в ней кончился бензин. Пока-то Боря заправил ее, пока нехотя ели подгоревшую кашу (Саша не рассчитал, сколько крупы насыпать, получилось слишком густо), только около десяти, уже по солнцепеку потащились в степь.

Мы с Сашей и Борисом поехали огораживать опытные площадки: нам предстояло измерить урожай степных растений, если пастьба копытных исключена. Часа через два шеренги столбиков уже начали выстраиваться вокруг площадок. Ярко светило солнце, мы работали раздевшись. В один из

перерывов я залез на крышу машины, чтобы осмотреться вокруг. Установил на треноге подзорную трубу, повел ею по сторонам. Посмотрел, где стоит сегодня, отдыхает табун.

Я повернул трубу в другую сторону, попытался найти в холмистой степи наших девушек. Они должны были пройти по намеченному маршруту, описать растительные ассоциации, промерить рулеткой, какая часть маршрута приходилась на каждый тип растительности. В тридцатикратную трубу я увидел своих помощниц блаженно загорающими.

Как там наши? — крикнул мне Александр Сергеевич.

Загорают, черти, — отозвался я и убрал трубу в футляр.

Мы двинулись в лагерь, сварили обед. Разморенные жарой пришли девушки. Таня, взмокшая, распаренная, шла тяжело, обмахиваясь шляпой. Девушки сходили к саю умыться, и мы сели обедать.

Потом я пригласил девушек к себе в палатку. Усадил рядышком на спальный мешок. Попросил показать дневники. Они сделали за день едва восемьсот метров маршрута.

Таня, чувствующая себя старшей, оправдывалась за двоих:

Пришлось некоторые растения определять в поле, из-за этого мы сегодня мало успели.

Я покачал головой:

Вы загорали, а не работали.

Договорились, что впредь они будут работать, а не гулять.

Вечером вместе с Сашей пошли к табуну. Он стоял напротив стана бригады, на высоком берегу над саем. Вскоре подошли и пастухи. Лошади только-только начали расходиться, прихватывать клочки травы.

Я спросил Токая, куда направят табун. Он махнул рукой в сторону Бектургана, туда, где за широким плато протекал сай.

Наверное, не пойдут по ветру?

Не пойдут, — согласился Токай.

Табунчики упорно старались направить табун по ветру, но лошади противились этому. Они стремились идти навстречу ветру. Когда долго работаешь с животными, мне кажется, начинаешь их понимать. Как хорошо пастись головой к ветру: он приятно обдувает после дневной жары, отгоняет еще неугомонившийся гнус, ветер несет новые запахи.

Лошади не желали подчиняться табунщикам, мучились и те, и другие. Все время слышались крики нажимающих на табун людей, дробный топот лавиной несущихся по степи лошадей. Такая сумятица продолжалась часа полтора, пока не похолодало, да и лошади, наверное, проголодались. Табун стал послушнее, постепенно, пасясь, двигался от Каратама.

Когда начало смеркаться, я оставил в покое косяк, за которым наблюдал весь вечер, и отправился на поиски Саши. Он оказался впереди табуна, мы нашлись уже в темноте, вместе повернули к дому. Я был одет совсем легко — в ковбойке, сатиновых брюках и кедах, начал мерзнуть. А Саше все было нипочем, шагал в своей любимой зеленой робе, мял огромными ботинками степную траву. Между прочим, до университета он работал в зоопарке, ухаживал за верблюдами и зубрами, любил подчеркнуть, что он, мол, не какой-нибудь мышелов.

Я проснулся раньше, чем зазвонил будильник, лежал, ждал его звонка. В пять я оделся, выбрался из палатки. Над саем, над всем Каратамом стоял утренний туман. Трава посерела от мелких капель росы. В палатках никто не шевелился, словно будильник звонил только для меня.

Тряхнув поочередно палатки ребят и девушек (Подъем!), я отправился к саю умыться. Когда вернулся, в лагере было все так же тихо.

Володя, Саша! Подъем! — Никого не дожидаясь, я ушел к стану бригады.

Табунщики еще накануне привели мне коня. Ночью вместе с другими укрючными конями он пасся стреноженный в стороне от юрт. Когда я утром пришел к стану, мой серый уже стоял у коновязи.

Садись осторожно, сразу садись крепко, — предупредил меня Токай.

А что, беспокойный?

Забыл, чему учили.

А кто учил?

Я, — отвечал Токай, — еще в прошлом году, с тех пор никто седло не клал.

Что так?

Хватает других.

Жылкыбай подержал коня, пока я садился. Конь стоял, весь дрожа от тревоги.

Пускать?

Давай.

Весь настороже, я осторожно отдал поводья и тронул бока коня каблуками.

Конь стал подбирать зад, мне бы порешительнее выслать его вперед, но я поосторожничал, к тому же чуть натянул поводья, и серый мгновенно поднялся на дыбы. Все это обычные истории у тех, кто ездит верхом, о них не стоило бы и рассказывать, но мой опыт работы с молодыми лошадьми не очень богат, истории первых минут схваток с лошадьми помнятся очень отчетливо. А может быть, и для бывалых наездников они

незабываемы.

Серый опустился на передние ноги, а я вновь запоздал, продолжал еще прижиматься лицом к его гриве, и, вскинув головой, он сильно ушиб меня. В следующий момент он дал прыжок вперед и вверх, а я еще лежал у него на шее. К моему благу конь гладко понес по степи, и у меня было время вновь собраться, обрести себя в седле.

Табун оказался совсем близко, за ближайшим косогором.

Видишь, как умеем, — усмехнулся Токай. — Сам домой пришел.

Почему так? — спросил я.

Чего не понимаешь? — Вчера лошадей по ветру чэняли, утром сами домой ходили, — объяснил, как умел, Гокай.

Восхищенный простотой приема управления поведением лошадей, я зарисовал в записной книжке все передвижения табуна за прошедшие сутки. Пастухи ловко использовали стремление лошадей двигаться навстречу ветру. С вечера отгоняли табун по ветру, и, оставленный ночью без присмотра, он сам повернулся и пошел в обратную сторону, к дому.

Не торопясь собирать лошадей, мы ждали, пока они наедятся, благо Каратам был рядом. Тем временем я наблюдал за общением лошадей друг с другом: кто с кем ссорится или проявляет знаки дружелюбия, обнюхивает, знакомясь, видно, в косяк попал чужак. Некоторые жеребцы, возбужденные утренней прохладой, кружили вокруг косяков, церемониальными угрозами, ржаньем «поминали соседям об участке, где хозяин желал доминировать.

Мое внимание привлекали жеребята. Многие из них бесцельно бродили вокруг, предпочитая сосать своих «мам, чем щипать траву. Я достал секундомер, некоторое время вел хронометраж поведения жеребят. Один из маленьких непосед очень красивого буланого цвета оказался большим задирой. Он подбегал к сверстникам, кусал их и мчался прочь, то ли пугался, то ли приглашал поиграть. Ему даже пришло в голову взбрыкнуть раз-другой на взрослую кобылу, вероятно, свою тетку — она была из того же косяка, что и буланный жеребенок. Наконец та соизволила взглянуть на маленького наглеца, протянула к нему морду, чуть-чуть прижав уши. Тотчас малыш мелко-мелко заклацал на нее зубами. Так маленькие жеребята просят взрослых лошадей: «Не бей меня», — и толстая «тетка» вновь опустила голову в траву.

Малышу было очень скучно, а может быть, под припекавшим солнцем уже начала зудеть, чесаться шкурка. Он подсунулся под шею матери, приглашая ее почесать ему зубами холку, а потом, рассердившись на ее невнимание, взбрыкнул, не давал пастись, не отставал, пока мать не стала его чесать.

К одиннадцати табун спустился в сай. Лошади забрались в воду, бродили по зеленым зарослям тростника, куги, видно, наслаждались купанием, прохладой, сочным, хрустким кормом.

Я поехал к нашему лагерю. Все уже вернулись из степи, кроме Володи, умотавшегося куда-то с ружьем. Девушки взвешивали пакеты с травой, Саша возился с обедом, Борис помогал ему советами.

Между тем лошади поднимались из сая на противоположный высокий берег, собирались вместе, в одну сплошную массу. Табунчики тотчас оставили их в покое, отправились домой.

После обеда я залез на сопку, крутым взлобьем поднявшемуся над саям. Наверху уселся поудобнее, осмотрелся. Табун собрался «в кучку», как говорили пастухи, прямо подо мной на зеленой лужайке у сая. Сверху хорошо было видно, что лошади стоят головами к ветру, и только самые первые повернулись к ветру хвостами. Лошади вели себя беспокойно, старались спрятаться как можно дальше в глубь табуна. Запустив секундомер, я считал, сколько раз взмахнут хвостом, встряхнутся, кивнут головой лошади в первом, втором и последующих рядах. Разница оказалась очень большой. Чем глубже спрятались лошади в табуне, тем спокойнее они себя вели, их меньше тревожил гнус (рис. 7).

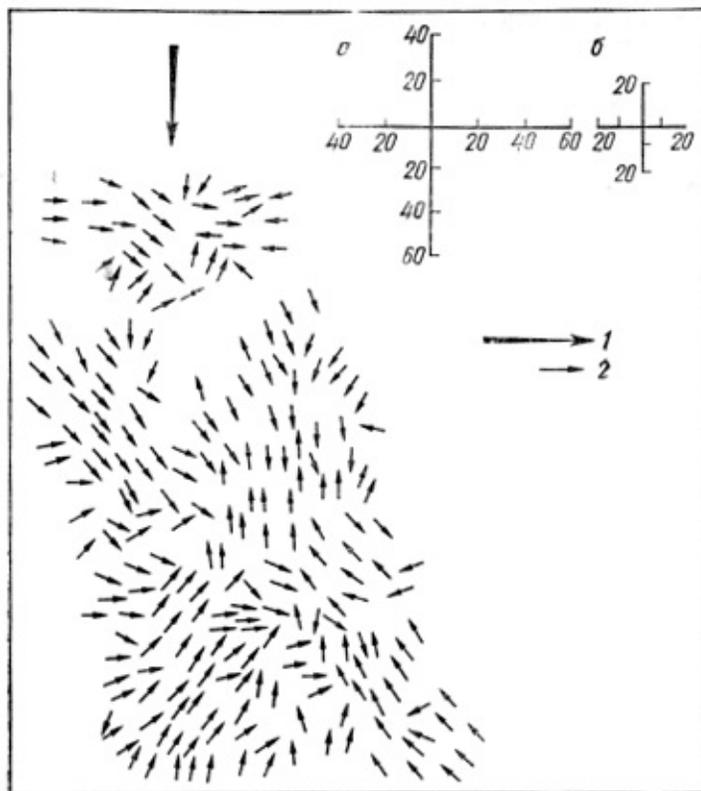

Рис. 7. Представьте, что вы смотрите на табун лошадей сверху, стрелки — это отдельные животные. Многие из них стоят к ветру (1) головами (2). Вверху рисунка на графике а показана частота комфортных реакций у животных, стоящих с края табуна (график показывает это для передней, правой, левой, задней сторон соответственно).

На рисунке б то же показано для лошадей в глубине табуна

Прискакал сынишка Жылкыбая верхом на неоседланном коне. Остановился у моей палатки, крикнул:

Леня, Токай зовет, мере (кобылу) лечить надо. Все, что касалось лошадей, привлекало девушек, они готовы были променять ботанику на иппологию. Мы вместе отправились к стану табунщиков. Девушки здесь бывали часто, сдружились с хозяйками юрт, а дочь Токая Жаналай приходила к нам в лагерь за книжками да и просто посидеть в девичьей палатке, поболтать.

Лечить лошадей — не женское дело, но вслед за Катей и Таней все население юрт обступило крупную черную кобылу, поваленную табунщиками на землю.

— Ее змея укусила, — серьезно объяснил Жылкы-бай. — Поэтому молоко испортилось. (Он не знал русского слова «вымя», говорил — «молоко».)

Я потрогал вымя, оно было как каменное. Попробовал сцедить молоко через соски — тонкой струйкой брызнул гной.

Нет ли лекарств?

Токай что-то скомандовал женщинам, и очень скоро в моем распоряжении был мешок антибиотиков, порошков, бинтов и инструментов. Как видно, ветеринарная служба снарядила бригаду на летовку неплохо. Правда, не было новокаина, но я обошелся кипяченой водой. Обколол вымя бициллином, кое-как насыпал кобыле в рот две ложки стрептоцида. Таня старательно помогала мне. Кобылу стреножили, чтобы не уходила далеко от юрт. Теперь предстояло ее лечить.

В шесть вечера я уехал с табунщиками распускать лошадей на ночной выпас. Мы немного запоздали, табун пошел в места отдыха в степь. Застоявшись, лошади быстро перешли на рысь, бежали навстречу уже задувавшему вечернему ветру. Придержать табун нам не удалось, и он километров шесть без передышки бежал вперед. Белые обрывы хребта Айгержал, освещенные садившимся напротив солнцем, казались уже совсем близкими.

Постепенно лошади начали пастись, оставалось последить, чтобы они не разошлись слишком широко. Я уже знал, почему табунщики не оставляют лошадей без присмотра до темноты: ночью лошади пугливы и

обычно не уходят на новое место, пасутся там, где их оставили вечером.

Когда возвращались с Сашей домой, он с чувством поведал мне о важном наблюдении за несколько дней.

— При пастьбе лошади двигаются по ветру. Слегка ошарашенный таким выводом, я спросил, из

чего это следует. Оказалось, Саша каждые 15 минут пастьбы отмечал направления движения ветра и табуна.

Я кратко рассказал Саше о приеме табунщиков: направлять лошадей по ветру, чтобы они за ночь сами пришли к дому. Саша слушал меня недоверчиво, но молчал. Наш Александр Сергеевич был отменно воспитан. Полчаса он, видимо, обдумывал ответ, наконец сообщил мне, что нельзя вполне верить рассказам табунщиков. Настоящая наука должна подкрепляться статистически достоверными данными.

— Поворачивайте-ка в табун, я думаю, и одной ночи наблюдений будет достаточно для выяснения правды. Я привезу вам одеяло.

Саша невозмутимо повернулся налево кругом и зашагал обратно в ночную степь. Через несколько минут я расстраивался, что затеял это дежурство. Однако переигрывать было поздно.

Пужинав, сказав ребятам, что вернусь в табун, я приторочил к седлу пару одеял, телогрейки, прихватил Саше перекусить и поехал в табун. Ночная степь, лишенная знакомых ориентиров, показалась мне просторней, а путь в табун слишком длинным. Еще раз я раскаялся в горячности. Однако ночное дежурство легче всего помогло бы понять, куда все-таки любят идти лошади. Только ночью, пока табунщики спали, можно было наблюдать за лошадьми без помех.

Очень скоро я убедился, что не смогу найти в темноте знакомых лошадей, описать строй табуна. Я спешился, обмот повода вокруг шеи коня, прикрепил к кольцу трензеля веревку и, не выпуская конца веревки из рук, пустил коня пастись.

Быстро холоднело. Съежившись, спрятав руки под мышками, я сидел на кочке, чутко слушал, вглядывался в темноту. То, чего мне не удавалось распознать зрением, вскоре стало ясно по слуху. Табун, разойдясь широкой дугой, Медленно, пасясь, подвигался на ветер. То тут, то там слышалось ржанье. Вероятно, оно помогало лошадям ориентироваться. И мой серый тянул вслед за табуном.

Пришлось сколько-то пройти, чтобы снова углубиться в массу пасущихся лошадей. Они были много пугливее, чем днем, то и дело шарахались, обегали вокруг меня, чтобы зайти с подветренной стороны, опознать. Только тогда успокаивались.

Надо было найти Сашу, отдать ему одеяло. Я надеялся на случайную встречу. Между тем я заметил, что лошади не только вслушиваются в доносящееся со стороны ржанье, но и мой свист помогает им быстрее распознать во мне человека, друга. Стоило очередной группе шарахнуть, как я протяжно, успокаивающе, свистел, и лошади понимали мой сигнал, продолжали пастись. Звонко хрумкая, они стригли, срывали свежую, уже росистую траву.

Вдруг мне ответил свистом Саша. Мы сошлись и, кажется, оба обрадовались. Все же не с одними лошадьми хочется общаться человеку. О споре мы не вспоминали, стремление лошадей пастись на ветер, всякую опасность обойти так, чтобы ветер набросил ее на запах — все это было очевидным. Впрочем, Саша был верен своему методу, продолжал каждые 15 минут заносить в таблицу, куда идет табун.

Я расседлал коня, стреножил, пустил пастись, а сам устроился на потниках, укрылся одеялом. Лошади, наткнувшись на непонятный им предмет, начинали храпеть, обходили, собравшись полукругом, приближались все ближе, некоторые царапали копытом землю, вроде бы собирались проверить на одушевленность и меня. Поневоле приходилось сесть, свистнуть, отогнать их.

Мы вернулись в Каратам утром. В лагере уже не спали, все собрались.

Первый месяц работы в Каратаме я ездил на сером коне. И по облику, и по неугомонности он был настоящий джабе. Вспомнив науку, преподанную ему год назад Токаем, серый вскоре стал вполне надежным помощником. Одну только дурную привычку не удавалось у него угасить. С места он горячился, и стоило его тронуть — прыгал раз-другой вперед и вверх, как говорят наездники, делал лансаду, а потом уже переходил на ровный галоп. Когда знаешь привычки лошади и готов к ним, они не опасны, тем более что удержаться при лансаде на коне не столь уж трудно. Но ребята всегда с большим уважением наблюдали мой отъезд и не слишком надоедали просьбами «прокатиться».

Как это обычно у горожан да и вообще у людей, мало встречавшихся с лошадьми, ребята слегка путали обычную езду и обучение лошади с укрощением и вольтижировкой, горели желанием «прокатиться», а упрямяство и норовистость коня считали признаками горячего характера.

Катя занималась какое-то время в конно-спортивной школе, была посмелее в обращении с лошадьми. Однажды в мое отсутствие Катя надела на Рыжего уздечку и, посаженная подругой, села на неоседланного коня, проехала на нем. Табунщикам очень понравилось, как Катя держится на коне, и они охотно согласились взять девушек на сборы табуна. Я тоже не

возражал. Рано утром, когда вместе с Володей и Сашей мы собрались в степь наблюдать сайгаков, прискакал Жылкыбай, привел оседланную кобылу для Тани, а Катя поехала на моем коне.

Девушки вернулись, когда я, уже закончив работу в степи, сидел у Токая в юрте, тянул кумыс. Кисловатый и терпкий, кумыс не только утоляет жажду, как утверждал Токай, но и пьянит. Изрядно навеселе мы вышли из юрты, заслышав голоса табунщиков и девушек.

Какая чудная была картина: девушки в костюмах бикини на разгоряченных конях. Одежду они подстелили на седла, чтобы было мягче. Зато ремни стремян до крови натерли им икры — нужно бы надеть сапоги.

Катя и Таня, счастливые и усталые, с полным правом хорошо поработавших людей прилегли на кошму, облокотились на подушки, Нарима поставила перед ними пиалы с кумысом. Она добро и покровительственно относилась к нашим девушкам, они бывали в гостях у На-римы и Жаналай, вели какие-то женские дела, что-то срочно заказывали прислать из Москвы.

Саша ездил в табун на пегом коне — под стать седоку мощном и спокойном. Алатай (как называют пегих коней казахи) неплохо бегал, иной раз, возвращаясь из табуна, мы затевали скачки, и Саша накоротке всех обходил.

«Конные» успехи помощников меня радовали, но все же я стал подумывать завести себе более резвого конька. Как раз в нашу бригаду приехал молодой тренер, учившийся на алма-атинском ипподроме, а теперь тренировавший лошадей нашего конного завода. С его приездом в бригаде возобновилось обучение лошадей. Я старался не пропускать ни одного случая понаблюдать за работой табунщиков. Меня интересовала краткость приучения лошади к работе под всадником. Случалось, через два-три часа после поимки конь, раньше не знавший узды, был настолько послушен, что табунщик мог отправиться на нем в степь искать отбившихся лошадей. А ведь в армии нормальный курс обучения лошади составляет полтора года, даже в военное время меньше чем за три месяца выездку не заканчивают. Конечно, сравнивать эти школы верховой езды надо осторожно: и задачи, и число навыков, прививаемых лошадям, в них различны [7, 14].

Вопреки общему мнению лошадь отнюдь не умна и не сообразительна. И мир в ее глазах, конечно, выглядит совсем не так, как в наших. Вечерами мы нередко спорили о способностях лошади. Девушек огорч али мои насмешки. Лаская нашего коня, они заглядывали ему в глаза, улыбались, готовы были расцеловать, а я говорил, что кони не различают выражение лица человека, его глаз.

Впрочем, одно свойство у лошадей исключительно — их память. Иной раз, приучая лошадь менять направление, три, четыре раза сопроводишь указание повода прижатием шенкеля, и, смотришь, новичок уже слушается почти одних только шенкелей.

Замечательная память лошади вскоре доставила мне много хлопот. Дав неужу короткую передышку во время заездки, позволив полежать, я потом долго не мог избавить его от дурной привычки ложиться под всадником.

Задумав обучить коня с самого начала, я вместе с Токаем подобрал себе красивого трехлетку, вороного с белой звездочкой на лбу, ноги в чулках. Отец у него был кустанайской породы, мать — джабе. Выезжая на работу в табун, я теперь обязательно находил «своего» жеребчика, косяк, в котором он жил. Молодой жеребец был в приятельских отношениях с серой кобылой — родоначальницей целого клана лошадей. Токай показывал мне в табуне штук десять ее дочерей. Косячный жеребец — напарник серой кобылы — относился к ее роману с «моим» жеребчиком терпимо. По крайней мере удовлетворялся тем, что молодой при встрече со старшим опускал голову и хвост, направлял вперед по-ослиному уши и покорно позволял косячнику себя обнюхать. В конце концов тот заканчивал проверку на лояльность презрительным фырканием и отходил.

Кобыла относилась к своему молодому компаньону не только дружелюбно — в жару они подолгу вылизывали друг друга, а в свежую погоду стояли рядом, подставляя ветру головы. Она была на удивление терпелива, когда он раз за разом повторял свои попытки вскочить на нее. По неопытности он еще не умел это делать правильно, пытался делать садки сбоку, а то и на голову, если же подходил правильно, то не мог удержаться на задних ногах и быстро съезжал с крупа кобылы.

В один из июльских дней, когда табун пережидал жару, столпившись на террасе над Каратамом, Жылкыбай поймал «моего» вороного. Подождав, пока ему надоест рваться и прыгать, Токай осторожно завел конец другой веревки ему под бабку задней ноги, после чего уже было нетрудно его повалить. Тотчас я сел вороному на голову, не давая поднять ее от земли, а Токай тщательно связал ему ноги. Потом мы надели недоуздок, поверх него уздечку, седло, для верности Токай затянул еще и чересседельный ремень. Все застегивали старательно, на последнюю дырочку. Поводья замотали вокруг шеи, а к недоуздку привязали капроновый фал в палец толщиной, для верности пропустили его еще и в кольцо трензеля, отмерили махов пять свободной веревки и завязали конец ее за хвост укрючного коня. Потом сняли с обучаемого путы и разбежались. Токай — уже верхом на укрючном коне — тронулся вперед, потянул за

собой вороного.

Лошади по-разному ведут себя, когда им, уже взнузданным и оседланным, позволяют встать, тянут вслед за укрючным конем. Многие пытаются сопротивляться, упираются, рвутся в стороны, поднимаются на дыбы, прыгают козликом, бьют задом и, наконец, устремляются вперед. Обучающий ловит этот момент, старается вовремя потянуть неука за собой, и, как бы тот ни вилял из стороны в сторону, проходит несколько минут, и они уже мчатся по степи, совершая большой круг. Молодой, необученный конь при всем своем неукротимом поначалу норове жирен, невынослив, быстро взмокает, едкий пот заливает ему глаза. Еще немного, и морально он сломлен, стал равнодушен к своей судьбе, подчинился воле человека. У него уже нет сил сопротивляться.

Если круг сделан удачно, на неука тотчас садятся верхом. Со стороны кажется, что трудно, страшно сесть на едва-узнавшего седло коня. Между тем с этим справится даже неопытный наездник, лишь бы умел держаться в седле. И мне не раз приходилось помогать табунщикам.

— Ты тяжелый, вместе с сапогами, наверное, сто килограммов, конь быстро устанет, — говорили товарищи, приглашая помочь им.

Важно сесть в седло сразу, одним махом. Неука держат, ведущий заставляет своего коня натянуть веревку. Вставляешь ногу в стремя, берешься левой рукой за гриву, наматываешь прядь на палец, а правой рукой за переднюю луку, толчок правой ногой — ты в седле.

Обычный способ посадки — взявшись руками за переднюю и заднюю луки седла — опаснее. Волей-неволей, когда переносишь ногу через лошадь, отпускаешь правую руку, и, поддав задом, неук легко выбрасывает тебя из седла. Эти тонкости издавна известны конникам. —

Тотчас ведущий трогает вперед. Неук прыгает, мотается из стороны в сторону, но свобода его стеснена — веревка тянет вперед, всадник сжимает бока коня шенкелями, подгоняет плетью сзади. Круг, второй, третий по степи, и вот уже можно отвязать веревку от хвоста укрючного коня. Ее берет в руки ведущий, пропускает под ногой. Он одет в ватные брюки и, перегнув веревку через ногу, может вести неука за собой. Отвязывают поводья, всадник начинает приучать коня к узде.

Снова скачка по степи. Если молодой конь ведет себя спокойно, начинает слушаться поводьев, ведущий на ходу передает всаднику веревку. Снова ездят друг за другом. Молодой конь легче понимает, чего требуют от него поводья, прижимающие трензель к губам то с одной стороны, то с другой, когда впереди него другой конь и нужно лишь следовать его поворотам.

Бывает, что неук «тугоузды» — плохо слушается, норовит закусить удила. Тогда всадник начинает пилить ему рот уздой, норовит сорвать кожу, случается, подсекает углы рта ножом. Это грубые, но действенные приемы — лошадь с каждой минутой смиреет, становится управляемой (рис. 8).

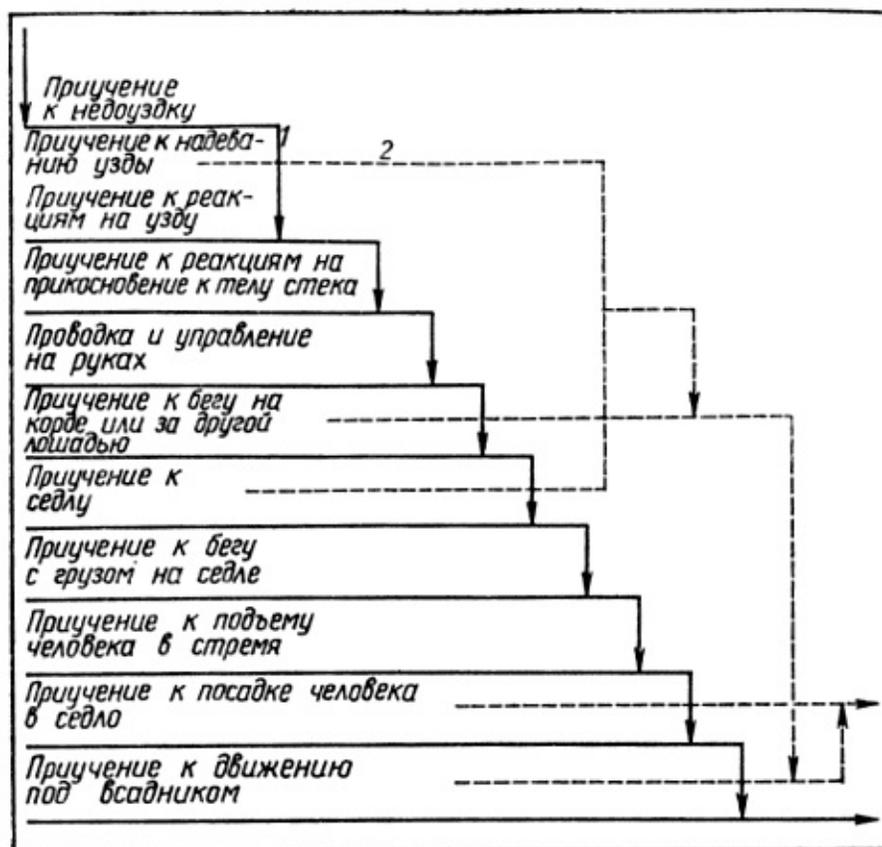

Рис. 8. Последовательность усложнения навыков лошади при выездке: 1 — обучение по методу Филлиса; 2 — обучение по методу казахской национальной школы

Так за час-два постигаются премудрости, которым на конном заводе где-нибудь под Москвой учат месяцами. Одному лишь подъему всадника в стремя обучают не один день. Сначала нажимают на стремя рукой, потом начинают вставлять в него ногу, привставать, пока, наконец, не сядут первый раз в седло. Тренер стремится, чтобы конь стоял не шелохнувшись, когда наездник поднимается в седло. А табунные кони, уже хорошо работая под всадником, иной раз никак не привыкнут стоять спокойно, когда на них садятся. Спрыгнуть-то проще: улучив момент, переносишь ногу и, оттолкнувшись от седла, стараешься приземлиться подальше — конь того гляди сделает свечку. А чтобы сесть на коня, в первые дни просят товарища поддержать его.

Среди молодых коней, впервые взятых в работу, не все активно сопротивляются обучению, рвутся, бесятся. Таких коней, в общем-то, несложно усмирить, направить их ярость по нужному пути — бежать вперед. По сути дела, от» коня требуют очень естественного для него ответа — бежать. Однако нередко неук предпочитает лечь, и эту форму сопротивления человеку сломить куда труднее.

Мой вороной, когда Токай потянул его веревкой вперед, не желал встать, волочился по степи, словно дохлый. Сначала его стегали плетями, потом Жылкыбай взял в руки жердь. Тем, кто не бьет животных, не стоит заниматься обучением лошадей. И это сказки, что наездники действуют только лаской да кормят морковкой. Столь же часто они действуют хлыстом и шпорами. Моего вороного поднимали на ноги ивовым прутом. Правда, Шокор бил умело, вдоль крупа, чтобы не поломать ребра. Однако жеребец вставал ненадолго, вскоре вновь ложился, волочился по земле. Еще недавно такой красивый и могучий, теперь жеребчик лежал на земле грязный, избитый, расслабленный. Впоследствии Токай говорил мне, что встречаются кони, которые сопротивляются до конца, не встают и не бегут вперед, что бы с ними ни делали. Однако мне было жалко вороного, я уже присмотрелся к нему и совсем не хотел, чтобы осенью он, как и всякая ненужная скотина, отправился на мясокомбинат. Обученный работать, он бы имел длинный век, служил бы табунщикам до глубокой старости. Присматриваясь к нему в табуне, Токай отмечал широкую и глубокую грудь («хорошо дышать может»), костистые и сухие ноги с укороченными бабками и большими прочными копытами. По мнению Токая, это были многообещающие признаки.

Посоветовавшись, табунщики перекинули вокруг туловища вороного веревку с петлей и, пропустив в нее свободный конец, протянули его под брюхо жеребца. Подстегиваемый снизу по чувствительным частям тела, вороной оживился, стал взлягивать, накидывать задом.

Важно было подвинуть жеребца на активную защиту, глядишь, он и побежал бы.

Наши старания оправдались. Вороной все-таки сделал круг, второй вслед за токаевым конем, я уже собрался садиться в седло, как лопнула подпруга. Как назло, кроме Токая и меня, все пришли пешком, так что взять подпругу было не у кого. Пришлось послать Володю в лагерь за запасной. Тем временем вороной снова лег. Этот получасовой отдых, как мне кажется, запомнился неуку, и он немало помучил меня впоследствии.

Наконец, надев новую подпругу, мы продолжили обучение. Снова используя веревку, пропущенную под брюхо, заставили вороного

стронуться с места. Токай протащил его по степи. Потом я вскочил в седло, и учеба пошла своим чередом. Уже через час я ездил на вороном по степи один. Он оказался понятливым коньком, быстро научился слушаться поводыев. Мы с ним, как казалось, вполне подружились.

Около двух дня, как раз к обеду, я подъехал к нашему лагерю, привязал коня к столбу, который мы хорошо вкопали и использовали как коновязь. Дав вороному отдохнуть и выстояться, я вечером сводил его к саю, напоил. Он шел за мной в поводу как бывалый конь.

Утром я собирался поехать на молодом коне в табун. Как обычно, в пять прозвонил будильник, минут десять я позволил себе понежиться: будильник спешил, и я нарочно его не поправлял. Звонок, конечно, слышали все, и эти «еще десять минут» сна были дороги моим товарищам.

Собравшись с духом, я выбрался из спального мешка, оделся, вышел из палатки. Над саем, над всем Карата-мом стоял утренний туман, трава посерела — вся в мелких каплях росы. Сначала я разбудил ребят, потом девушек. Еще через пятнадцать минут лагерь стал пустеть. Володя ушел по направлению к Биртасу работать с сайгаками, девушки в другую сторону, к Айгержалу, где в нешироких оврагах мы обнаружили довольно богатую и сложную по составу растительность. Александр Сергеевич уже привел своего пегого коня, чтобы ехать к табуну, но я попросил его задержаться, подержать вороного, пока я буду садиться в седло.

Мой красивый конек, за один день похудевший, со слипшейся шерстью — пришлось вчера попотеть, встретил меня очень спокойно. Без особых опасений я надел седло, проверил еще раз все застежки и, попросив Сашу подержать под уздцы, осторожно вставил ногу в стремя, вскочил в седло. Конь как-то закособочил, Саша немножко дольше, чем нужно было, придержал его, и мне не удалось послать вороного вперед. Мы сделали короткий вольт влево, конь стал оседать на задние ноги, и мы оба упали. Рассерженный, я тотчас повторил попытку, и снова конь пошел по кругу. Стараясь выслать коня вперед, я не жалел плети, мял конские бока каблуками сапог. Наконец, вороной скакнул раз-другой, выровнялся, галопом понес меня по степи.

Мне бы догадаться, что в родном табуне у вороного прибавится и сил, и упрямства. Надо было остаться в тот день один на один с конем. Я пересек по мелководью сай, миновал несколько старых мазаров (они-то и дали название урочищу: Каратам — черная могила) и поехал широким, каменистым плато туда, где должен был находиться ночью табун. Чуть показались впереди лошади, мой вороной заржал, галопом пошел к табуну. На его ржанье тотчас откликнулась серая кобыла. Ведь надо — узнала по

голосу, бросила косяк и примчалась к своему другу. Вороной пока еще слушался поводыев. Вскоре табунщики, объехав вокруг распущенный по степи табун, начали теснить лошадей, подгонять ближе к дому.

Подъехали Токай с Жылкыбаем, Саша, спросили, доволен ли я вороным. Вроде бы жаловаться было не на что. Вскоре табун, уже собранный в плотную массу, пошел к Каратаму. Как назло, вороной заупрямился и вдруг лег. Раньше мне не приходилось встречаться с такими проказами. От неожиданности я довольно неловко повалился вместе с конем, долго выбирался из-под него, кляня и себя, и упряма. Вороной встал, однако стоило мне сесть в седло, проехать считанные метры, как он снова улегся. Так повторилось раз пятьдесят. Я уже не пугался, не падал, только вынимал ноги из стремян, оставался стоять рядом с конем. Однако заставить его везти меня не мог.

Уже начинала давить жара, я проголодался, устал, а ничего не менялось: упрямая, ленивая лошадь, пустынная степь и вконец измученный, неудачливый наездник.

Ничего не оставалось, как бросить коня и идти за помощью. Скрутив из веревки путу, я стреножил вороного. Он не сопротивлялся. Мне кажется, что кони не понимают, зачем их путают, по крайней мере даже самые ретивые жеребцы позволяют себя связать. Поразмыслив, я расседлал коня. Если подпруга ослабнет и седло слезет под живот, дело может кончиться бедой, перепуганный конь понесет, не разбирая дороги.

Не скоро я пришел в Каратам. Под палящим солнцем я едва брел по степи и, добравшись до нашего сая, не выдержал, сбросил одежду и искупался, благо в лагере было пустынно, все отсыпались по палаткам.

Обед еще не остыл. Я в одиночестве поел, и на душе стало легче. Днем я никогда не спал, не мог заснуть в жару, тем более сегодня была забота. Хотелось привести вороного домой и продолжить обучение. Я придумывал массу способов отучить его от дурной привычки, но, конечно, больше всего уповал на Токая. Старый, мудрый Токай, конечно бы, подсказал выход.

Я дошел до стоянки бригады. У коновязи стоял конь с богато украшенными чеканной медью и серебром седлом и уздечкой. Видно, кто-то приехал. Я заглянул в юрту Токая. Жаналай сказала, что отец вместе с Жылкыбаем уехал на поиски лошадей. Когда он вернется, дочь не знала, но думала, что не скоро — Токай взял с собой шубу, значит, думал ночевать. От Жаналай я узнал также, что приехал зоотехник отделения, он остановился у Мар-вахата.

Обескураженный, я вернулся в лагерь, заглянул в палатку к ребятам. У входа, по-богатырски раскинувшись, в своей неизменной зеленой робе и

огромных ботинках, спал Александр Сергеевич. Я осторожно разбудил Сашу и попросил помочь мне привести вороного. Милейший Александр Сергеевич, не сетуя на меня за недосмотренный сон, тотчас согласился. Вскоре он привел своего пегого, мы взгромоздились на него вдвоем — коню досталась нелегкая ноша — и потихоньку тронулись в степь.

Вороной после моего ухода не сошел с места. То ли устал от учебы, то ли не умел ходить спутанный. Мы быстро все наладили. Саша взял на себя роль ведущего, а я вскочил на вороного. Как обычно закособочив, он через несколько минут стал оседать назад и вскоре лег. Саша не слишком удачно управлял своим конем, тот запутался в веревке, испугался, поднялся на дыбы. В какие-то мгновения я увидел занесенные над собой копыта, а потом тяжелый удар по голове свалил меня на землю. Кое-как справившись с конем, Саша спрыгнул и помог мне сесть. Я чувствовал, как намокли от крови волосы, ушибленное место болело, однако не так уж сильно, как я бы мог предполагать. Оказывается, голова способна выдержать не очень сильный удар копытом.

Через некоторое время я совсем пришел в себя, и мы продолжили наши занятия. Правда, сесть на коня я уже не пытался, повели его на привязи за пегим.

В тот день в табун я уже не пошел, отлеживался. Вороной мирно стоял у коновязи. Вечером я привязал его на длинную веревку в стороне от палатки, чтобы мог подкормиться.

Обучение продолжалось на следующее утро. На этот раз помог мне сесть в седло Боря. Он, правда, не преминул заявить, что «и с молоду лошадей боялся, а теперь, в двадцать семь лет, и подавно к ним не подойдет». Однако все получилось лучше, чем накануне. Я успешно тронулся с места, отправился по Каратаму, некоторое время ездил взад-вперед, потом поехал к юртам. Конь зоотехника у коновязи заржал, и тотчас мой вороной ему ответил, пошел боком, стал подгибать под себя голову — собрался «козлить». Тут мы с ним и закончили прогулку. Немного пофокусничав, он опять лег. Как раз из юрты вышел зоотехник.

— По храпу, по храпу бей, — закричал он, видя, как я плетью пытаюсь поднять вороного на ноги. — Нос ему разобьешь, и встанет.

Зоотехник не оставил меня без помощи, стал тянуть вороного вперед, я подгонял сзади. Объединенными усилиями мы, наконец, взбудоражили коня, подвели к коновязи. Следуя приглашению своего нового знакомого, я зашел в юрту Марвахата. Хозяйка была очень приветлива, угощала чаем со сливками, баурсаками, всякой снедью. Одновременно она продолжала сбивать в деревянном бочонке свежий кумыс. Посидез, сколько нужно было

для вежливости, я ушел, уведя коня в поводу.

Токай вернулся лишь на следующий день. Отбившихся лошадей удалось найти больше чем за тридцать километров от нас. Их увела старая кобылица, недавно переданная в наш табун. Хотела вернуться в свои родные места.

На рассвете Токай заехал за мной, взял на веревку вороного, мы поскакали в табун. Обернувшись ко мне, Токай советовал:

- Пили уздой губы, у него рот еще целый, ничего не чувствует.

Я старался изо всех сил, елозил удилами справа налево.

Если будет ложиться, дергай узду на себя, он сразу вспомнит.

Странное дело, обдумывая методы обучения лошадей, я как-то мало придавал значения узде. Между тем именно она — орудие укрощения. Как железные бусы на лобном ремне северного оленя, как пуговица в ноздре верблюда.

Уже в табуне Токай передал мне веревку, я стал ездить самостоятельно. Беспомощности, недавно владевшей мной, не стало. Узда, как палочка-выручалочка, тотчас помогала мне, когда вороной, приустав, начинал упрячиться, так привычно для меня осаживать назад.

И на следующее утро Токай протащил меня за собой до табуна. А потом уже в этом отпала нужда. Вороной конек со звездой, ноги в белых чулках, стал моим послушным другом. Он еще сердился, жевал удила, взбивал розовую пену в углах стертого железом рта, но те несложные навыки, которым я хотел его научить, осваивал быстро.

Кончились дни, когда девушки завидовали ребятам, их вольной работе в степи. Теперь весь наш коллектив занялся ритмом пастьбы лошадей, а в перспективе еще и овец. Нудная работа. В записях нескончаемая смена: «пасется — идет — пасется — идет», а в правой колонке — часы, минуты, секунды.

Интереснее, кому досталось наблюдать за косячным жеребцом. Он беспокойнее, каждые полчаса, бросив пастьбу, отправляется в странствие по табуну. Встретившись с другим косячником, он обязательно подойдет, по том жеребцы встанут нос к носу, потянут ноздрями воз дух, иногда взвизгнут, скребанут передней ногой. Драк| в это время не бывает, да и косячник отправляется по! табуну с мирными намерениями: узнать, кто соседи справа, кто слева, а может быть, интересуется еще чем-то, обо! всем ведь не догадаешься, судишь только по его пове-1 дению.

Еще меньше, чем косячники, пасутся жеребята. Им легче прожить, они ведь предпочитают сосать своих мам, чем щипать траву. И беззаботный малыш бездельно бродит вокруг, задирает сверстников — кусает за шею и

мчится прочь, то ли испугался, то ли приглашает поиграть. Жеребята любят полежать в траве, любят, когда им чешут под гривой. Если мать не обращает на них внимания, протискиваются у нее под шеей, мешают пастись, даже грозят лягнуть, лишь бы их почесали.

Легче всего наблюдать, когда табун широко разбредется по степи, лошадь от лошади пасется не ближе пяти метров. Тогда все успокаивается, только слышен хруст срезанной зубами травы.

Нередко мы берем под наблюдение какой-нибудь один косяк, так интереснее, легче понять, что заставляет лошадей менять ритм пастьбы. Тон задает старая кобыла. Остальные пасутся вокруг нее, постепенно совершая полный круг. Тогда она бросает пастьбу, пересекает уже стравленное место и, пройдя еще немного, продолжает кормиться. Вновь компаньоны догоняют ее, выедают траву вокруг.

Нам нужно узнать, сколько съедают лошади травы. Кто-нибудь забегает вперед косяка и садится, оберегая от лошадей часть пастбища. Подождав, пока косяк закончит пастись, мы отмеряем квадратные площадки на использованном и уцелевшем месте, срезаем траву, прячем ее в пакеты, чтобы потом взвесить.

Чтобы определить аппетит лошадей поточнее, мы придумываем другой способ. Верховых лошадей водим и кормим на пастбище в поводу, считаем, сколько они сделали щипков, а потом срезаем оставшуюся траву, узнаем, какова убыль в сравнении с контролем.

Результат удивляет. Один щипок дает лошади всего три грамма травы. За сутки ей приходится сделать почти тринадцать тысяч щипков, пастись больше девяти часов, а если отбросить время переходов по пастбищу, шесть часов непрерывно щипать траву.

Водить коня по пастбищу особенно нравится девушкам. Они торгуются со мной: «Он уже целый час щипал, можно мы теперь на нем покатаемся?»

Жарко. Степь порыжела. Воздух над ней колышется. Когда смотришь в подзорную трубу, все плывет, очертания размыты. Утренние росы слабы, степь быстро продыхает, накаляется. Уже к десяти часам все живое замирает, пережидает зной. И мы возвращаемся к палаткам, бредем, взбивая фонтанчики пыли.

Хочется пить, но вода в молочных флягах нагрелась, прогоркла. Мы пробуем по примеру чабанов закапывать фляги в землю, накрываем брезентом, но этого мало. Я обязываю Борю каждый день к нашему возвращению привозить ключевой холодной воды. В первый раз он отказывается, ворчит. Но назавтра уже сам доволен такой работой. Спать по

утрам уже не дает жара. А на ключе он может умыться, полежать у прохладной воды, плеснуть ведро-другое в кузов машины. Боря любит, когда у него «дома» чисто.

Задул суховей. Воздух посерел от пыли. Неистово хлопают на ветру палатки, то и дело приходится крепить оттяжки, глубже загонять кольца. Пакеты с травой, обычно гроздьями развешенные на оттяжках палаток, приходится снять, чтобы не унесло. Впрочем, трава в них уже высохла.

В суховей трудно работать и невозможно отдыхать. Я вернулся первым и теперь маюсь, не могу ни спать, ни читать. Внутри как-то муторно, наверное, пошаливает сердце.

Вдруг лагерь оживился. Вернулись ребята.

Натянув рубашку, я вылез наружу, покрутил на ниточке пращ-термометр. Оказалось только тридцать два градуса. Думалось, что под сорок.

Лагерь снова затих, лишь один Володя по обязанности дежурного завел паяльную лампу, занялся обедом. Кроме него, ничто не шевелилось в Каратаме. Тихо было в стане табунщиков. Неподвижно стоял за саем табун.

Сегодня ни читать, ни писать, ни даже думать невозможно. В палатке душно. Мучительно медленно тянутся минуты. Временами тихо позвякивает кастрюлями Володя. Наконец, он забарабанил по котелку, закричал привычное: «Миски на стол!»

Мы собрались за столом, и это была уже совсем не та яркая, разнообразная компания, всего месяц назад лихо прикатившая в Каратам. Все уже загорели, пообтерлись, стали чем-то похожи.

Пока мы обедали, в природе что-то случилось. Появились на небе, стали густеть, наливаясь чернью облака, сильнее рванул ветер. Минут через двадцать огромная, в полнеба туча двинулась откуда-то с юга.

Кажется, прямо к нам, и пообедать не даст, — сказал Володя.

Давайте в палатку.

Ребята засуетились, озабоченные обедом. Между тем от юрт к табуну поскакал всадник. Еще не зная, что он хочет предпринять, я нырнул в палатку, насколько мог быстро разыскал в сумке резиновую куртку (брал с собой и не думал, что понадобится), натянул сапоги, прихватив плетку, побежал к коню. Пока привел его к лагерю, пока седлал, первые капли дождя уже барабанили по степи, взбивая маленькие столбики пыли. Ребята, забравшись под большую палатку, следили за моими сборами.

Два желанья заставляли меня торопиться. Хотелось посмотреть, как ведут себя лошади в грозу, хотелось помочь Сабунщику, если потребуется. Когда я скакал к табуну, уже бушевала гроза, били удары грома, сверкали

молнии. Казалось, порывы ветра мгновениями останавливают вороного, он упирается, ложится на них грудью, пробивается вперед.

Я немного не рассчитал, переезжая сай, вбухался так, что вода затекла в голенища сапог. Потом конь одним рывком вынес меня по обрывистому берегу наверх, к бугру, где толпились встревоженные лошади. Капли, еще секунды назад бывшие порознь, слились в струи, косыми занавесями встали на пути.

У табуна дежурил Жылкыбай. Я стал неподалеку от него. Табун постепенно обтекал нас, лошади повернулись спиной к ветру, впрочем, как и мы с Жылкыбаем. Близкий треск молний и удары грома пугали лошадей, они шарахались, порывались бежать, нам приходилось свистом, криками их сдерживать, успокаивать.

Дождь перешел в град. Зеленая степь вмиг стала белесой. Усилился шум. Временами я чувствовал страх, настолько сильна была гроза. Наверное, и Жылкыбай был благодарен мне за то, что не одинок.

Гроза чуть отодвинулась, вокруг посветлело. На нашем стане вместо привычных силуэтов палаток водили под дождем хоровод полуголые ребята. Лагерь, вероятно, снесло ветром. Я взглянул в сторону юрт. Вместо трех стояли лишь две.

Я махнул рукой Жылкыбаю. Он весело засмеялся, крикнул:

— Одна юрта упала. — Присмотрелся получше, перестал смеяться, ахнул — Моя юрта упала. — И понесся к дому. Гроза уже кончалась.

Оставив табун, я вернулся в лагерь. Дождь расслабил землю, и она отпустила все колья, палатки рухнули. Самое обидное — подмокли пакеты с укусами травы. Перед грозой ребята забросили их в палатку девушек.

Теперь там по щиколотку стояла вода. Надо было все восстанавливать, сушить.

Стада сайгаков подходили к Каратаму по какому-то своему, непредсказуемому расписанию. Случалось, тысячи их пересекали степь, скапливались у пробных площадок, ложились на отдых неподалеку от сая.

Наблюдать за небольшими группами было легче, глаз успевал проследить за отдельными сайгаками, запомнить их. Так мы убедились, что группы непостоянны, сливаются и делятся каждый раз по-разному. Только матери с малышами оставались неразлучны.

Понятно, что скорее всего наше внимание привлекали сайгаки, ведущие группу, — вожаки. В смешанных стадах, где были и самцы, и самки, и ягнята, вожаком бывала одна из самок. Любопытно, что если в стаде самцов была хоть одна самка, она и вела всю рогатую компанию.

В таких случаях мы не ленились специально вспугнуть сайгаков,

чтобы убедиться в правоте своих предсказаний. Вообще опыты с вспугиванием сайгаков стали нашим излюбленным занятием. Нам хотелось научиться предсказывать, куда побежит стадо. Можно ведь было с уверенностью сказать, куда побежит лошадь, овца. Почему же нам не удавалось сделать это в отношении сайгаков?

Несколько дней мы вспугивали сайгаков без всякой системы, чтобы «попробовать». Потом я решил упорядочить это занятие. Володя или Саша, встав во весь рост, не торопясь, не крича и не размахивая руками, шел прямо к сайгакам. Одновременно он считал шаги, так что мы достаточно точно определяли, на каком расстоянии сайгаки обратили внимание на пешехода, подняли головы, заволновались и с какой дистанции стадо приходило в движение. Пригнув головы к земле, как бегуны на короткой дистанции, сайгаки набирали скорость, уносились прочь, чаще скрывались за горизонтом, иногда только отбегали подальше, продолжали пастись.

Такие опыты я уже проводил со многими животными, и тем неприятнее мне было сомнение Саши. Он объяснял:

— Пешеход для сайгаков в новинку, так что наши опыты ни о чем не говорят. Нужно гоняться за ними на машине, как охотятся заготовители и браконьеры.

Было решено понаблюдать, как поведут себя сайгаки, вспугнутые машиной. Я рассказал Боре о намеченных гонках. Было важно, как он воспримет мое предложение, приказ тут не годился.

Боря буквально загорелся, едва дождался вечера. Ребята умоляли взять их в кузов, пришлось отказать. Кто работал на ГАЗ-66, знает, что при всех своих достоинствах это неустойчивая машина: слишком облегчен зад, его легко заносит, машина ложится на бок.

Пока мы собирались на «охоту», как окрестил нашу затею Боря, я уже охладел к ней. Не мы первые собирались понять сайгаков на машине, и я примерно знал, что при этом происходит. Оставалось убедиться самому.

Под вечер мы выехали в степь. Первая же группа сайгаков стала подопытной. Едва мы приблизились, как стадо пришло в движение. Из кабины я хорошо видел, как то в одном, то в другом конце стада выскакивают вверх и вперед сайгаки. Такой прыжок называют «смотровым». Никто не знает, в чем его смысл. Подпрыгивали не вожаки, и не на нас смотрели эти сайгаки. Сигналить как будто тоже было некому, соседи по стаду и так были испуганы донельзя.

Стадо сначала помчалось от нас, потом взяло наискось, нам наперерез. Боря прибавил скорость, мы быстро сближались со стадом. Оно стремилось перебежать нам дорогу во что бы то ни стало. Боря шел под

семьдесят километров в час, и все же сайгаки обогнали нас, помчались налево и наискось. Я попросил Борю отпустить их с миром. Конечно, эта гонка имела мало общего с опытами с пешеходом.

Мы стали подъезжать к стадам потихоньку, каждый раз прибавляя в скорости по пять километров. Примерно с тридцати километров в час сайгаки начали перебегать нам дорогу. Желания обогнать более медленно идущую машину они не проявляли. Оставалось понять, что порождает такое странное поведение. Мы стали ездить рядом со стадами сайгаков, принимали во внимание и ветер, и наклон местности, и направление их прежнего движения. Пожалуй, было существенно лишь, как далеко в стороне от нашего пути находились сайгаки. Те, что были поближе, поступали, с нашей человеческой точки зрения, неразумно: бежали нам наперерез, а потом прочь. Вероятно, они не улавливали небольших различий в направлении нашего движения. Быть может, кидаясь наперерез, они лучше ощущали, что бегут под углом к нам, надеялись скорее удалиться. Когда на байдарке пересекаешь водохранилище и к тебе приближается «Метеор», тоже гребешь ему наперерез и понимаешь свою ошибку, только оказавшись едва не под носом корабля. А до этого уверен, что плывешь правильно. Кажется, останься на месте, и корабль налетит прямо на тебя.

В Каратаме сайгаки задерживались ненадолго. Проходное было у них место. Меня тянуло к Котурсаю и возвышавшемуся над ним Котуртасу. От этой высокой по местным меркам сопки начиналась ровная степь, уже недалеко было и до хлебных полей. Там за Котуртасом было сайгачье царство.

Всем хотелось туда поехать, в Каратаме уже начало надоедать, хотелось нового места, новых впечатлений. А мы поехали втроем — с Володей и Сашей. Хоть и не говорили об этом, но все трое помнили прошлогодний маршрут, гипсовые пустыни, лихие времена. К тому же мне хотелось поехать налегке, чтобы при случае без труда перекочевать.

Мы ушли на Котуртас пешком, ведя навьюченных коней — моего белоногого и Сашиного алатая — в поводу. Дорога была уже хорошо знакома, тропинки набиты табуном. Только степь была не та, что в начале июня. Высохла почва, пожелтела трава, лишь у воды, на болотцах вдоль сая ярко выделялись темно-зеленые лужайки. Пятна свежей травы выделялись в ложбинах по склону Котуртаса, там, где еще замерзли ключи. В одном из таких мест, не смущаясь, что придется ставить палатку на склоне, мы и оборудовали стоянку.

Саша напевал потихоньку: «то ли дело под шатрами в поле лагерем

стоять». Все так и было: шатер, стреноженные кони и степь. Видно было на десять километров.

Рядом с палаткой стояли на треногах наготове подзорные трубы. Осмотрелись мы в первые же минуты. Вся сайга собралась на склонах Котуртаса и соседних сопок, сборища получились тысячные. Внизу, в открытой степи сайгаков оставалось немного, все маленькие группы. И они потихоньку подымались вверх. Наверное, на склонах было прохладнее, а может быть, легче выбить ямку в сухой земле. Сайгаки не любят лежать на траве, стараются устроить себе песчаную лежку.

Мы заранее обговорили планы. Саше предстояло прямо от лагеря вести наблюдение, картировать все подвижки сайгаков, а мы с Володей собирались пройти по равнине, если сможем добраться до хлебных полей.

В шесть вечера стали подниматься с лежки сайгаки, тронулись в путь и мы. Шли не торопясь, смотрели вправо и влево, старались получше понять, как живет здесь сайга: куда и зачем ходит, что ест, чего боится. Расстояния в степи обманчивы. Мы быстро поняли, что до вечера далеко не уйдем. Стали выглядывать пригорок повиднее, установили подзорную трубу. Сайгаки, еще недавно лежавшие одним трехтысячным сборищем, группами по двадцать, по двести, каждая в своем темпе, с выпасом двигались из сопки на равнину.

При шестидесятикратном увеличении морды сайгаков казались совсем близкими, я отлично видел их глаза, причудливо горбатые носы, видел, как они щиплют траву. Сайгаки паслись точно так же, как это делают небольшие группы архаров: двигаясь все вместе то в одном, то в другом направлении, держась довольно близко друг к другу. Казалось, они старались аккуратно, строчка за строчкой стравить участок степи. Я подумал, что мы могли бы измерить, сколько они съели здесь травы. Достаточно было бы сравнить количество травы на том месте, где сейчас паслись сайгаки, и на сходном участке по соседству. Мысли одна счастливее другой теперь осеняли меня. Подсчитаем, сколько времени в сутки пасутся сайгаки, сколько делают щипков в минуту, много ли срывают за один раз. Да ведь таким путем мы сможем установить рацион сайгаков! Этого еще никто не делал. Тут же я припомнил, что в Туркмении питание овец изучали, имитируя их пастьбу. Зоолог шел сзади овцы и срывал траву, повторял ритм ее пастьбы. Не так уж быстро удавалось ему наполнить мешок травой. Доле овцы в пустыне не позавидуешь. Чтобы наестся, ей нужно сделать семь тысяч щипков.

С удвоенным интересом мы продолжали наблюдать за сайгаками. Володя записывал под мою диктовку, а я, не отрываясь от трубы, считал

шаги, щипки одного из животных. Нашего терпения хватило почти на час. Потом я хорошенько приметил место, где паслись сайгаки, и отправил туда Володю. Антилопы заметили его, один из сайгаков резко вспрыгнул вверх и вперед, тотчас вся группа, низко опустив головы к земле, понеслась прочь. Я не отрывался от трубы, чтобы не потерять места пастьбы. Было хорошо видно, как Володя ищет следы кормления сайгаков. Жестами я пытался помочь ему. В конце концов мы стали искать вдвоем, но безуспешно.

Мы отправились на поиски другой группы сайгаков, вскоре ее нашли, снова ждали, пока следы кормежки, казалось, будут очевидными, и снова не смогли их отыскать.

До вечера мы неоднократно повторяли наши попытки. Основной травой в степи был типчак, рос он небольшими округлыми дерновинками. Между ними проглядывала красная земля. Не знаю, как получилось — я попробовал «щипать» типчак и неожиданно для себя открыл, что по краям дерновинок трава слабо укоренена, легко выдергивается. Конечно, дерновинка уменьшалась, но заметить это было нелегко. Совсем не так, как при наблюдении за лошадьми, которые срезают траву точно ножницами.

Огорчившись, что надежды на интересные наблюдения развеялись, я решил проверить неожиданный факт по-другому. Если сайгаки выдергивают типчак из дерно-вин, а не срывают его, это может ухудшать возобновление травы в степи.

Через несколько дней, вернувшись в Каратам, мы выщипали на одной из наших опытных площадок половину дерновины. Собранную траву взвесили. Я надеялся, что общий урожай травы за лето здесь окажется меньше, чем там, где, подражая лошадям, мы срезали траву ножницами. Увы, в тот год это не подтвердилось. В полупустыне типчак не давал отаву. Что выросло в начале лета, то и составляло общий урожай, ешь его в июне или в августе. Впрочем, быть может, выщипывание сайгаком дерновины сказывается на следующем лето?

Палатку мы поставили выходом вниз по склону, на простор. Когда проснулись на рассвете, что-то и спать в те ночи не хотелось, отбросили входные полотнища, прямо из палатки наблюдали, как появляется издали сайга, пасется по долу, понемногу сливается в группы все большего размера, подходит к подножию холмов. Часам к одиннадцати сборища сайгаков уже отдыхали на склонах Котуртаса.

За четыре дня, что мы собирались провести в этих местах, хотелось, помимо прочей работы, еще и сфотографировать сайгаков «в упор» и добыть несколько животных. У меня были лицензии на научный отстрел. Конечно, не вся туша могла поместиться в банках с форма-

I

лином, волей-неволей что-то пришлось бы опустить в котел. На охоту я отправил Володю, а фотографировать взялся сам. Первые маневры я попытался делать открыто — словно гулял по степи и невзначай понемногу приближался к сайгакам. Они подпускали меня не ближе двухсот пятидесяти метров, так что я еще раз убедился, что измерения, сделанные Володей с Сашей, были верны.

Я попробовал подползать, точнее, подвигаться к сайгакам на четвереньках. Ползти с дорогим фотоаппаратом, да еще с громоздкой треногой я не мог. И этот способ не удался.

Наконец, я решил испытать свое счастье из засады. Но где было укрыться посреди степи? Оставалось просто залечь на ровном месте, надеясь, что сайгаки меня не опознают. Мы уже примерно знали маршруты движения групп в окрестностях лагеря. Дело было утром, когда сайгаки идут вверх, в сопки, и я устроился у них на пути, направил объектив навстречу.

Что-то поначалу мне не везло. То группа проходила не близко, то мне не нравился кадр. Я снимал «Салютом», а у него, как известно, «лягушачья» экспозиция: снимаешь всегда с нижней точки, потому что смотришь в видоискатель сверху. Есть умельцы, что держат «Салют» при съемке над головой, перевернув видоискатель вниз. Но для этого требуется немалая сноровка, которой я не обладал.

Я укрепил фотоаппарат на треноге, словно снимал не пугливых сайгаков, а отдыхающих на пляже, все приготовил и стал ждать. Потребовалось терпение. Группы сайгаков благополучно миновали меня. Один самец даже остановился в недоумении, долго смотрел на меня, видно, силясь понять, что это такое — на пяти ногах и в шляпе. Потом мне повезло. Большое стадо вышло на меня прямо в лоб. Первые снимки я делал еще издалека, потом стал экономить кадры. Дождался, что сайгаки обступили меня со всех сторон. Это правда — некоторые кормились в десятке метров! Только те, которые могли со мной столкнуться, вдруг начинали меня рассматривать, даже шарахались на пробу — не погонюсь ли. Но я стоял неподвижно, только руки крутили рукоятки.

Когда надоело снимать с одного места, я стал подходить к группам. Только сгибался и держал треногу с фотоаппаратом перед собой. Стада подпускали совсем близко.

Когда рассказывал в лагере ребятам, сам удивлялся такой непонятливости сайгаков. Володя слушал ревниво. Он принес на себе хорошего рогача, добыл его с великим трудом, несколько часов подползал

на животе к стадам, караулил их, затаив дыхание.

Когда снимали с головы сайгака шкуру, случайно резанули под глазом, вскрыли мешок подглазничной железы, испачкались в пахучем секрете. Запах потом преследовал меня не один день, не хотелось и мяса. Казахи считают эти железы ядовитыми, выбрасывают голову или хотя бы вырезают железы. Наверное, не на всех людей запах действует одинаково. Саша с Володей отнесли к нему куда равнодушнее, чем я.

Возле костра мы бы чувствовали себя как дома. Но мы не зажгли костер, словно были в дозоре. Притаились, слились с темнотой. Неподалеку маячили силуэты стреноженных, пасущихся коней.

Далеко за полночь мы говорили о степи, о себе, о будущем. И были уверены, что все состоится, всего добьемся. Степь открылась нам, стала своей, не опасной.

Два года назад меня привез к Токаю начконь, перечислил, как принято, тех, кто меня прислал:

Замминистра написал, начальник областного управления написал, начальник районного управления написал, директор конезавода мне сказал, я тебе говорю: «Вот товарищ из Москвы, будет с тобой работать».

И вдруг все мои поручители приехали в Каратам. Один за другим подкатили к нашим палаткам три газика, и начальство, важное, нарядное, оказалось в нашей молодежной компании. Как раз у Кати поспел обед. Мы пригласили гостей к столу, поставили перед каждым миску каши и кружку компота. Они веселились, как дети:

Манную кашу едят! Мы будем манную кашу есть! Компот вместо коньяка!

Громоздкие немолодые мужчины от души радовались нашему угощению, компании, молодости. Потом мы вместе осматривали табун. Начальство оказалось дотошным и опытным, сразу заметило, что кони пока ненагуляны — мешали жара и гнус. Бедный Токай огорчился, пытался спорить, хотя и он понимал, что правы приезжие, слишком подолгу стоит табун «в кучку», лошадям и душно, и голодно. Их бы угнать подальше в мелкосопочник, где попрохладнее. Не держаться за насиженный Каратам.

Вечером собрались в юрте бригадира. После барашка, после чая с баурсаками завязался общий разговор о пастушестве, о степи, о лошадях. Заместитель министра Казахстана припомнил нашу встречу в Алма-Ате. И вдруг мне предложили создать проект «Города животноводов». Говорили о городе, потому что хотели подчеркнуть, что все здесь будет по-новому. Однако мне да-валг полную свободу, возможность преобразовать животноводство области так, как это подсказывала наука: и

современная, и древняя. Проект можно было осуществить по договору между Академией наук и областными организациями.

Вернувшись домой, в лагерь, я долго обдумывал предложение. О сне и не думал. Записывал при свече возможные этапы работы, подсчитывал, сколько понадобится помощников, сколько лет труда.

Основу проекта, конечно, должна была составить карта пастбищ. Мне казалось несомненным, как много вреда приносит животноводству идея так называемых «всесезонных» пастбищ. Копытные любят длинную дорогу. Известны маршруты кочевий казахов, они были во много раз длиннее, чем в наше время. Отец Токая уходил на зимовку из Тургая в Кызылкумы и Приараль-ские Каракумы, это пятьсот километров по прямой. В малоснежной пустыне он кормил лошадей зимой, когда начинало теплеть, кочевал вслед за отступавшей снежной линией к северу, стараясь кормить табун только молодой зеленью, столь богатой питательными веществами. Старики понимали, что в июле нечего делать в жарких степях — надо уйти на север или в сопки, скармливать здесь траву, пока она свежа и доступна, зимой ее не возьмешь. При таком землепользовании на тех же пастбищах можно прокормить вдвое больше скота.

Как-то все это нарушилось. Области размежевались, поделили пастбища, словно все это не одно государство. Опять же решались проблемы быта казахов. Только вот что неправильно: тянули пастухов, а с ними и табуны поближе к библиотекам и баням, как будто нельзя было наоборот.

Конечно, все это нелегко восстановить. Ну да это не моя забота. Наше дело — проект, обоснования, расчеты. Многое найдем в книгах, кое-что сделаем сами: проследим, когда зеленеет трава, зацветают пустыня, степь, горы, рассчитаем сроки движения, нормы пастьбы.

Одной ботаникой не ограничимся. Маршруты нужно наметить естественные, чтобы табун сам шел, куда надо. Как говорил Токай: «Лошадь, как инженер, степь знает лучше нашего». Конечно, он преувеличивал. Расспросив старых чабанов, можно будет восстановить пути былых кочевков, ведь они уточнялись сотни лет. Но этого мало. Выпросим несколько сот лошадей, наденем на них номера, видные за километр, а может быть, и радиопередатчики. Будем следить, какие пути они выберут. Получится ли? Ведь лошади давно забыли, где они — Кызылкумы. Эта память передается от матери к дочери, от косячного жеребца — сыновьям. Теперь и лошадям надо все запоминать заново.

Да, с передатчиками! Этот нехитрый прибор поможет во многом. Даже во время ночных дежурств. Пастух завернулся в тулуп, дремлет, а на

другом конце табуна волки ловят жеребенка, косячник сражается в одиночку. Мы повесим ему на шею передатчик в паре с шагомером. На табун нужно тридцать передатчиков, у табунщика — приемник. Все спокойно — пастух слышит: «бип-бип-бип», шагомер отсчитывает неторопливые шаги жеребца. Напала стая волков, сумятица в табуне — в приемнике разом зачастили гудки, тут и лентяй проснется.

Вообще над управлением табуном мы поработаем. Это наш любимый вопросик. От предвкушения возможных находок, удач я даже засмеялся. Да, предстояла

горячая работа.

Мысли бежали дальше. Я представил себе бригады на дальних дорогах. Пойдут ли люди на это? Теперь все тянутся к теплу, к телевизору. Но почему без них? Строить базы. Пусть они будут открытыми для всех бригад, лишь бы по-хозяйски к ним относились. Конечно, ремонт, подвоз горючего, продовольствия должны быть обеспечены. Одному хозяйству здесь не справиться: велики расстояния, разные области. Надо создать мощные управления: со своим транспортом, авиацией, связью. На пастбищах нужны резервные запасы сена, кошары, заслоны от ветра, изгороди.

Да, изгороди — это трудно, но очень важно. Их надо расположить так, чтобы стада шли словно в широких коридорах. И чтобы изгороди не мешали, а помогали животным пастись: направляли их на лучшие пастбища, предупреждали отколы в сторону. Здесь большой опыт у австралийцев и американцев. Хорошо бы съездить в Австралию, самому посмотреть, как обустроены пастбища.

Спланировать правильно систему изгородей — это очень сложно. Тем более что предстоит пасти лошадей, овец, коров, верблюдов, и здесь же необходимы сайгаки, джейраны, куланы, кабаны. В степи для каждого вида есть свой корм. Какая глупость была извести верблюдов в Тургае! Прекрасные, никому не мешавшие звери, а их корм лишь частично доступен овцам, большая часть его сейчас не используется. Конечно, необходимо учесть и диких копытных. Они освоят участки, недоступные домашним. Чем сложнее комплекс видов, тем устойчивее сообщество, тем более оно продуктивно.

Я незаметно заснул, даже не влез в спальный мешок. На рассвете, продрогнув, я очнулся, вылез из палатки. Все вокруг было серо от росы. Если дождаться, когда солнце заглянет в Каратам, каждая травинка засверкает, засеребрится.

Спать не хотелось, и я принялся готовить завтрак. Принес воды,

поставил на огонь чайник и кастрюлю. Пока они грелись, сходил к коням, посмотрел, в порядке ли на них путы. Случалось, запутавшись в веревке, кони подолгу стояли, не кормились.

Мысли о «городе животноводов» не оставляли меня. Проект можно бы составить за три — пять лет, но сколько потребовала бы перестройка хозяйства? Животноводство — это очень крупная отрасль. При всех недостатках сейчас создан привычный порядок, сложилась технология, к ним все приспособились: и древняя наука пастухов, и быт, и культура.

При перестройке неизбежны ошибки, проект — это всего лишь замысел, его надо еще проверить, осуществить. Сначала в одной бригаде, в одном совхозе. Если быть честным, на перестройку уйдет двадцать лет, да и не должно быть в таком деле конца, нужно улучшать и улучшать. Рано или поздно встанет вопрос о принципиально новом животноводстве — без содержания животных в стадах. Много тысяч лет назад наши предки открыли этот способ подчинения, управления копытными. Но пришло время идти дальше, искать новые принципы.

Пастухи будущего

Неужели отдать Тургаю всю жизнь, отказаться от других путешествий? Что же Каракумы, Памир, Камчатка, Таймыр? Почему я — бывший московский мальчик из семьи интеллигентов, впервые оседлавший коня в шестнадцать и начавший пасти животных в двадцать три, — должен остаться здесь навсегда? Где же люди, кого посадили на коня в первый час жизни? Где потомственные пастухи?

Я подумал, что их надо растить, нужно писать книги, учебники. Как еще один человек может передать свою любовь к пастушескому ремеслу другим? Я знал биографии исследователей-энтузиастов пастушеского ремесла. Балтийский матрос Иван Мосолов изучал работу чабанов, когда в Каракумах еще воинствовал Джунаид-хан. Нина Трофимовна Нечаева умирала в песках от жажды, едва не погибла под развалинами Ашхабада, написала столько книг о пастбищах, о чабанах, о поведении овец, стала академиком, Героем Труда. Но сколько у нее учеников, которые верят в науку пастухов? Два, три, десять? Наверяд ли больше. И у академика Луцихина в Киргизии есть лишь один ученик, Ильяс Ботбаев, не забывший, как ценил учитель народную мудрость киргизских чабанов. В Самарканде работала Е. В. Одинцова, всеми уважаемый каракулевод, которая написала книгу об узбеках-чабанах [12]. В Казахстане работу табунщиков изучал Ю. Н. Барминцев [1].

Были, есть энтузиасты науки о пастбищном животноводстве. Но как их мало для нашей огромной страны!

Я пришел в стан табунщиков очень рано, но в юрте Токая уже пили чай. Начальники — бывалые степняки — рады были хоть день прожить как рядовые табунщики.

Наверное, заместитель министра Казахстана мог понимать людей без слов.

— Я вижу, ты не согласен на наше предложение, не надумал?

Одному не справиться, а привлечь пока некого. Буду писать книгу, может быть, в этом есть больший смысл.

Кто знает?! — согласился старший товарищ. — Но наше предложение не забывай. И расскажи о нем у себя в академии.

Я выполнил задуманное, написал книгу о поведении копытных животных. [6]. Но как сделать, чтобы строчки книги воплотить в жизнь?

Сохранится ли в третьем тысячелетии нашей эры пастбищное животноводство? Для исследователя, посвятившего свой труд изучению пастушеского ремесла, это очень важный вопрос. Невесело инвентаризировать ценности, которым суждено попасть в архив, и еще грустнее думать, что результаты труда людей, десять тысяч лет создававших народную школу пастбы, скоро станут столь же ненужными, как и навык древнего богатыря, терпеливо добывавшего огонь своими палочками. Говорят, что в третьем тысячелетии физики зажгут искусственное солнце, химики соткут, наконец, одежду из воздуха, а геологи научатся добывать из морской воды все элементы таблицы Менделеева. Ну а кто накормит человечество? В самом деле — кто? Останется ли в будущем место для пастухов?

У предсказателей будущего, чья профессия — футурология — стала ныне такой модной, есть излюбленный прием: искать ростки грядущего в том, что окружает нас уже теперь.

Кто сегодня кормит человечество мясом, снабжает шкурами и шерстью? В первом ряду мировых овцеводов мы видим Австралию (16 процентов всех овец мира), СССР (12 процентов), Аргентину, Южную Америку. Кто владеет коровами? США, СССР, Бразилия, Аргентина, Мексика. Интересно посчитать и по-другому: в Уругвае на одного человека приходится 3 коровы, в Аргентине — 2, а в Дании, славящейся своими сырами и маслом, родине знаменитых пород, — всего 0,7. Кто владеет лошадьми?

Опять знакомый ряд: Бразилия, СССР, Мексика, Аргентина, США. Как видим, лидируют страны, богатые открытыми ландшафтами и, значит, пастбищами. Именно пастбищное животноводство служит для современного человечества основным источником мяса.

Однако население Земли растет. Необходимо увеличить производство продуктов более чем втрое. Возможен ли такой скачок? Ведь сроки прежних экономических революций имели совсем иные масштабы. Десять тысяч лет назад возникло пастбищное животноводство, которое до сего времени обеспечивает человечество мясом, шерстью, кожей. Сейчас же в нашем распоряжении лишь десятки лет. К тому же увеличить поголовье

животных втрое нельзя, не используя иного, чем сейчас, принципа ведения хозяйства. Резервы пастбищ практически исчерпаны, подкормка не решает проблемы.

Понятно, почему и сомнение, и изумление охватывают зоотехников, узнавших о сенсационном на первый взгляд факте: продуктивность диких животных в некоторых районах Земли вдвое, а то и втрое превышает продуктивность домашних.

В то же время очень многим людям дикие животные представляются только забавой, и изменение в отношении к ним неплохо иллюстрирует история, рассказанная мне в заповеднике «Бадхыз». Окружающие заповедник овцеводческие хозяйства поставили перед правительством Туркмении вопрос о временном использовании территории заповедника под пастбище для овец. Поддержки они, однако, не получили, и немалую роль в этом сыграло впечатление членов комиссии, выезжавшей ознакомиться с положением дел на месте. Они ожидали увидеть «пустую» степь, пропадающие зря пастбища и не могли сдержать удивления, когда в обе стороны от машины стали разбегаться куланы и джейраны, вовсе или почти исчезнувшие в других местах, а дикие бараны паслись на склонах гор в таком числе, словно это были домашние овцы. Членам комиссии стало ясно, что даже при простом пересчете на килограммы мяса неизвестно, где этих килограммов больше — в заповеднике или в тех отарах, что собирались здесь кормить.

Как же объяснить столь большую продуктивность диких животных по сравнению с домашними? Не все здесь пока понятно, но, очевидно, дикие животные умеют более целесообразно и экономично использовать растительный покров. Они образуют крупные стада только в период миграции, когда движутся с зимних пастбищ, либо наоборот. В остальное время держатся группами самого разного размера и в зависимости от количества и распределения корма передвигаются то медленнее, то быстрее. Замечательно, что общая урожайность растительности при этом не только не падает, а, напротив, даже повышается.

До самого последнего времени это казалось сомнительным, и, чтобы сохранить в первозданном виде участки степ»: й и альпийских лугов, их пытались оградить от всякого выпаса, в том числе и от влияния диких животных. Результаты не оправдали предположения: начали пропадать ценные виды растений, стала накапливаться сухая трава прошлых лет. Вопреки ожиданиям такая степь выглядела гибнущей. Геоботаники установили, что через 4–5 лет полного отдыха ее урожайность снижается на 20 процентов. Дело в том, что растительность степи и обитающие на ее

просторах дикие копытные прошли долгий современный путь развития и уже не могут жить друг без друга: животные втоптывают семена в землю, предохраняя их от высыхания, они же и удобряют почву, и собирают урожай, заботливо подстригая траву и кусты. Все дело лишь в мере. Когда потребителей слишком много, они начинают вытаптывать пастбище, выедавать траву до земли, разбивать почву в пыль, начисто объедать кору деревьев, то есть делать все то, что происходит при массированном воздействии домашних животных.

Размер стада, скорость передвижения по пастбищу, расстояние между пасущимися животными — эти и им подобные экологические особенности изменил и нарушил человек, собрав копытных в большие стада. В результате перестал действовать механизм, регулирующий взаимоотношения животных с растениями. Сломалось самое важное природное звено. Как снова пустить его в ход?

Отказаться от домашнего скота — от тонкорунных и каракулевых овец, молочных коров, великолепных лошадей — немыслимо! Значит — пока во всяком случае не видится иного выхода, — мы должны научиться подражать в животноводстве тому, к чему в процессе длительной эволюции пришла природа. Этологу особенно близка мысль Дарвина: побеждать природу можно, только повинувшись ей.

Чтобы сделать нагрузку на пастбище более равномерной, поочередно пускают в дело различные его участки. Кроме того, стада северных оленей, яков, верблюдов часто делят на меньшие части, выпасаемые отдельно. Пастухи знают установленные долгим опытом сроки восстановления листвы на объединенных деревьях и кустарниках, скорость подрастания подстриженной травы. Так, в северном оленеводстве летние пастбища повторно используются не ранее, чем через 20 дней. Когда стадо оленей кормится в тундре, поросшей карликовой ивой, за ним остается хорошо заметная красноватая полоса. Это обнажилась кора веточек ивы, с которых олени объели листья. Нужен определенный срок, чтобы тундра вернула свой прежний облик. Еще один заимствованный у природы прием — это когда на одном и том же пастбище держат животных разных видов. В Каракумах, например, вместе пасутся овцы, козы и верблюды. Овцы щиплют пустынную осочку, полынь, нижние веточки саксаула, козы часто поднимаются на задние ноги у кустов саксаула, добираясь к веткам повыше, ну, а верхний ярус — весь в распоряжении верблюдов.

Издавна применяется и вольный выпас, при котором животные, подобно их диким предкам, свободно осваивают пастбища. Но главная трудность в его применении — это сбор животных, кроме того, многие из

них теряются, гибнут от хищников и болезней. Да и вообще далеко не всех домашних животных можно предоставить самим себе: пышное руно мериносовой овцы покрывается льдом зимой — ей нужны укрытия, породистые жеребцы оказываются неспособными отбить нападение волков на табун, коровы нуждаются в регулярной дойке.

В поведении домашних животных утеряны многие важные традиции: они не знают путей миграции, которыми шли их дикие предки, в пустыне не сумеют сами найти воду. Им непременно нужна помощь человека.

Вольный выпас, конечно же, не выход — нужен какой-то компромиссный путь: с одной стороны, животным необходимо предоставить большую свободу, а с другой, научиться следить за ними на пастбище, с достаточно дальней дистанции и легко их собирать по мере надобности в определенные пункты.

И здесь народные школы пастбы успели разработать немало ценных приемов. Недаром у различных скотоводческих народов высшим мастером признается пастух, управляющий стадом «с места» — с какой-то наиболее выгодной точки пастбища. Однако при всей своей мудрости применяющиеся ныне пастушеские приемы дают возможность только лишь ослабить отрицательные стороны одомашнивания копытных и, прежде всего, содержания их в протivoестественно больших стадах. Но представьте себе только, какие совершенно новые возможности откроются перед животноводами, если подкрепить этот опыт современными достижениями науки и техники!

Ведь достаточно хорошо разработаны различные системы биотелеметрического слежения за животными: на зверя навешивают передатчик (обычно он крепится на ошейник) и с помощью двух локационных станций наблюдают за его перемещением. Дальность слежения при этом достигает 20 и более километров.

Не используется пока другое очень важное достижение науки: значение закономерностей передвижения животных по той или иной территории. А ведь оно позволяет составить зоологические карты пастбищ, на которых с большей точностью будут предсказаны вероятные пути движения копытных животных. И тогда станет ясно, в каком именно месте должен вмешаться человек: где поставить направляющую изгородь, где расположить ко-рали, укрытия, водопой, солонцы.

Разгораживание пастбищ уже сегодня может намного облегчить работу чабанов. А главное — это даст животным хоть минимум свободы, позволит им хоть в какой-то мере восстановить естественную структуру стада. Еще недавно идея разгородить необъятные просторы степей и пустынь казалась

чистым безумием. Однако появление машин, вбивающих колья и натягивающих проволоку, а при желании, наоборот, снимающих ограду, сделало применение таких изгородей делом вполне реальным. Сейчас они широко используются во многих странах мира. Разгораживание пастбищ все более применяется и в СССР.

Важно лишь, чтобы огороженный участок не стал похожим на выбитые площадки для выгула скота, которые мы зачастую встречаем возле животноводческих ферм. Размеры участка, его форма и расположение на местности обязательно должны соответствовать естественным стремлениям и потребностям животных.

Итак, у нас немало сведений, позволяющих пофантазировать о том, какими же станут животноводческие хозяйства будущего. Конечно, они будут очень различны руководящего пастьбой гораздо большего, чем раньше, числа животных и на неизмеримо большей территории. Первыми же его помощниками станут диспетчерские пункты, куда будут сходить сообщения и от наблюдателей, и с самолетов-разведчиков, и от спутников Земли. ЭВМ сравнит эти сведения с картами пастбищ, с данными службы наблюдения за растительностью, с рекомендациями метеорологов.

И все же в какие-то моменты присутствие пастухов на пастбище, безусловно, окажется необходимым. И не только присутствие, а умелые, согласованные действия. Вот тогда и понадобится вспомнить старинные приемы чабанской «науки пасты» — науки, в полном смысле слова, пока не существующей, но очень нужной и нынешнему поколению людей, и тем, кто придет потом, в XXI веке.

Важной проблемой стала в наши дни нехватка чабанов. Молодые люди охотно становятся шоферами или трактористами, мечтают о профессии геолога или летчика. И редко кого привлекает профессия пастуха. Отчего же? Ведь, если разобраться серьезно, пастух должен знать несравненно больше шофера. Права на вождение машины можно получить за 6 месяцев, а ученик пастуха, чтобы постичь премудрости его дела, должен проработать не менее двух лет! А уж о романтике и героике труда и говорить не приходится: каждый день, в любое время года и в любую погоду идут люди за стадами. И в этот самый момент, когда вы заняты чтением книги, миллион пастухов находится на своем посту под открытым небом, деля со своими подопечными все невзгоды и лишения.

Понять пастушеские приемы непросто. Даже опытные чабаны редко бывают в состоянии объяснить, почему в данной ситуации поступают так, а не иначе. Основа представлений пастухов зачастую наивна. Новичку, только вступающему на пастушескую стезю, не остается иного выхода, как

только подражать своим старшим наставникам. По сути дела, и издающиеся немалым тиражом брошюры, где описывается опыт передовых чабанов, — лишь материал для подражания.

Молодой человек, решивший стать пастухом, даже после окончания десятилетки должен снова учиться у седобородого чабана. Юноше трудно поверить, что устройство машины понять куда проще, нежели перенять опыт сотен поколений людей, что хранит старый чабан.

У него свои открытия, устои и авторитеты, и мосты между народным опытом и признанной большой наукой здесь, как нигде, еще очень тонки.

Конечно, в пастушеском, как и во всяком другом деле, встречаются люди более или менее талантливые, те, кто действует только по старинке, и ищущие свои собственные пути. В Туркмении, например, с давних пор славились чабаны из Геок-Тепе. На самых льготных условиях их приглашали работать даже в очень далекие кочевья. Всевластные баи предпочитали жить с ними в мире, полностью завися от их профессионального искусства. В наши дни имена прославленных чабанов известны не только за пределами отдельных районов, но и республик: к ним приезжают учиться, и ученики с гордостью называют имена своих учителей. Жаль только, что очень небольшую часть их опыта можно усвоить, пользуясь газетными заметками или упоминавшимися уже брошюрами. И еще больше жаль, что с каждым годом «профессоров» этого нужного и важного дела становится все меньше и меньше, а вместе с ними теряется безвозвратно накопленная многими столетиями народная мудрость...

«Помни. Земля земледельца лежит, а земля овцевода ходит. Не гоняй овцу через траву, гони траву через овец. У овцы пять ртов: одним ест, четырем топчет». Из таких вот истин, записанных Е. Одинцовой (12) со слов чабанов, складывалась народная школа пастбы. Сегодня ее обосновывает и развивает этология — наука о поведении животных.

Удивительно, что новейшее направление биологии нашло свое применение и своих союзников в древнейших ремеслах: охоте и пастушестве. Разрабатываемые этологами методы управления животными с больших дистанций в недалеком будущем умножат продуктивные силы дикой природы. И тогда осуществится мечта зоологов видеть плодородные пастбища, где пасутся несметные стада диких и домашних животных с лихвой платящие человеку сторицей за его разумную заботу.

Литература

1. Барминцев Ю. Н. Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата, Каз. гос. изд-во, 1958.
2. Баскин Л. М. Северный олень. М., Наука, 1970.
3. Баскин Л. М. Законы стада. М., Знание, 1971.
4. Баскин Л. М. Сегодня кочевка. М., Мысль, 1975.
5. Баскин Л. М. Олени против волков. М., Знание, 1976.
6. Баскин Л. М. Поведение копытных животных. М., Наука, 1976.
7. Борман В. Табун в степи. Челябинск, ОГИЗ, 1948.
8. Горелов Ю. К. Водопои горных баранов Бадхызского заповедника. — Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биол., т. 69, № 2, 1964.
9. Кеминэ. Стихотворения. М., Худ. лит., 1968.
10. Луцихин М. Н. Тонкорунное овцеводство Киргизии. Фрунзе, Киргизиздат, 1964.
11. Нечаева Н. Т., Мордвинов Н. А., Мосолов И. А. Пастбища Каракумов и их использование. Ашхабад, Изд-во Туркм. филиала АН СССР, 1943.
12. Одинцова Е. А. Практические советы каракулеводу. Самарканд, 1965.
13. Радаков Д. В. Стайность рыб как экологическое явление. М., Наука, 1972.
14. Филлис Д. Основы выездки и езды. Спб., изд. князя Д. Багратиона, 1901.
15. Geist V. Mountain sheep. A study in behaviour and evolution. Chicago — London. Univ. Chicago Press, 1971.